ISSN 0131—0097

ОГОНЁК

№ 13 МАРТ 1991

ЗОЛОТАЯ НИЩЕТА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Выходит с 1 апреля 1923 года
УЧРЕДИТЕЛЬ —
ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ
РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»

№ 13 (3323)
23 — 30 марта

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Фотомонтаж Владимира Веленгурина и Александра Ковалева. (См. в номере материал «Высшая проба абсурда».)

Оформление А. А. КОВАЛЁВА
при участии О. И. КОЗАК.

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ.
Цена подписки на год — 46 руб. 80 коп.,
на полгода — 23 руб. 40 коп.,
на квартал — 11 руб. 70 коп.
Цена одного номера в розницу — 1 рубль.

Сдано в набор 01.03.91. Подписано к печати 19.03.91. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 1 790 000 экз. Заказ № 223. Цена 1 рубль.

Адрес редакции: 101456, ГСП,
Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-22-69; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Литературы — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 251-90-55; Справки по рекламе — 212-12-00.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Издательство ЦК КПСС «Правда». Типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». Москва, А-137, улица «Правды», 24.

17 МАРТА 1991 ГОДА

Фото
Юрия
ФЕКЛИСТОВА
и
Льва
ШЕРСТЕННИКОВА

«Давайте после драки помашем кулаками». ...Впрочем, на референдум я шел, вспоминая не эту припасенную для заголовка строку Б. Слуцкого, а стишок безымянного автора на самодельном плакате:

Хочешь строить коммунизм —
Голосуй за «обновизм».
Не дай Бог нам, братцы, сбрендить —
Дать себя обреферендить!

Неглупый стишок. Ведь и правда, хотя о коммунизме в вынесенном на референдум вопросе — ни слова, но, открыв ворота троянскому коню по кличке Союз, мы скоро услышим, что народ подтвердил социалистический выбор, выразил доверие КПСС и центру. Словом, в корень смотрел безымянный автор. И все же, я полагаю, «обреферендят». Люди, способные вынести на референдум вопрос, каверзность, внутренняя противоречивость которого ясны любому мало-мальски грамотному и разумному человеку, способны на все. Например, Белоруссия проголосует за федерацию, то есть за единое государство, а Казахстан с Украиной — за принципиально иную общность, за союз суверенных, самостоятельных государств. Не важно, сложат: сплюсуют градусы спирта и северной широты и напишут, сколько будет в результате по Цельсию. Коли москвичи скажут «нет», объяснят, что сбрендили: не хотят обновления федерации. На участке в здании школы № 769 Тушинского района Москвы я провел часть дня, приставая с вопросами к самым разным людям, но по преимуществу более интеллигентным и молодым. Прикидочно две трети голосовали «против». Отчасти, думаю, именно потому, что иронически улыбались, нисколько не сомневаясь, что, если даже все они скажут «нет», в целом по стране и России все равно получится «да», что им предложен не «исторический выбор», а игра с заведомым результатом. Но если отбросить фрондерские, легкомысленно-митинговые, а также и невнятно-старческие ответы, то в осадке останется несколько продуманных объяснений совершенного выбора.

— «Нет», хотя я целиком за Союз и даже за федерацию. Я ответил «нет» центру, нашим правителям, доведшим до разрухи страну, а теперь решившим под благовидным предлогом получить новый мандат доверия, а точнее, палку. Народ устал, его легко запугать — и пугают. «Порвутся хозяйственные связи!» У США с Японией почему-то не рвутся, а у нас рвутся не только межреспубликанские, но и внутриобластные. Их не сепаратисты, их Рыжков и Павлов разрушили, обесценив деньги. «Кто вам, жертвам Чернобыля, окажет помощь, если распадется семья народов?» И это говорят, не стыдясь смотреть в глаза людям, от которых пять лет скрывали, что они облучаются и будут рожать мутантов. Думаю, это рекорд цинизма — надо занести в Книгу Гиннесса.

— У вас случаем нет родственников в Молдавии? А у меня сестра в Кишиневе. Час назад погромщики с ножами и железными прутьями ворвались на ее завод, в комнату, где шел референдум. К счастью, списки голосовавших успели скрыть. Призыв ответить «нет» — предательство или глупость.

— «Нет», потому что я за Россию. Референдум — против России. Другие получат какие-никакие права, а Россия — шиш, потому что ее мощь и богатства — это кнут и пряник, с помощью которых имперский центр только и может сохранять свою власть в разваливающейся державе. Да еще и «пятую колонну» из автономий внутри РСФСР создает, чтобы Ельцина за штаны хватали. Россия устала быть метрополией и вместе с тем колонией центра, истощаемой другими колониями. Если Россия не выйдет из СССР — реформы обречены на провал, энергия преобразований уйдет на то, чтобы отсрочить развал империи. А империя не может быть ни демократичной, ни прогрессивной. Я не националист. Я бы мечтал, чтобы СССР сохранился даже не как Союз республик, а как единое государство наподобие США. В которое бы на равных входили хоть пятнадцать, хоть сто пятнадцать автономных образований. Но это, увы, утопия. И чем дольше мы будем сдерживать центробежные силы, тем более мрачную, коричневую окраску они будут приобретать.

— «Да». Вы удивлены? Понимаю: у меня, говорят, профессорский вид (я и вправду ученый). Мне и самому весьма неловко оказаться в компании, направляемой с правого фланга «Памятью», с левого — РКП. Но я рассуждал так. Если они решились на референдум, который заведомо был чреват обострением обстановки в стране, даже кровью, то объяснить это можно с помощью двух гипотез.

Первое: они были на сто процентов убеждены в успехе. Дело нехитрое, если учесть, что половина людей и слов-то таких, как «суверенитет», не знает. Но в этом случае «Демократическая Россия» повела себя не совсем осмотрительно, решившись на конфронтацию. Разумней было бы просто дезавуировать референдум, лишив «победителей» половины предвкушаемого удовольствия. Да, понимаю: Ельцин. Ему было важно провести параллельно опрос о президентстве в России, блокирующий попытки его сместить на предстоящем съезде. И все же избранный демократами вариант не лучший.

Вторая гипотеза: они не были уверены в «да», подтверждающем способность Горбачева как-то еще справиться с ситуацией. Подозреваю: втайне они бы очень хотели услышать «нет», чтобы припереть Горбачева к стенке и пустить в ход силу, пока она у них еще есть. Но в этом случае мы выбирали сегодня не между СССР и Россией, не между федерацией и Союзом или — по совсем уже вульгарной персонификации — не между Горбачевым и Ельциным, а между Горбачевым и некой хунтой, групповой портрет которой легко представить. Да, сначала я это просто логически просчитал, потом кое-что услышал и, наконец, увидел. Я говорю о последней передаче «Паноптикум», в которой Ельцин и Горбачев (и Горбачев особо, подчеркнуто) изображаются картами в игре неких подпольных миллионеров, превращающих Россию в инвалютную шлюху. Президента страны и главу России публично обвинили в измене Родине. И ни ЦТ, ни центральная партийная пресса не поспешили выступить в защиту чести и достоинства Президента. Скажете: Невзоров — авантюрист, человек с нездоровым воображением, а на ТВ нет цензуры. Но кто мог разрешить ему съемку, понадобившуюся, чтобы сфабриковать экранное обвинение Горбачеву и Ельцину, на сверхсекретном оборонном заводе? Поэтому — лучше «да», сколь ни мучительны для страны будут его последствия. И, быть может, старушки, отвечающие «да» по безропотности, спасли нас, интеллектуалов и смельчаков, от худшего.

...В десять вечера я вернулся на свой участок. Подсчет бюллетеней проходил безупречно — я в этом убедился сам. Как и в том, что ошибся в дневных прикидках, невольно проигнорировав пугавшихся диктофона пенсионеров. За Союз проголосовали 46 процентов участников референдума. Против — 54 процента. И активность была довольно высокой — [illegible] процентов примерно. По мнению искушенных членов комиссии, ее подстегнул референдум РСФСР. Тут картина контрастней. За президентство в России высказались 85 процентов пришедших на референдум — более половины всего взрослого населения. Поэтому наша лодка пока, похоже, не перевернется. А история — старуха упрямая, ее не «обреферендишь».

Вс. ВИЛЬЧЕК

СВОБОДНАЯ ТРИБУНА

Анатолий ПРИСТАВКИН

УБИТЬ МЕРЗОСТЬ ЛИЧНОГО «Я»

О чем мы вспоминаем, когда слышим слово «терроризм»? Об угнанных самолетах, о подвигах «красных бригад» в Италии, о бомбах, подложенных в Иерусалимском храме, об убитых в автобусе израильских школьниках... Ну, конечно, о разбойниках — таких, как Хусейн или Арафат...

Все это во времена моей молодости живописно и не без удовольствия смаковали наши международники, и в нашем чистом, незамутненном сознании это сливалось в единую картину гибели капитализма... Там и наркомания, и проституция, и безработица, и кризис, и, конечно же, терроризм.

Или даже так: оттого и терроризм, что все остальное так плохо.

Попав в довольно зрелом возрасте на Запад, в Париж, бродил я по улицам и площадям, узнавая памятные по истории места первой французской революции.

Именно здесь в конце 18-го века на волне революции родился ТЕРРОР как основа, как действующая главная сила этой революции и, судя по всему, всякой революции вообще.

А вспомнил о французской революции я вовсе не из-за любви к ней и даже не из любопытства, а из уважения к великой нации, которая смогла, встав на этот путь, быстро его отвергнуть. К счастью для нее.

Стоит заглянуть в энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, и мы найдем все о терроре.

Так вот, из протоколов революционных комитетов известно, кто осуществлял террор: негодные элементы общества, люди, выбившиеся из колеи, сумасброды и негодяи всякого рода и слоя, особенно низшего, завистливые и злобные подчиненные, мелкие торгаши, запутавшиеся в долгах, пьянствующие и слоняющиеся без дела рабочие, уличные и деревенские бродяги, мужчины, подбираемые полицией, разгульные женщины... Одним словом — все антисоциальные паразиты, среди сброда которых несколько фанатиков, в чьем поврежденном мозгу легко укоренилась модная теория; все остальные в гораздо большем числе — простые хищники, эксплуатирующие водворившийся порядок и усвоившие себе революционную догму только потому, что она обещает удовлетворить всем их похотям...

Это написано историком задолго до октябрьского переворота в России, но как не разглядеть родную до боли картину НАШЕЙ революции и не узнать ее фанатиков-вождей с модной идеей в «поврежденном мозгу» и тех, кто принял революцию как догму для удовлетворения своих низменных страстей... От сталинского уголовного окружения до самых сегодняшних каких-нибудь поизмельчавших, но вполне еще реальных полозковых, нинандреевых или рубиксов...

Как же осуществлялся террор во времена французской революции?

Да как у нас, при помощи тех же самых «комитетов общественной безопасности» — похоже? Которые.... обладали самой произвольной и бесконтрольной властью над свободой и жизнью людей...

Главные лозунги террора такие: если мы добродетель (а мы, конечно, добродетель!), то каждый противник преступен и его надо уничтожать.

Прямо по М. Горькому!

Противник тот, кто думает не так, как мы. Ему-то мы и объявляем наш справедливый, наш народный, наш... террор.

Этот террор одержим идеей расправы над любым инакомыслием при помощи СТРАХА и УЖАСА.

TERREUR — обозначает именно эти два понятия: страх и ужас,— которые проявлены по отношению к своим врагам.

Слово родилось в далекие дни конца 18-го века, но как оно оказалось живуче в наше время и особенно в нашей стране. А если и у других, то обязательно у тех, с кем мы дружим. Таких, как Хусейн, который нам в чем-то даже родствен.

И лексикончик тот же, уголовный, и манеры, и наклонности.

Оттого сегодня и тужим, что не можем его спасти. Уж очень, парниша, зарвался. Ну, резал бы своих при помощи своих же омоновцев, стращал бы их бронемашинами и патрулями, врывался бы в разные частные конторы для проверки, проводил бы по приказу референдумы с вопросами, которых все равно никто не поймет... В крайнем случае организовывал бы по провинции разные там комитеты спасения... Чего ему надо было в Литве? То бишь в Кувейте?

Но вернемся к французам. А как организовывался у них террор?

Да при помощи революционных трибуналов и чрезвычайных... чуть было не сказал комиссий...

Это у нас «чрезвычайные комиссии» — ЧК, а у них, у французов, это были «чрезвычайные суды». Но, думаю, не лучше наших «комиссий»! Суды проходили без всяких там формальностей, без адвокатов и свидетелей, достаточно было «внутреннего убеждения судей». А убеждение их, как и наших, было однозначным — смерть. Вот только до ГУЛАГа они, кажется, тогда еще не додумались.

Но что приятно сближает их и наших вождей, это железная «нетерпимость и злоба к противникам». Всяким противникам, конечно. Но особенно к политическим. Да и слово «комиссар» из тех же времен.

А уж мы с ним и вовсе сроднились.

Я хочу привести слова одного такого замечательного комиссара. «Знайте, молодцы,— обращался он к своей команде.— Вам можно будет все делать, все получить, все переломать, всех заключить, всех судить, всех сослать, всех казнить...»

Нет, нет! Не подумайте, что это говорил Тухачевский при подавлении какого-нибудь восстания тамбовских крестьян или знаменитый матрос Железняк...

Так говорил еще наш французский революционный комиссар, но как замечательно похож он на своих большевистских потомков!

И вот результат всех названных действий, как отмечает история:

И ВСЕ ТОТЧАС ПРИШЛО В САМЫЙ ПРОЧНЫЙ ПОРЯДОК.

Мы сегодня тоскуем по «прочному порядку», но путь к нему очевиден. И хоть мы чуть позже начали, века на полтора, что ли, но более преуспели, их суды послали на казнь всего-то несколько десятков тысяч, а для нас это была чуть ли не дневная норма, наш общий счет далеко за миллионы!

В этом смысле НАШ террор, как и все остальное, самый лучший в мире.

Хочется отметить и такую, главную, пожалуй, особенность: и там, и здесь террор направлялся против людей обыкновенных. В основном, как пишут французы, против крестьян, солдат и мастеровых. Против кого направлялся наш террор, вы и сами помните.

Ну, а цель террора довольно точно сформулировал основоположник и родоначальник научного терроризма, великий вождь и учитель трудящихся всего мира товарищ Робеспьер. Он хотел «пересоздать человека» и «возродить человечество».

Террор направлен против, цитирую основоположника, «мерзости личного «я».

Теперь до конца прояснены и понятны и коренные задачи советской власти: убить в человеке человеческое, сделать его придатком государственной машины.

Большевики-ленинцы вслед за Робеспьером ставили целью создать человека новой формации, и, изничтожив во время своих кровавых опытов лучшую часть нации, они более даже, чем французы, достигли своей цели.

Мы все без исключения кровные дети коммунистического террора, который... «сокрушал все умы, давил на все сердца; он составил силу правительства, а она была такова, что многочисленные обитатели обширной территории как будто утратили все качества, отличающие человека от скотины. Казалось, что в них осталось лишь на столько жизни, сколько правительству было угодно им предоставить. Человеческое «я» не существовало более; индивидуум превратился в автомата...».

Но я опять перепутал времена. эта длинная цитата взята мной у участника первой французской революции, хотя звучит она так, будто мы с вами итожим сегодня плоды семидесятилетнего хозяйствования большевиков.

Как-то один японский бизнесмен заметил моим соотечественникам: «Вы все время говорите на несколько тонов выше. Ваши диалоги начинаются с решительного «нет». У вас даже муж с женой в кафе разговаривают на повышенных тонах, без конца выясняя отношения. Мы не понимаем, когда вы воинственно и активно, напором, а не разумом пытаетесь утвердить истину...»

Это он говорил не о Верховном Совете; его в скандальном таком виде, на уровне, скажем так, хамско-бытовом, как коммунальная кухня, тогда еще не было. Японец, как я понимаю, имел в виду как раз наш, воспетый классиками соцреализма, «советский характер»...

Давайте заглянем себе в душу и признаемся, хоть это и страшно: пока мы такие, мы не сможем построить свободного общества, какие бы замечательные законы сегодня мы ни принимали. Но более того, мы и законов не примем и будем с надеждой оглядываться назад, ища там, а не впереди спасение для себя.

И это хорошо понимают большевики. Для нашего успокоения они, конечно, будут утверждать, что все в прошлом и ребята из КГБ занялись устройством музеев, а в свободное время с радостью выезжают за город копать картошку, а классовой и идеологической и всякой прочей борьбе, то бишь террору, пришел полный конец... (Комиссары, даже французские, тут нашли бы иное, покрепче словцо.)

Но это неправда.

Наш красный террор вечно живой, подобно вечно живому ленинскому учению. Да они между собой в общем-то родня.

Никак не пойму, отчего в недавние времена не догадались создать институт, ну, такой, скажем, «Марксизма-терроризма». Или что-то подобное.

Вот где для науки непаханое поле!

(Я даже темку подброшу, такую, например: «Терроризм как высшая стадия социализма».)

И комиссар Робеспьер, как бы он сегодня ни именовался, вспоенный идеологическим молоком этой партии, все тот же, что и полтора века назад.

Партия на месте, армия тоже, и органы безопасности там, где были всегда: на Лубянке! И щиты и мечи не сданы в организованный ими музей. Чуть подзастоялись, но рвутся, рвутся к настоящему делу, борьба с картошкой не может их устроить.

А как аппарат, очень, кстати, смахивающий на бывшую гильотину, перестроят, то можно будет и запустить в работу.

Да уж, кажется, и запустили... В Вильнюсе, в Риге... Пора и в России начинать. Комитеты общественного спасения наготове, ждут своего часа...

Впрочем, снова перепутал, это у них так звалось, а у нас они свои, доморощенные, а зовутся комитетами «национального спасения».

Да, хрен редьки не слаще! Пальцем ткнешь — или Швед, или Рубикс, или еще какой цековский или обкомовский деятель.

Есть препятствие, правда: Борис Ельцин. И не поставишь пока к стенке, как в прежние времена комиссары ставили... Хоть страсть как хочется... Шуму много будет.

Да и Собчака или Попова тоже пока... невозможно.

Но можно ведь и с малого начать, со священников, например. Тут не Польша, не станут уж так шибко о них убиваться. Это еще Ильич сообразил на заре советской власти, именно с них и начал.

Да, он нам во многих начинаниях опять голова.

Именно он в те смутные времена «приостановил» закон о печати... Не нынешним крикунам чета: девятьсот субъективно разгулявшихся газет, а заодно тысячу триста журналов и пятьсот издательств. Да так «приостановил», что больше о них никто и не слышал до сих пор.

И еще одно завещал нам Ильич: это холить да лелеять нашу родную защитницу — армию...

И я скажу: армия нам нужна. Хотя почему-то никто не станет добиваться, особенно сами военачальники, чтобы была она у нас профессиональной. Ведь держат ее не для защиты от врагов, а для той самой войны, которую в 1917 году объявили большевики своему народу. Армия занимает в государственном терроре особое место, потому что способна пропустить через себя и обработать миллионы молодых подростков с их неокрепшими душами. При помощи особой системы подготовки (политической) можно этих ребят сформировать так, чтобы, послушно оседлав танки, могли они в нужный момент выйти на улицы и стрелять в кого им прикажут...

А в кого они стреляли в Тбилиси или в Баку?.. «Мы полностью поддерживаем своих братьев по оружию, проходящих службу в Литве... Мы всегда готовы выполнить любые задачи, которые нам поставит командующий войсками округа... (принято на общем собрании личного состава войсковой части)». Это цитата из газеты Прибалтийского военного округа «За Родину» от 17 января сего года.

Вот и выходит, что участие воинских частей в подавлении национальных движений — вовсе не случайный эпизод, а законные для системы большевистского террора функции армии.

Так же, как патрулирование на бронемашинах в мирное время, маневры десантников, набеги омоновцев и тому подобное.

Но мы и тут неоригинальны, у французов в отличие от кадровой тоже была «особая революционная армия», созданная для насильственного исполнения законов центральной власти.

Были у них и свои денисовы-олейники, то есть особые комиссары, имевшие большую власть, они посылались на места, в провинции, для выяснения какихлибо обстоятельств, скажем, кровавых столкновений с десантниками или омоновцами где-нибудь в Провансе...

«Ни добродетель наша, ни умеренность, ни философские идеи наши ничему не научили, так будем разбойниками для блага народа».

Так заявляли французские лидеры.

Бесценная мысль, пусть давняя, подкиньте ее Алкснису или его дружкам-полковникам. Она им созвучна.

А вот следующую цитату из француза я дарю лично Президенту: «При обыкновенном правлении народу принадлежит право избрания, при чрезвычайном же правлении все импульсы должны исходить от центра...»

Чрезвычайное или президентское... Как ни называй, смысл один.

Ну, а поскольку мы все ходим-бродим рядом с французами, хотелось бы вспомнить один, но уже литературный вполне случай.

В дом к Бальзаку однажды пришла молодая женщина и заявила, что, подобно известной героине писателя, она приехала из провинции в Париж, пережила всякие приключения, но далее не знает, как ей жить...

— Читайте роман, там же все о вас написано! — воскликнул с досадой классик.

В истории все про нас написано.

Там есть и про конвент, который в какой-то момент народной стихии передал власть «комитету общественного спасения», а в результате полетели головы послушных членов конвента, а потом и самого «комитета».

А потом ихнего лидера Робеспьера.

Ну, а всякие непослушные авторы и издатели были казнены, как утверждает история, еще раньше...

В общем, читайте историю, там для вас, как сказал великий Бальзак, все написано.

Кстати, сами французы вспоминают это время как «пору плохих ассигнаций и большого труса...».

Их юмор внушает мне сегодня оптимизм.

НИ СЛОВА О «СТАЕ»

ВОЗВРАЩАЯСЬ К НАПЕЧАТАННОМУ

Дождались! И трех месяцев не прошло с момента публикации очерка собственного корреспондента «Огонька» Павла Никитина «Стая» (см. № 49, 1990 г., стр. 25—28), как его заметили. Вновь крутанулся, видимо, слегка подзаржавевший маховик контрпропаганды ЦК Компартии России. Правда, оперативного реагирования на нашу публикацию не получилось. То ли из-за того, что в пресс-центре вышеозначенного ЦК подобных дел выше крыши, то ли сразу не нашлось аргументов, чтобы дать огоньковским злопыхателям квалифицированный партийный отлуп, то ли почта (а мы знаем, как она работает) не донесла своевременно до ЦК КП России отклики отдельно взятых граждан, а также «от имени группы ветеранов партии и труда»...

Как бы там ни было, дождались! Газета коммунистов Российской Федерации «Советская Россия» 2 марта с. г. публикует материал Владимира Маркова «Вокруг «Стаи». И прежде чем говорить об этом «вокруг», напомним читателям, о чем же шла речь в «Стае».

Героем очерка стал советский партийный деятель, член КПСС с 1958 года, первый секретарь Курского обкома КПСС с 1970 года, член ЦК КПСС с 1976 года, депутат Верховного Совета СССР с 1970 года Александр Федорович Гудков. Со страниц «Огонька» первое лицо Курской области предстает в образе пьяницы, развратника и самодура, главным доверенным лицом которого и ближайшим другом был полицай, вор и взяточник директор гастронома «Курск» М. Полесков. Вокруг этих двух фигур разворачивается повествование, втягивающее в орбиту исследования журналиста фигуры других партийцев, рангом пониже или повыше. Они, попадая в стаю и принимая условия игры, становятся потребителями разных благ и привилегий, теряя при этом честь, совесть, а порой и ум вяло текущей — с точки зрения времен нынешних — эпохи. Плохо было честным партийным работникам, которые условия игры не принимали. «Очищение партии от скверны» и прочие наказания ослушников следовали незамедлительно. Законы стаи приобретали буквально биологический смысл.

Вот, собственно, о чем очерк: о нравах партийных бонз различного калибра в одной отдельно взятой области в еще не забытое нами время бурных аплодисментов, регулярно переходящих в овации.

Собственный корреспондент «Огонька» подметил еще одну, свойственную, видимо, только Курской области, особенность. На повышение в партийной иерархии более всего везло первым лицам Рыльского района, на территории которого расположен санаторий ЦК КПСС «Марьино». И по вполне понятным причинам. Разглядеть со Старой площади талантливого партаппаратчика в Рыльском районе и дать ему ход довольно сложно. А вот в «Марьине», отдыхая, охотясь, рыбача, увидеть воочию способного организатора и вдохновителя будущих побед несравненно легче.

Казалось бы, подметил собственный корреспондент этакую курскую аномалию, угомонись, ставь точку. Но не тутто было! Среди нескольких функционеров, пошедших на повышение из «Марьина», собкор называет еще одну фамилию. И тут же попадается на крючок «Советской России». Цитируем:

«Ситуация, создаваемая средствами массовой информации вокруг имени первого секретаря ЦК КП РСФСР И. К. Полозкова, в том числе и статьей «Стая»,— говорится в письме Печорского горкома партии (Республика Коми),— наносит большой ущерб политическому авторитету КП РСФСР и КПСС, отрицательно влияет на положение дел в парторганизациях на местах... Мы требуем, чтобы ЦК КП РСФСР определил свою политическую позицию по этому поводу и дал принципиальную оценку фактам, изложенным в статье».

Мы в отличие от Печорского горкома КПСС знаем, с кем имеем дело, и не можем требовать от «Советской России» принципиальной оценки фактов, изложенных в статье «Вокруг «Стаи», но «политическую позицию по этому поводу» просматриваем: наших не тронь!

В заметке из пресс-центра ЦК КП РСФСР не нашлось ни одного аргумента в защиту Гудкова и гудковщины. Как будто бы не он и его соратники — главные герои «Стаи». Понятно, что сегодня защищать рашидовых, медуновых, гудковых — самое бесперспективное дело, и кто этим занимается, тот в самом деле «отрицательно влияет на положение дел в парторганизациях на местах». И не из-за того ли, что так медленно изживаются стайные пороки, в прошлом году из КПСС, по самым официальным сведениям, вышли 1800 тысяч ее членов?..

«Советская Россия» пытается защитить «своих» устами «простых» людей. Но, видимо, простые люди от станка и сохи не очень-то ныне пишут, а в свободное от работы время больше стоят в очередях, не забывая при этом посудачить о прелестях распределительной системы, в которой не так еще давно жирели и наслаждались своими неограниченными возможностями гудковы и иже с ними.

Смеем заверить, что на Ивана Кузьмича никто не нападал. Произошла лишь констатация факта: на работу в ЦК КПСС тов. Полозков И. К. перешел с должности первого секретаря Рыльского райкома КПСС. Этот факт, как мы понимаем, никто не оспаривает.

Нам, как и в ЦК КП России, тоже пишут. И если отбросить письма, в которых не указаны фамилии, инициалы и обратный адрес (такие, согласно инструкции, мы считаем за анонимные и в расчет не берем), то публикация «Стаи» собрала, по нынешним временам, неплохой урожай: более 40 откликов.

Слово нашим читателям только из Курска и Курской области. Им, как говорится, судить легче.

«Для курян разгул местных партаппаратчиков не секрет. Знаем мы и о том, что проштрафившиеся в глазах народа получали повышение в Москву. А те, кому до пенсии оставалось 3 года или меньше, получали ее за свои «заслуги» досрочно, причем персональную. Вы в своей статье верно подметили принцип продвижения по службе партработников: подхалимаж, угодничество, верность стае». **Н. Павлова, Курск.**

«Одним из важнейших событий года для жителей Курской области стал выход 49-го номера «Огонька», со «Стаей». Переведя дух после прочтения, ловишь себя на мысли: наши вожаки и проводники идей воспитывали, звали народ на трудовые свершения, сами не веря ни во что, будучи одержимы мыслью побольше хапнуть и пожить за чужой счет». **В. Морозов. Курская обл., поселок Кировский.**

«Большое спасибо за статью «Стая». Тема мне особенно понятна, так как пришлось столкнуться непосредственно с членами этой «компании», понести от них большой материальный и моральный урон». **В. Господарев, пенсионер, Курск.**

Ну и еще одно письмо из других краев.

«У нас в Краснодарском крае таких людей тоже наберется стая — все это последователи Медунова. Жили, процветали они и при Полозкове и сейчас живут, как помещики. Чужие беды их не трогают». **В. Куклина, Краснодарский край, Темрюкский район, пос. Юбилейный.**

Пожалуй, хватит цитат. Остается только поблагодарить коллег из «Советской России» за объективную оценку материала Павла Никитина. И если снять их иронию со слов: «Каков мастер пера!»,— готовы под этими словами подписаться. Репортер поработал честно.

Иное дело — заметка, созданная усилиями пресс-центра главного штаба российских коммунистов. Уж больно узнаваемы стиль и уровень: площадная брань, грязные оскорбления, бездоказательные домыслы красноречиво свидетельствуют о том, что автор статьи «Стая» попал «не в бровь, а в глаз». Одним словом, здорово рассердились на нас сторонники Ивана Кузьмича. Но сами себя не спросили: а способствуют ли подобные опусы повышению желанного им авторитета Компартии РСФСР и ее лидера? Или уже отчаялись поднять неподъемное?

Отдел публицистики

■

Вот-вот нашей перестройке исполнится шесть лет. Дата некруглая, но звона фанфар, уверен, не будет слышно не по этой причине. Главное — разочарованность, неуверенность, раздвоенность, которые поселились в душах людей. Я уже не говорю об озлоблении, жажде мести...

...И все-таки никто не переубедит меня: прошедшие шесть лет принесли огромное благо.

Глобальный результат — страна порвала, и, кажется, навсегда, с тоталитаризмом, со страхом несвободы, который она внушала всему миру и каждому человеку на шестой части планеты. А кроме этого, даже не перечесть: конец позорной войны в Афганистане, отмена 6-й статьи Конституции, за которой скрывалась бесконтрольная власть коммунистического руководства, начало преодоления самого коренного нашего недостатка — экономического государственного монополизма, небывалый взрыв гласности, утверждение общечеловеческих приоритетов, активное восстановление свободы совести, непредставимая раньше самостоятельность республик... Я бы мог перечислять еще и еще то доброе, что вошло в нашу жизнь с Горбачевым.

Ну а плохое, спросите? Да, его тоже стало безумно много. Наделано столько ошибок, а моментами и преступлений, с кровью и жертвами, что очевидно: время перестройки истекло. Будет годовщина, но не должно быть у перестройки седьмого года. Должно прийти новое время, время новых решений, думаю, время новых людей. Говоря спасибо Горбачеву, я жду: он пойдет с новым временем, которое сам и привел, или останется в старом?

Л. КУЗНЕЦОВ
Ленинград

■

Все мы знаем о рекордном количестве звезд у незабвенного Леонида Ильича. Чемпионом по орденам Ленина был Устинов — собрал 11 наград. А вот, оказывается, бывший секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. Георгадзе, который подписывал указы о наградах и часто вручал их (старшее поколение помнит, думаю, серьезного, основательного человека), сам лично предпочитал не ордена и медали, а подлинные сокровища, вывезенные из запасников Московского Кремля, Эрмитажа, Исторического музея,— полотна Леонардо да Винчи, Рубенса, Ван Дейка, Айвазовского. Чтобы вы поверили, высылаю газету «Досье 02», ежемесячник УВД Алтайского крайисполкома и краевой организации Союза журналистов СССР.

Позвольте процитировать (речь идет о многобашенном дворце Георгадзе): «В подвальном помещении виллы размещался настоящий банк. В металлических ящиках находились драгоценные перстни, серьги, кольца, броши, кулоны, ожерелья, 100 золотых слитков, 8 кг алмазов и бриллиантов. Здесь же хранилось 40 млн. рублей и 2 млн. денег в иностранной валюте». Пишут, что лично Ю. Андропов дал указание на обыск.

Многие считают, что не стоит ворошить старое, в живых-то нет виновников. Мое же мнение — надо рассказать всю правду о жизни партийной и государственной элиты. Это тоже часть нашей истории, к тому же над какой-нибудь тетей, вынесшей из овощехранилища кочан капусты, устраивают показательный суд. А вот какое наказание получил Георгадзе, неизвестно. Да и получил ли? Может, персональную пенсию и дачу пожизненно?

Г. И. МЕДВЕДЕВА
Барнаул

■

В № 49 «Огонька» опубликовано обращение «Еврейского фонда для христиан-спасителей» (находится в Нью-Йорке) с просьбой назвать имена рядовых советских граждан, которые рисковали жизнью, спасая евреев во время фашистской оккупации.

Я, Миндлина Мария Григорьевна, тот самый человек, по отношению к которому был проявлен подлинный человеческий героизм, за что не предполагались награды, более того, моим спасителям грозила смерть. Родилась я в Белоруссии, в д. Редьки, недалеко от г. Мозыря Гомельской области. В семье было шестеро детей — пятеро братьев и я. Родители работали в колхозе, кстати, в колхозе было две еврейские семьи, жили бедно.

Началась война, пришли в наши Редьки немцы. Отец наладил связь с партизанским отрядом, который быстро был разгромлен. К тому времени двое старших братьев ушли на фронт, средний же учился в Мариуполе в ФЗО, сразу же был призван в диверсионно-подрывную школу.

Преследовать нас начали с первого дня оккупации. Соседи прятали, рискуя жизнью, отца и мать очень любили. Однако нас выследили полицаи и всех отправили в Мозырь, в еврейское гетто. Даже тут нам помогли соседи, снабдили картошкой, одеждой. В гетто же никого не кормили, всех ожидал расстрел. Чудом избежали смерти в Мозыре. После расстрела очередной группы мы, воспользовавшись неразберихой, убежали в родные Редьки. И там нас снова спасали соседи.

Скоро начали расстреливать тех, кто прячет евреев. И зимой 1942 года мы ушли в лес. Нас опять выследили. Отца расстреляли на моих глазах. Я убежала, провалилась в речку. Мокрая, пришла в дом Мазуркевичей, это дядя моей учительницы. В доме немцы. Он меня, продрогшую, на печку, утром на сеновал, там лошади стояли немецкие... Оставаться опасно. Через три дня вывел меня в лес, дав хлеба и сала.

Сколько я бродила по лесу, трудно сказать. Думала, далеко ушла, а всего километров за тридцать, в Турбинки. Устроилась работницей, мне уже 14 лет минуло. И тут меня тоже прятали. Здесь же я узнала, что в Редьках расстреляли мою мать и брата Веню, другой брат убежал, его расстреляли позже. Бесконечны были мои мытарства и беспределен страх. Спасли партизаны, зачислили в свою 37-ю ельскую партизанскую бригаду санитаркой (командир А. Мищенко). Потом, в 1944 г., командир отправил меня в педучилище. Я 30 лет учительствовала в школе. Братья вернулись с фронта в орденах и медалях.

Хочу назвать фамилии белорусов, поляков, русских из деревень Правда, Редьки, Загорины, Мерабели, Прудки, Турбинка, сохранивших мне жизнь. Вот они. Семья Пашковских (прятали родители моей молоденькой учительницы Ларисы Григорьевны); семья Мазуркевичей (о ней я рассказала); семья Мицуры Михаила и Натальи (у них я сидела в погребах); семья Шевченко, большая, бедная (если ставили цветок на окно — значит, опасно); семья Зинковских из колхоза «Правда»; семья Михайловой Марьи (взяла меня, а у самой семеро детей, пришли немцы, она повалила овцу, стриги, говорит, это чтобы лица моего не было видно, а сама белая, как полотно); семья Лепешей, староста Лукьянович, героическая семья Галицких из Турбинок, о которой надо бы рассказать отдельно. И еще много людей, фамилий которых я даже и не знала.

Низкий поклон им, если живы, а если нет, то пусть узнают о них дети и внуки. Пусть мое письмо будет ответом тем темным силам, которые нагнетают националистический психоз, провоцируя ненависть между народами. Как видите, это гнусная клевета, в народе нет антисемитизма, он всегда насаждался сверху.

М. Г. МИНДЛИНА
Москва

■

Очень трудно быть русским в Прибалтике, особенно в последние годы. Как никому, наверное, и нигде. А трудно, потому что стыдно. Всегда было стыдно, и чем дальше, тем больше мучает этот атавистичный для хомо советикус рудимент души. А после января так и глаз не поднять. Мы сами навязали народам персонификацию советского с русским и теперь от этого страдаем.

Сам я русский, по крайней мере считаю себя таковым. Родился в России, в Эстонии же вырос и живу. И собираюсь жить. Если только «мои спасатели» из ВДВ и прочих родов войск не взорвут республику изнутри. Мне некуда ехать, хотя Россия и велика, ибо дом мой здесь. На берегу ЭТОГО моря, среди ЭТИХ камней, под ЭТИМ небом, среди ЭТИХ людей. А куда ехать эстонцу с его земли?

Не могу сказать, что мне нравится все, что в Эстонии делается новыми власть имущими, но я предполагаю за коренным населением ПРАВО жить на своей земле, по своим законам. Мне же как пришлому остается или признать эти законы и жить по ним, или уехать, ибо, не признавая их, я тем самым признаю законными события 1939—1940 годов и всего, что за этим последовало.

Очень не нравится мне, что кто-то, все решив за меня, кричит, надрываясь, от моего имени: защити! И кто-то спешит «защитить», не заботясь о разнообразии сценариев. А сценарий со времен финской войны так и не изменился. И из январского Вильнюса торчат те же уши.

Но цель, по-моему, «защитниками» достигнута. Президент наш вместе с провозглашенными им перестройкой и новым мышлением дискредитирован как в глазах мировой общественности, так и в глазах союзной демократии.

Для себя я уже все решил. Я буду до конца с тем народом, с которым живу бок о бок многие годы. И думаю, что я не одинок.

Ю. ЗАБЕЛЛЕВИЧ,
врач
Остров Сааремаа, Эстония

■

Я учитель с более чем 25-летним педагогическим стажем, офицер запаса, возраст — 53 года. С курсантских лет, с 1958 года, являюсь донором. Сдаю кровь безвозмездно, один раз в году обязательно. Последние 15 лет сдаю дважды — весной и осенью. В феврале этого года сдал 58-й раз. Раньше норма была 220 г, затем увеличилась до 320 г, сейчас — 420 г.

В стране не хватает донорской крови. Откуда ей быть, если людям нечего есть? Так, по талонам на месяц полагается 300 г макарон, полкило крупы, 1 кг сахару, пять пачек сигарет да бутылка водки. Жиров нет вообще. Можно ли исходя из этих норм нормально жить и работать, не говоря о том, чтобы сдавать кровь?

Второго февраля после сдачи крови мне неожиданно предложили деньги — 2 рубля 50 копеек. Я отказался, так как кровь сдаю безвозмездно. Деньги эти, оказалось, для того, чтобы я, сдав кровь, поел в какой-нибудь столовой. Бред какой-то, как будто за два с полтиной в общепите я восстановлю свое здоровье. Вот такая забота.

Лично я считаю себя участником всех объявленных и необъявленных боевых действий, стихийных бедствий, трагедий, начиная со времени Карибского кризиса, когда по комсомольскому призыву впервые сдал безвозмездно 600 г крови и неделю пролежал в медсанчасти училища, «поправляя» здоровье.

Не жалуюсь, не сетую, выполняю свой гражданский долг, имею сына-офицера, троих внуков-пацанов, посадил сад, короче, счастлив!

И все же душа болит за донорское дело, погибнет оно, если у правительства не будет за него голова болеть. Звание «Почетный донор» должно присваиваться Президиумом ВС СССР или республики, вот тогда оно и будет по-настоящему почетным, особенно если подкрепится 10-процентной надбавкой к пенсии или другими льготами. Речь-то о самом главном — о спасении человеческих жизней.

Г. Н. ГРИНЕВИЧ
Астрахань

■

Необычайно бурной была реакция на выступление Б. Н. Ельцина по Центральному телевидению. Заседания Верховных Советов СССР и РСФСР превратились в настоящие митинги. В выступлениях против Ельцина главной была мысль о том, что народ устал от противостояния двух наших лидеров. Я полностью согласен с этим. В наше тяжелейшее время единство необходимо. Но почему при этом обвинения в отсутствии единства звучали именно в адрес

ПЕРЕСТРОЙКЕ — УЖЕ ШЕСТЬ... ●
ПО СЧЕТУ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ ●
ПРИБАЛТИКА — НАША ОБЩАЯ БОЛЬ ●

Б. Н. Ельцина? Да потому, что он прямо заявил: с Президентом договориться невозможно, и верить ему нельзя. Вот это прямое, без дипломатических вывертов заявление и подействовало на «цвет» нашего общества. Были и такие, которые дожидались подходящего момента. Заявление С. Горячевой прозвучало не раньше и не позже, а именно в этот момент.

В своих «ярких» речах кинувшиеся разоблачать не утруждали себя необходимостью разобраться в том, кто является инициатором конфронтации.

Именно Ельцина обвинили в развале страны. Никто будто бы не видит, что Ельцин даже при наличии полной власти за полгода не успел бы это сделать. Пока суверенитет республик — это декларация. Реальной власти у них нет. Да что там власть! Чего стоит одна только информационная блокада, о которой много говорилось?! Чего стоит один факт, что Председатель Верховного Совета РСФСР вынужден был добиваться телевизионного времени! Да и в жалкие 40 минут к нему был подослан молодец, пытавшийся помешать выступлению.

Центр, пока жив, никогда и никому власть не уступит. Реальная власть сейчас у Центра, а точнее, у Президента. Вот с ним и надо говорить о развале страны. Разве не он проводит грандиозный эксперимент с нашим обществом, не имея при этом сколько-нибудь четкой программы действий? Или мы в пору гласности просто не знаем о ней?

Одним словом, впечатление такое: «Коммунисты, вперед! Жуй его, Ельцина! Мешает он нам». А кто прав, совсем не важно.

Ничего не поделаешь, дорогие соотечественники. Все это наши лучшие представители. Именно мы, а не кто-то другой, их выбирали. Увы, наша гражданская активность сводится в большинстве случаев к тому, что мы говорим: «А что я могу? А что изменится от того, что я выскажу свое мнение?» И пока мы молчим, мы будем глотать то, что нам дают. И депутатов, во многом определяющих нашу жизнь, мы будем иметь таких, которых почти с полным безразличием выбираем и терпим.

Г. Ю. СТОЛЯРОВ,
доцент Института инженеров водного транспорта
Волгоград

■

В № 50 «Огонька» опубликован очерк Р. Орловой и Л. Копелева «Генерал» об известном правозащитнике П. Г. Григоренко. В этом, безусловно, ценном и важном для широкого читателя материале обращает на себя внимание один недосмотр уважаемых авторов. Поскольку это немаловажная деталь (речь идет об отношении к П. Г. Григоренко Л. И. Брежнева), позволю сделать уточнение.

Наша газета недавно опубликовала отрывок из «Воспоминаний» Григоренко (украинский вариант, Детройт, США, 1984 г.). Готовя фрагмент к печати, я внимательно (и — добавлю — с большим удовольствием) перечел этот огромный мемуарный том разжалованного генерала. Из его книги явствует, что партийный выговор, полученный им во Владивостоке в начале войны (кстати, тогда его высказывание против Сталина могло стоить ему и головы, но он удачно вышел из критической ситуации), с него в конце войны НЕ СНЯЛИ, как это утверждают авторы очерка. Брежнев, действительно присутствовавший на заседании армейской парткомиссии, где рассматривалась апелляция Григоренко, высказался категорически против снятия выговора: «Неуважение к товарищу Сталину? Нет, за это пускай еще поносит!»

Вероятно, небезынтересен и такой факт: когда в 1965 году Григоренко выпустили из психиатрической больницы, Председатель СМ СССР Косыгин дал указание подготовить постановление правительства о возвращении Григоренко генеральского звания и оформлении ему пенсии обычным порядком. Но дело дошло до Брежнева и застопорилось. Он заявил: «Этого генерала я знаю. Рано его выпустили... Жаль!» Вскоре эту оплошность «исправили». Это яркий пример того, как система не прощает не только непослушания, но и сомнений в ее совершенстве.

И. ИЛЬЕНКО,
и.о. заведующего отделом публицистики газеты «Літературна Україна»
Киев

■

Идет переоценка многих исторических событий и политических деятелей прошлых лет. В частности, неоднозначно отношение и к личности В. И. Ленина, который стараниями партийных идеологов превращен в божество, в объект безрассудного идолопоклонства. В стране ему установлены десятки, если не сотни тысяч памятников. Еще больше портретов и бюстов, без которых почти не обходится ни одно учреждение. А сколько предприятий и других организаций носят имя вождя Революции — начиная от захудалого колхоза и кончая большим городом! Об отдельных улицах, проспектах, площадях уже и не говорю.

В то же время мы нередко забываем увековечить память других достойных соотечественников. Возьмем хотя бы Государственную библиотеку СССР имени В. И. Ленина. Как известно, создана она на базе музея, организованного собирателем древних книг и грамот — выдающимся государственным деятелем графом Н. П. Румянцевым. В свое время эту библиотеку так и называли — Румянцевской.

Не логично ли вернуть ей имя ее основателя? А у Владимира Ильича заслуженной славы и так хватает.

И. МАРТЬЯНОВ
Иваново

Михаил ЗАРАЕВ

ГОСПОДА ДЕЛЕГАТЫ

Заметки со съезда крестьянской партии

Раиса Павловна Толмачева из Свердловска рассказала, что летом прошлого года ста семи лет от роду умерла некая Ольга Тарасова — последний член эсеровской партии. Господи, сколько ж всякого пришлось на век этой бедной женщины, сколько раз, наверное, ее пытались стереть в лагерную пыль. Является ли крестьянская партия продолжателем эсеровской? Можно ли войти в одну реку дважды?

✻

Собрались в Доме российской демократической прессы на Волгоградском проспекте. Я родился неподалеку, на улице Талалихина, во времена моего детства называвшейся Мясной-Бульварной. Неподалеку мясокомбинат, и, когда со станции Бойня гнали скот, мы, идучи в школу, подолгу стояли на обочине, опасаясь переходить улицу в потоке обреченных на смерть животных. Это было больше сорока лет назад. Сейчас здесь все неузнаваемо. Разве что мелькнет знакомый, будто во сне увиденный силуэт какого-нибудь здания.

✻

Зал изукрашен новой атрибутикой. Трехцветный российский флаг. Лозунг — желтые буквы на зеленой ткани: «За свободный труд на свободной земле». На трибуне висит новенький хомут.

✻

В докладе Юрия Дмитриевича Черниченко мелькнул ставший уже расхожим образ — агрогулаг. Недавно перечитывал «Районные будни» Овечкина — эту классику, исходную точку российской сельской публицистики. Среди положительных героев — возвращающийся с фронта офицер Дорохов. Он знакомится с другим офицером — Калмыковым — мерзавцем, барахольщиком, в минуту откровенности поделившимся с Дороховым мечтой: разрушить бы колхозы, вернуться к единоличной жизни. Честный вспыльчивый Дорохов отвечает — нет, не доносом — выстрелом.

Все видит Овечкин — нищету, развал жизни, и о том, как проводили коллективизацию, ему ли не знать? Но колхозы — святое, не тронь, кулацкая морда!

✻

Среди делегатов нередко встречаются костистые, худые люди с легкой сумасшедшинкой в глазах. Некое юродство в их манере поведения. Только человек, мягко говоря, нестандартного мышления, а вернее сказать, сельский диссидент пойдет ныне в фермеры. Это ж лбом стену прошибать. Обычный средний крестьянин выжидает.

✻

С содокладом выступал Василий Федорович Вершинин, заместитель председателя оргкомитета. В молодости его исключали из партии за противодействие расширению колхоза. Колхоз, где он председательствовал, путем присоединения вымирающих деревень превратили в целое государство. Из конца в конец он ездил на поезде, благо имелась железная дорога. В институте экономики сельского хозяйства, где Вершинин работал долгие годы, защитив диссертацию, у него была устойчивая репутация трудноуправляемого левака. В последнее время он руководит Московской областной ассоциацией крестьянских хозяйств.

✻

Крестьян приветствовали руководители братских партий. От демократической — Травкин. От республиканской — Сулакшин. Предлагали печататься в своих газетах. У демократов — «Демократическая Россия». У республиканцев — «Господин народ». Господа делегаты слушали, на ус мотали.

✻

Все выступающие открещиваются от обвинений в насильственном развале колхозов. Если экономические подпорки государства — дотации на мясо, молоко — убрать, слабые колхозы и сами развалятся. А сильные должны стать кооперативами свободных владельцев земли. Такого рода мысли не раз обкатывались публицистикой. Но как? Как это сделать? Академик Тихонов предлагает земельный передел. Каждому — по наделу, а там сам решай: хочешь — отдай его в колхоз, хочешь — хозяйствуй сам. И опять же кто, какая политическая сила сделает это? Пять тысяч членов крестьянской партии? Похоже, что и в зале гостей больше, чем делегатов. Хотя объявлено, что их 250 из сорока шести регионов,— рук при голосовании не больно много.

✻

Делегат от Липецкой области Суслов — бывший сельский учитель, а ныне пчеловод — рассказывал, как пытались они у себя в селе собрать ячейку крестьянской партии. В какое бешенство приходили местные начальники. Закрывали двери красного уголка, гнали из кузни на улицу. Грозили, усовещивали, чтоб отказались от такого невиданного в России дела — крестьянскую партию создавать.

✻

Вершинин ответил на вопрос: почему в Подмосковье у фермеров (а их здесь 250, по иным местам немало) по двa-три гектара земли? Что можно сделать на двух-трех гектарах? Председатели колхозов ведут такой счет: сорок процентов продукции у них продналог. Тридцать — госзаказ. Итого семьдесят. Значит, и земли под эти налоги-заказы должно уходить семьдесят процентов. Из оставшихся тридцати кое-что можно выделить фермерам.

✻

За спиной игривый говорок: «Что-то председательствующий все воду пьет. Видать, с друзьями вчера встречался». «А что ж... Мы люди живые. Это коммунисты под одеялом пьют».

✻

В перерыве в буфете давали яблоки. Шел по улице с пластиковым прозрачным пакетом. В метро едва рукав не оборвали: «Где брали?» И уж совсем на подходе к дому, переходя перекресток, услышал откуда-то издалека: «Му-ужик, где яблоки брал?» — Крик из окна «Жигулей». Визг тормозов. Человек остановил машину, и за ним послушно встал весь ряд. — «В буфете».— Сокрушенно махнул рукой. Движение возобновилось.

ВРЕМЕНА ГОДА

Ваиз ЮНИСОВ

КОНЧИТСЯ ЛИ НАША ЗИМА?

ЗАПИСКИ МОСКОВСКОГО РЕПОРТЕРА

Настоящие записки не претендуют на объективность наблюдений вашего корреспондента, именно поэтому я попросил редакцию не нести ответственности за нижеизложенное. В материале — попытка отобразить хаос и смуту, охватившие Москву нынешней зимой, и полную растерянность людей от обилия мрачных событий в стране и за рубежом.

АВТОР

* * *

В общем-то я и раньше знал, что в Москве кушают голубей, но то было давно, еще в застойные годы. Их ели из азарта, в качестве закуски к «коленвалу» (так называли водку за 3 руб. 62 коп.). Ели голубей, впрочем, и школьники, играя после занятий в индейцев.

Однако теперь, ставя примитивные ловушки, голубей ловят старухи. Я это видел самолично в одном из московских двориков. Видел уже после того, как обратил внимание, что в Москве нынче явно сократилась численность этой безобидной птицы.

Хотя в магазинах и нет мяса, но я не верю, что всех голубей выловили на пропитание. Но где же тогда они? В какие жаркие страны поулетали?

... В эту зиму в Москве шибко размножилось крысиное племя, которое уже косяками скачет по ночным улицам и переулкам. На одну такую стайку я чуть было не наступил у станции метро «Автозаводская»: крысы дружно мчались в закрытую уже булочную и прошмыгнули под дверь. Другую такую стайку я наблюдал — не поверите — в одном из московских моргов... Днем же на московских помойках шныряют не менее гадкие и не менее наглые вороны.

* * *

Москвичи богатеют не по дням, а по часам. Не все, разумеется, а отдельно взятые. В этой зимней сутолоке уже не различаешь «тойот» от «Жигулей», «мерседесов» от «Волг». У преуспевающих нуворишей уже считается признаком дурного тона и даже дебильности не съездить «за бугор» и не приехать обратно на подержанных «мазде» или «форде». У моего друга, работающего психоневропатологом, есть пациент, имеющий... 19 автомобилей иномарок! У самого же врача нет даже подержанного советского, хотя ему пришлось на два года уехать из Москвы в Сибирь, чтобы подзаработать денег.

Что же делать простому пролетарию? Трудно его обвинить в лености, но, увы, несчастную «Таврию» или горбатого «Запорожца» для него купить очень большая проблема.

* * *

Я живу у четырех вокзалов. В районе, который еще при Ильиче II считался самым преступным. В магазинах Бауманского района всегда было многолюдно, и еще задолго до перестройки приходилось выстаивать очередь, чтобы купить колбасы. Было даже престижно со вчерашним «паханом», следующим через час на химию в Воркуту, пробивать чек в кассе. А теперь что? Зеки и мешочники куда-то исчезли. Исчезли и продукты питания, и товары народного потребления, какие-нибудь семирублевые утюги.

Я не экономист, но догадываюсь, почему в столице все исчезло с прилавков: предприятиям нет никакого резона отправлять все в госторговлю. Гораздо выгоднее, как в эпоху Ивана Калиты, заниматься натуральным товарообменом: «Я тебе — 1000 утюгов, а ты мне — одну дубленку».

На всех предприятиях появились коммерческие директора и менеджеры, которые занимаются подобного рода обменами. Все, в общем, по закону.

Однако есть в этом и антизаконность: люди, занятые умственным, творческим трудом, госслужащие и все, кто не производит материальных ценностей, остаются «за бортом» обменов и бартеров, поэтому вынуждены идти, скажем, на Рижский рынок и за дикую цену покупать товар, расплачиваясь своей нищенской (совдеповской) получкой.

* * *

В столице образовалось несусветное количество фондов, фондиков, ассоциаций, центров, консорциумов, банков, концернов. Они уже начинают раздражать московского обывателя своей сомнительной необходимостью и вытягиванием денег из предприятий (ведь там же натуральный обмен и залежавшийся необорачиваемый капитал).

Есть даже фонд конверсий (чем он только занимается?), есть некий 135-й или 128-й Конвент за всеевропейское разоружение, фестиваль которого состоится летом 91-го. Посмотреть бы на этот фестиваль! Должно, соберутся на него пару сотен студентов с плакатами, а руководство устроит очередную презентацию — с водкой, шампанским, с черной икрой, балыками и осетриной, величиной с поросенка. Все будет, как у МЕНАТЕПа, весьма щедрого на рекламу и неизвестно как и чьи деньги отмывающего. Ох, и презентация же была у банкиров! Да-да, и я был туда зван своим однокурсником.

... А в народе ходят упрямые слухи, что МЕНАТЕП отмывает партийные деньги и постепенно превращается в мощный гибрид советской финансовой олигархии.

* * *

Всемирно известная гостиница «Националь» нынешней зимой закрылась. Одни говорят, что закрылась она на ремонт, поскольку является архитектурным памятником, другие считают, что у руководителей терпение лопнуло и они прикрыли «Националь» за беспардонное блядство, чинимое у стен Кремля и Мавзолея. Если это так, то я не вижу логики, ведь рядом — гостиница «Интурист». Можно подумать, что там Бестужевские курсы или институт благородных девиц.

* * *

Бедный мой, любимый с детства, заснеженный и метельный Разгуляй! Когда-то здесь было обилие всяческих магазинов и лавок, опоясывающих с трех сторон старинную московскую площадь, названную так Петром Великим, который любил от Ново-Басманной прошвырнуться на санях, погулять, наведать в немецкой слободе любовницу Анну...

Снесены по велению какого-то идиота доисторические торговые ряды, и ныне здесь распростерлась площадь,

именуемая Райсоветом. Пустынная площадь. Голубые ели. И сам райсовет какой-то отчужденный, не от мира сего, с кумачовым атавизмом, развевающимся на зимнем ветру. Оставшиеся еще магазины почему-то закрыты, и разгуляевцы ходят лишь в булочную да в молочный — там иногда продают молоко и несвежий творог.

В одноэтажном доме по соседству разместился строительно-конструкторский НИИ, который еще что-то проектирует. Что? Почему же в этом доме, по какому праву контора, а не музей дяди А. С. Пушкина — Василия Львовича, очень хорошего поэта?

Висит лишь одна табличка: «Здесь жил и работал...»

* * *

Зима 1991 года, первая зима формирующегося рынка, оправдала мои мрачные прогнозы относительно самоубийств. 8 декабря прошлого года в «Комсомолке» я опубликовал статью «В гости к Богу не бывает опозданий». Суть ее сводилась к тому, что с наступлением рыночных отношений и освобождением цен увеличится число самоубийств. Так оно и вышло. Если до Нового года уходило из жизни 7 —9 москвичей в неделю, то теперь 19 — 21. Такая же ситуация и в Питере: тенденцию к росту суицидальных исходов заметил репортер «600 секунд» Вадим Медведев. Только что сделаешь? Как помочь людям, потерявшим всякий смысл в этой нелепой жизни?

...Отец Герасим, настоятель Елоховского патриаршего собора, сказал мне, что самоубийц «мы не отпеваем, разве что архимандрит в виде исключения разрешит».

* * *

Как говорил великий сатирик: «В столовой и в бане все равны». Так вот, в Сандунах или в Доброслободских банях вы можете удостовериться в точности этого афоризма. В стылые февральские дни московские бани стали самым популярным местом обитания мужской части населения. Бутылка пива, продававшаяся банщиками по 2 — 3 рубля, — желанная мечта каждого посетителя теплого заведения — обрела неведомый доселе потаенный смысл бытия. Голые коммунисты и обнаженные монархисты, облаченные в «белые одежды» радикалы, кооператоры и совслужащие именно потому потянулись к парилке, что пойти, в общем-то, некуда.

Зайдешь, скажем, в ресторан «Разгуляй», а тебе дядя с бабочкой на шее ответит:

— А у нас только за доллары.

Нынешней зимой заметил отток московского человечества от театров и кинотеатров и приток их в бани. Нельзя сказать, что народ обмещанился. Ему просто хочется немного тепла, уюта. Люди находят в бане удовольствие, объединяются. И бедные, и богатые. После денежной реформы они потеряли смысл в зарабатывании денег. Зарплаты на госслужбе хватает лишь на пропитание семей, а каких-то других денег, выбитых маклерским путем или способом коммерческих сделок — премий, контрактов, бартеров, после некоторых Указов следует уже остерегаться: поди докажи потом, что они честные.

* * *

— Как дела? — спрашивают москвичи друг у друга.

Обычный ответ: «Устаю», «Устал, как собака», «Забегался, как лошадь».

— Что, работы много?

— Да сам (сама) не знаю.

Люди уже не знают, от чего они устали больше — от политической трескотни лидеров или от хождений по магазинам. Люди устали тревожиться, устали надеяться на улучшение жизни, устали от дестабилизации социальной, национальной, нравственной. Обычно те, кто ездит в общественном транспорте, озлоблены, ожесточены, обеспокоены, задерганы. У многих развился невроз, и это видно по глазам, лицам, рукам, речи. Мой знакомый экстрасенс считает, что Москва — дьявольский, чертовский город. В общественном транспорте одни пассажиры забирают энергию соседей, другие же, не умея регулировать свою энергетику, создают такой биозаряд, что он, подобно шаровой молнии, влетает в биополе ничего не подозревающего пассажира.

— Это хорошо, когда заряд, передаваемый другому, положительный. Но ведь очень часто в «дыры» нашего биополя входит всякая чернь и гадость.

Я не мистик, а человек, воспитанный, как и все, пионерией, комсомолией, партией, а посему материалист, ведь мне, как и всем нам, ничего не предлагалось взамен. И тем не менее я поверил своему экстрасенсу. А именно тому, что среднестатистический москвич устает не от работы, но от переезда от места работы к дому. Он мне сказал, что есть черные маги, есть белые.

— Какой-нибудь черный тебе передал свою нехорошую энергию, поэтому у тебя сегодня головокружение и страх.

Сенс с полчаса колдовал над моей головой, заполняя бреши моего возбужденного биополя. И что вы думаете? Через полчаса все прошло, исчезло...

Уважаемые бумагоделатели! В Москве, извините, туалетной бумаги не хватает, а вы это ценное сырье отдаете на откуп малообразованным, невесть откуда свалившимся на нашу шею «новым сытиным». Ну ладно б они классику издавали, а то ведь какие-то дурацкие, давно устаревшие анекдоты про дядю Вову (Ленина) и тетю Надю, про дядю Мишу и тетю Раю; расходуется чуть ли не финская бумага на убого сработанные порнографические плакаты, сексуальные книжонки, которые написаны малолитературным языком.

Президент, как вы заметили, блюдет нашу нравственность и издал даже очередной недействующий указ по борьбе с порнобизнесом.

* * *

Эти записи я вел в скучные зимние вечера. Телевидение меня, как и миллионы других зрителей, оболванивало своей тягомотиной и необъективностью. Желая понять, что же все-таки происходит у прибалтов и в Южной Осетии, я чего-то недополучал, а если и получал,то меня это не устраивало. Я сомневался.

Мы переключали телевизор на другую программу — а там бесконечные дебаты, оскорбления, политические амбиции. Переключали дальше и наблюдали за фальшиво-мужественным омоновским каскадером Невзоровым, который всех нас почему-то окрестил «наши», особенно тех, кто с автоматами. Искушенный советский телезритель участливо улыбался, когда ему сообщали о покушении на способного комментатора НТК «600». И уж совсем гомерический смех вызвало заявление, что дело Невзорова похоже на «дело об убийстве Кирова».

Переключать зрителю было уже некуда, поскольку дальше ленинградской программы москвич ничего «не поймает». Оставалось одно — ожидать ночного ТВ. Ну а в ночном ТВ нас, уставших от всего на свете, начали вновь уговаривать «за советскую власть», что капиталисты и купцы — это плохо, а коммунисты и нищета — это здорово...

И наши тени исчезали не в полдень, а далеко за полночь.

Продолжение на стр. 18

ЧАСТНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

Собрание
И. Я. Лучковского

КАКИЕ ИМЕНА!..

Было время (и не такое уж далекое), когда собирание картин считалось либо эстетской прихотью, либо выгодным бизнесом, приносящим коллекционеру невиданные доходы. В той ситуации даже охранительные органы готовы были приложить свою руку к борьбе с мнимыми нарушителями закона.

Ныне положение коллекционера решительно изменилось. Из человека подозреваемого, внушающего опасения он превратился в того самого сохранителя культурных ценностей, спасителя и строителя культуры, каковым он на самом деле и является.

Недавно создан клуб коллекционеров при Советском фонде культуры. С большим успехом в Москве и Ленинграде прошли выставки русской живописи из частных собраний. Подобные экспозиции, показанные в Милане, Лондоне, Оксфорде, поразили наших коллег на Западе, многие из которых и не подозревали, что в Советском

Н. Альтман. НАТЮРМОРТ С ЗОЛОТОЙ РЫБКОЙ. 1931—1932.

В. Шухаев. ПОРТРЕТ ФРАНЦУЖЕНКИ (МАДАМ ГОДАР). 1930.

И. Машков. ОБЩЕЖИТИЕ ЛЯПИНКА. 1904.

А. Лентулов. ДЕТИ С ЗЕМЛЯНИКОЙ. 1918.

Союзе существуют коллекции подлинно музейной ценности.

Все это снова доказывает, что картины собирают не корысти ради, что к той «высокой болезни» собирательства, без которой не может осуществляться эта деятельность, прибавляется еще и желание служить людям. Известный врач А. Я. Абрамян несколько лет назад подарил городу Еревану свою коллекцию, на основе ее возник открытый для всех музей русского искусства. В Москве при ГМИИ им. Пушкина создан музей частных коллекций, куда отдали или завещали свои коллекции такие знаменитые собиратели, как И. С. Зильберштейн, А. Н. Рамм и другие.

Деятельность Ильи Яковлевича Лучковского вписывается в эту общую картину. Но она имеет и некоторую специфику, связанную с теми именами, которые прочно скреплены с Харьковом — городом, имевшим свою школу, своих интересных художников-новаторов. К числу таких относятся В. Д. Ермилов, И. И. Иванов, К. А. Сторожниченко. В Харькове родился и был с ним связан замечательный живописец Александр Шевченко — соратник Михаила Ларионова, теоретик неопримитивизма и кубизма. Работы этих и других харьковчан разысканы и приобретены Лучковским.

В основном — это доказывает вкладка «Огонька» — собрание Лучковского составлено из произведений русских художников XX столетия. Последнее поколение «Мира искусства», мастера «Голубой розы» и «Бубнового валета», являющиеся старшими среди художников, которым оказывает предпочтение собиратель, как правило, представлены поздними своими работами. Это славные, знаменитые имена! Хотя Лучковский, создавая свою коллекцию, не гоняется только за ними. Среди картин, ему принадлежащих, есть немало таких, авторы которых еще не нашли своего точного места в истории советской художественной культуры. Надо иметь в виду, что история советского искусства весьма искажена и обескровлена. Возможно, собрание Лучковского поможет исправить этот недостаток, и мы в недалеком будущем узнаем лучше тех художников, которые своим творчеством образуют важные линии развития советского искусства.

Д. САРАБЬЯНОВ

А. Тышлер. МОДНИЦА. 1961.

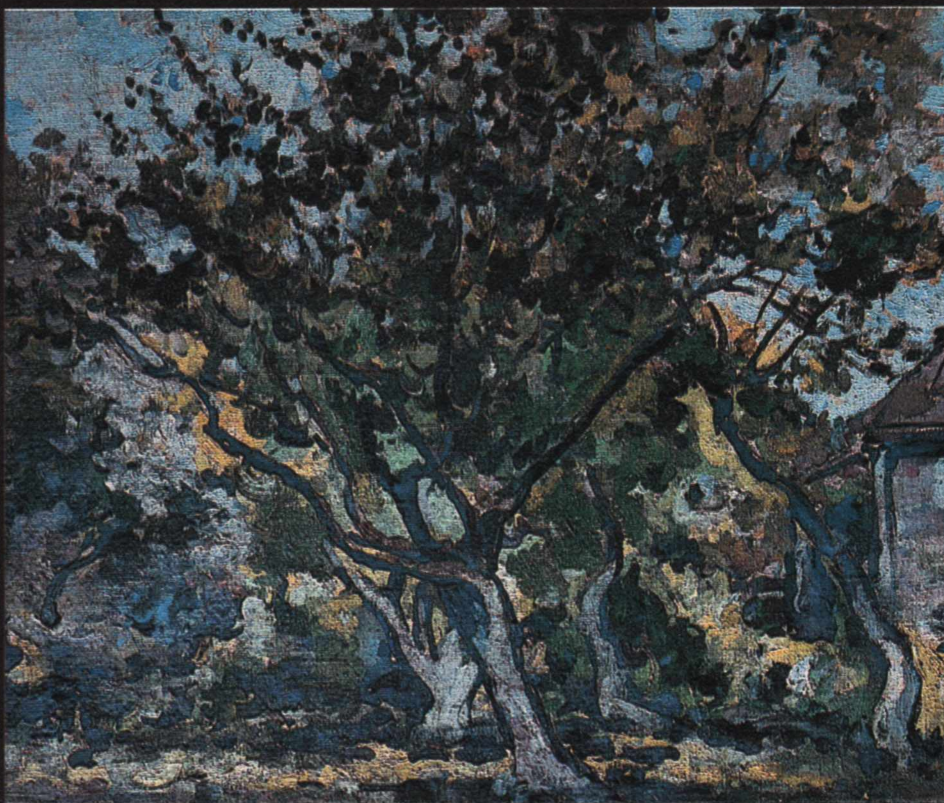

П. Кузнецов. КОРЗИНА С ЦВЕТАМИ. 1938.

В. Лебедев. ОБНАЖЕННАЯ НАТУРЩИЦА. 1936.

К. Редько. НАТЮРМОРТ С ПАЛИТРОЙ. 1930.

А. Куприн. В САДУ. ЭТЮД ЯБЛОНИ. 1924.

К. Петров-Водкин. ДЕМОН. 1901.

В ПОСЛЕДНЕМ ОКНЕ ЕВРОПЫ

Евгений РЕЙН

МАЙЯ

Мы пошли к пляжному фотографу, предприимчивому парню,
обогнавшему конкурентов на целый корпус.
Он выписал из Вьетнама обезьяну
и таскал ее за собой по коктебельским пляжам.
Как-то раз я встретил их в парке —
бросилась ко мне обезьяна, обняла за левую ногу.
Почему именно за левую ногу?
Я был смущен, даже обижен.
Что-то знала, что-то понимала обезьяна...
Но потом обида моя затерялась среди теней
волошинского залива,
и я решил сфотографироваться с обезьяной.
Вот стою я перед объективом,
обезьяна уселась на плечо моей дамы.
«Сидеть, Майя, сидеть, моя золотая»,—
сказал фотограф.
И вдруг обезьянка крохотной ладонью
с отшлифованными коготками
постучала мне по лбу, провела по вискам и морщинам.
Затараторили, засмеялись дети,
отдернула ладошку обезьяна,
словно предсказатель, пойманный с поличным.
«Работать, Майя, работать!» — строго выговорил фотограф.
Щелкнул затвор, кончилась процедура.
Почему она притронулась к лобной кости?
Сначала обнимала мою левую ногу, а потом погладила
виски и морщины.
Символический жест? Простая случайность?
Некое предостережение от старшей ветви?
А может, все это видение, наваждение,
одним словом — майя.
Обезьяна Майя — тезка таинственной богини
из самого темного пантеона.

ДРЕВЕСНАЯ ЛЯГУШКА

В полночь я вернулся к своему домику в приморском парке
И увидел, что на пороге меня ждет древесная лягушка.
А может, и не древесная (я в этом плохо разбираюсь) —
Просто спинка ее была в мелком симметричном узоре,
Прежде я такого никогда не видел.
Я открыл дверь, и чемпионским прыжком
Она перескочила ко мне на коврик.
Я зажег настольную лампу, навел на лягушку круг света.
Не уходила лягушка.
Быть может, она что-то хотела мне доверить,
Принесла важную новость, предсказание, сводку погоды?
Быть может, я должен был догадаться по симметрии ее узора
О том и об этом?
Тщетно
Глядел я, недогадливый, усталый, надменный,
На земноводную вестницу из болота и парка.
Теперь-то я догадываюсь, что мог показаться ей бродячим деревом
Какой-то особой породы,
О которой лягушки знают больше,
Чем сами про себя эти деревья.

ЗООМАГАЗИН

На последней улице последнего городка Европы —
зоомагазин — в последнем доме.
Одна витрина глядит на канал и в поле,
другая выходит к ратуше и собору.
В той, самой крайней, что на канал и в поле,
выставлен белый какаду на продажу.
Не знаю точно, сколько живут попугаи,
но этот видел Кортеса и Дрейка.
А в той витрине, что поближе к собору,
сооружен аквариум два метра на два —
в этом аквариуме нечто вроде тропического рифа.
Водоросли, актинии, моллюски и рыбки, рыбки.
Королева аквариума туманносетчатокоралловоголубая
стоит две тысячи марок — какое движение, приливы, отливы,
моторчик работает, бьет ключом стихия.
А за углом, где какаду в старинной клетке,
все уже потемнело...
Только канал, только туман с поля...
Белый какаду вспоминает Дрейка и засыпает,
потом просыпается и вспоминает Кортеса,
потом что-нибудь еще, вроде гибели «Великой Армады»...
Последний из последних
в последнем окне Европы.

Валерий КОМАРОВ

ВЫСШАЯ ПРОБА АБСУРДА

Я думаю, что старателям джеклондонского Клондайка, несмотря на все их лишения и невзгоды, можно позавидовать. Ослепленные блестками сатанинского металла, они радовались как дети. Ведь в золотых песчинках, намытых за долгие часы тяжелой монотонной работы, сияли их сбывающиеся мечты о богатстве и счастье.

Старатели сегодняшнего Жолымбета, маленького поселка в Казахстанской степи,— люди неулыбчивые, хмурые. И целые тонны золота, которые они добывают из года в год, им в общем-то безразличны. От лишнего миллиона, их руками принесенного в доход казне, никому здесь ни холодно ни жарко.

Я держал чистейшие самородки, рассматривал их причудливые формы — и не чувствовал волнения. Чужое. И уже не удивлялся равнодушию рабов, скованных цепями.

А что, собственно, здесь изменилось с 30-х, энкавэдэшных? Поржавела, порвалась, порастаскана мальчишками колючая проволока здешних лагерей, снесены караульные вышки. А бетонные казематы подслеповатого карцера вросли в землю едва не до половины...

Или известные всюду «шанхай» и «копай», послевоенные спутники расконвоированных зон? Улочки лихо запутаны, словно следы беглеца. Хаты поналяпаны с лихорадочной быстротой и навек — их делали из фанеры, камней, случайных деревяк да необожженной глины, самана. Третье поколение шахтеров растет в них. Шахтеров — потому что нет поблизости диких речек, выплескивающих на берега драгоценные россыпи, есть кварцевые жилы, уходящие далеко-далеко в глубь земли. И старатель по меньшей мере трижды в неделю залезает в грубую робу цвета хаки, натягивает резиновые сапоги, чтобы спуститься вслед за золотом.

Под землей ничего необычного: темнота, капли воды за шиворот и постоянное желание пригнуться из-за низкого «потолка» каменных нор. Да еще вагонетки на узкоколейке — одной такой хватило бы, чтобы построить, например, добротный дом или купить вагон колбасы.

В словах одного старика, больного обитателя жолымбетских трущоб и бывшего шахтера, я не случайно, конечно, услышал нотку обиженного раздражения: «Того золота мы и не видели!» Он был печально прав.

Горняки добывают руду, в которой от пяти до ста граммов металла на тонну. Серая измельченная масса — ну щебенка щебенкой — поднимается на поверхность и направляется на обогатительную фабрику, которая тут же, в поселке. Лишь за ее стенами происходит чудо.

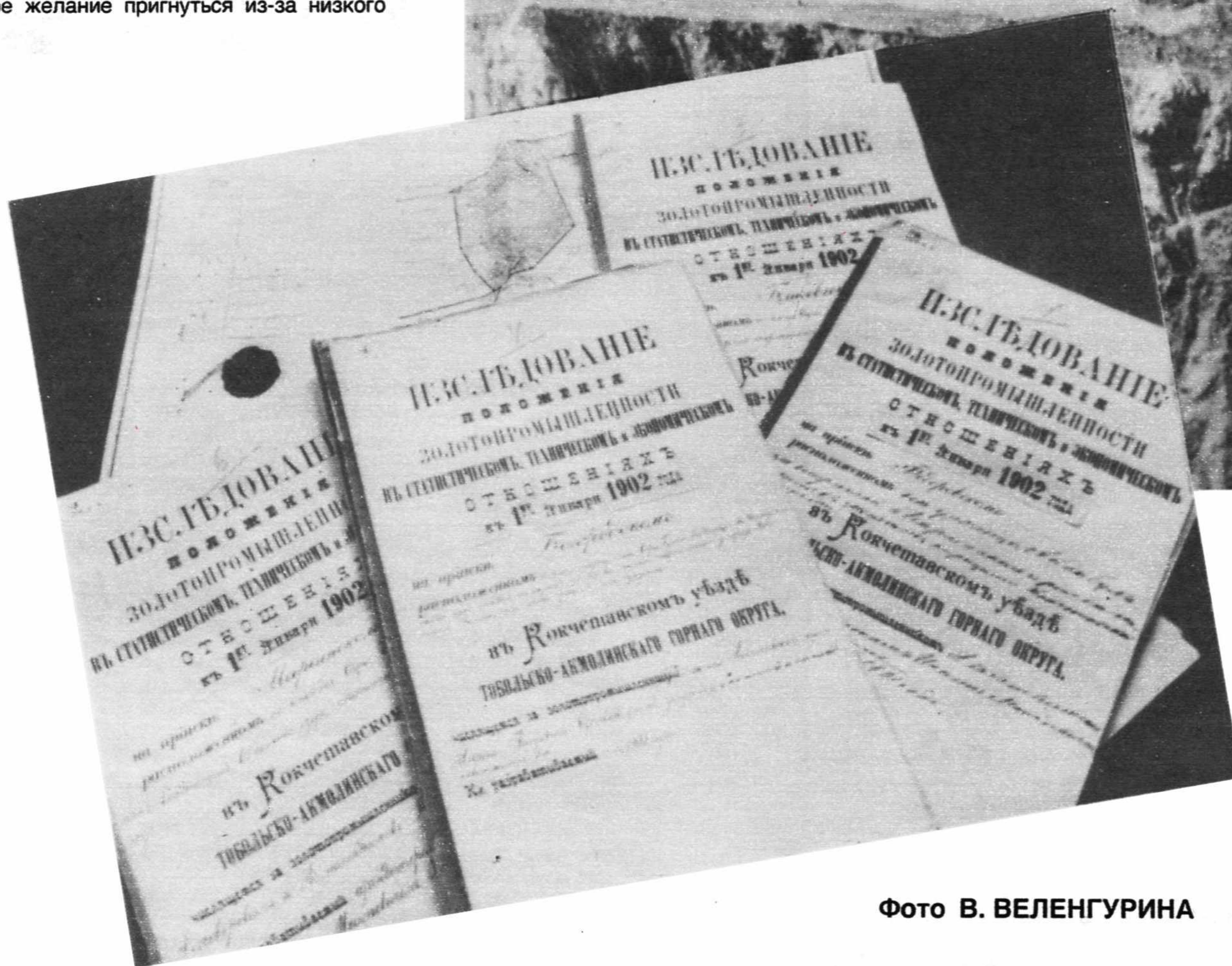

Фото В. ВЕЛЕНГУРИНА

Уголок
продавца

Это злая ирония или сарказм? Люди называют себя «золотарями», обозначая, быть может, тот первый, поверхностный слой смысла своей работы. А есть другой, и тоже, как я убедился, понятный многим: убирающие дерьмо.

За грамм добытого золота старатель получает 24 копейки, именно копейки зарплаты. Чтобы принести домой 500 рублей в конце месяца, шахтер из бригады Владимира Савоша должен выдать на-гора два килограмма золота. Пять машин навоза для дачи стоят столько же.

О каком здравом смысле здесь может идти речь?

Валентина Владимировна Гааг — вдова. Ее муж сначала работал в трудармии, а потом 21 год на руднике и умер от силикоза. В землянке, которую они построили, когда поженились, самое ценное — телевизор, черно-белый. И за это спасибо: «хоть порадуешься, как другие живут». А сама ходит за полкилометра по воду, потому что колонка поблизости бездействует уже три года.

— У вас было, есть золото? Ну, кольцо, сережки? — А потом понял, что сморозил глупость: женщина закусила губу и заплакала.

Можно тихо вздохнуть: «Ей не повезло». Можно сказать такое же о ее соседе — Мухаметжане Кабиеве, который по молодости, пока не потерял здоровье, работал под землей, а сейчас дожидается пенсии, как он выразился, «бойцом на пожарке». Только доживет ли до пенсии такой боец?

А разве назовешь счастливчиками рабочего обогатительной фабрики Искака Искакова и его жену, сразу после свадьбы справивших новоселье в покосившейся завалюхе? Или давайте позавидуем опытному взрывнику Дизилю Амирову, который кое-как купил машину, чтобы ездить в областной центр Целиноград за продуктами и сносно кормить семью из шести человек. А то порадуемся за «счастливое детство» его детей, которые вместе со сверстниками гоняют мяч на безобразном пустыре.

Поселок Жолымбет — вотчина ведомства по имени Главалмаззолото. Но сказать только это — значит, ничего не сказать, все куда масштабней, куда серьезней. Поселок Жолымбет есть явление.

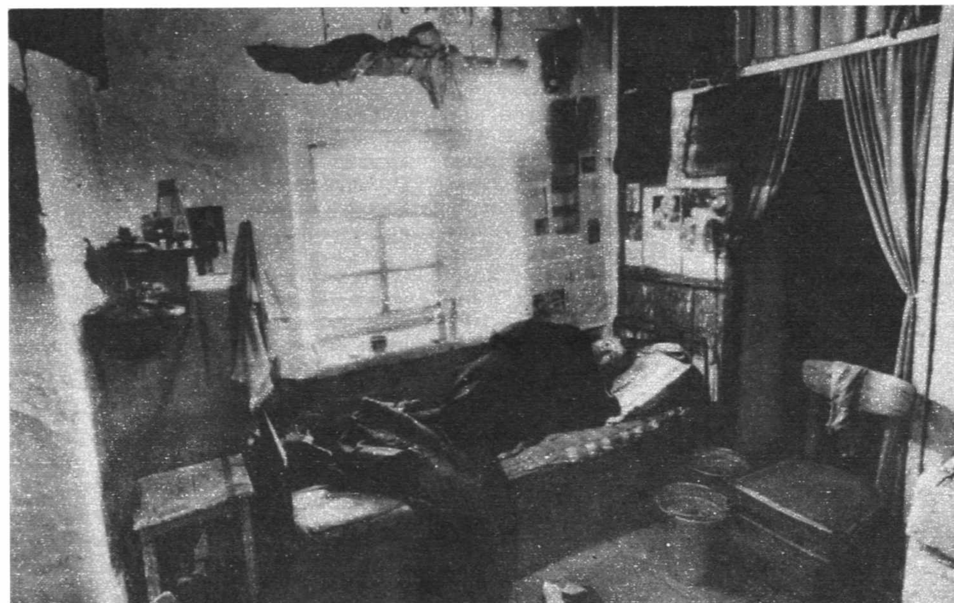

Добывающие нефть, ту самую, что продается на доллары, влачат жалкое существование отверженных. Поднимающие на-гора уголь, тот самый, без которого немыслима жизнедеятельность целой страны и жизнь отдельно взятого каждого ее гражданина, в отчаянии от нищенских условий объявляют забастовки. А возделывающие землю, ту же, что еще вчера кормила народ досыта, сегодня сами голодными разбегаются из опостылевших деревень...

Да что это? Родимые пятна капитализма? Последствия второй мировой войны, растянувшиеся на полстолетия? Ошибки в планировании и распределении, повторяющиеся с завидным постоянством? Всеобщая лень и тупость потомков Рюрика и Чингиза?

Полноте, господа-товарищи... Это — отсутствие свободы! В том числе свободы распоряжаться плодами своего труда и свободы получать все заработанное целиком, без обмана.

Каким бездонным должно быть бессилие человека, которому предначертано оставаться нищим на золотой горе...

Тамара ГРУМ-ГРЖИМАЙЛО

До 250 концертов в год дает Мстислав Ростропович. Он играет во всех странах мира. Кроме России, которая изгнала его. Он приезжал недавно, ему было возвращено советское гражданство. Но это политическое извинение перед великим виолончелистом и дирижером не вернуло его на наши концертные площадки. А из русской культуры он и сам никогда не уходил.

Как-то так случилось, что за последнее десятилетие почти все лучшее, что еще было в нашем музыкальном творчестве, перекочевало на Запад. И если мы с горечью констатируем кризис культуры, то это вовсе не означает, что она исчезает вообще. Она исчезает на порождающей ее земле потому, что с нее изгоняется.

Мстислав Ростропович: «ПОКА Я ЖИВ — ИГРАЮ...»

Мстислав Ростропович озабочен сейчас тем, чтобы в мировую культуру влилась музыка русских и советских композиторов. Об этом мы с ним и говорили в Париже, куда он заскочил на один день в паузе между очередными поездками.

Фото Риммы ЛИХАЧ. Публикуется впервые.

— Расскажи о последних премьерах советской музыки.

— По-настоящему больших было только две. Ведь за 16 лет связь с композиторами-соотечественниками была для меня практически потеряна. Последние, с кем я общался на родине, были Шостакович и Прокофьев. Шостакович умер уже после моего отъезда. И наступила пустота. Все боялись со мной общаться. Единственный — Хачатурян — прислал посвященную мне сонату-фантазию, написанную уже после моего отъезда. И вокруг меня воцарствовала ледяная пустыня...

— Кто же пробил лед?

— Родион Щедрин. Без всякого заказа, от души, от сердца написал он свое оркестровое сочинение «Стихира» и отдал мне тогда, когда это было еще очень трудно сделать. И это была моя первая большая советская премьера с Вашингтонским оркестром года три назад. Теперь у нас со Щедриным складываются серьезные оперные планы, которые мы обязательно осуществим. И еще он из Германии, из Кельна, получил заказ на виолончельный концерт.

— Я слышала, у тебя складываются отношения и с Альфредом Шнитке?

— Ну, прежде всего, я играю его виолончельный концерт! Сейчас я буду играть его везде: дважды в Берлине с оркестром Берлинской филармонии, дважды в Кельне с дирижером Сэйджи Одзава, затем в Нью-Йорке с Бостонским оркестром... И кроме того, я очень увлечен будущей оперой Шнитке, которая уже намечена к исполнению в Амстердаме.

— Какая опера?

— Не могу пока открыть этот секрет. Она пишется по заказу оперного театра Амстердама. Есть интересное либретто. Вообще должен сказать, я страшно рад был моей встрече со Шнитке в Москве. Очень был счастлив.

— А как ты познакомился с Вячеславом Артёмовым?

— Вот его музыка и была моей второй крупной советской премьерой. Мы открывали симфонией Артёмова концертный сезон, играли ее четыре раза в абонементных концертах, в том числе и в нашем Кеннеди-центре. Эта музыка вызвала большой, я бы сказал, огромный интерес. Огромный интерес и споры. Я люблю, когда возникают полярные мнения о сочинении... А встретились мы так. Артёмов приехал в Соединенные Штаты, был в Вашингтоне. Я узнал об этом и захотел с ним встретиться, послушать его сочинения. И мы послушали в записи его первую симфонию «Путь к Олимпу». Я понял, что это исключительно талантливый композитор, и с удовольствием сделал ему заказ от имени «Национальной симфонии» (то есть Национального симфонического оркестра США) на следующую симфонию. Когда он закончил работу, мы с ним установили дату первого исполнения, и он приехал в Вашингтон, чтобы присутствовать на репетициях. Оркестр мой разучил это большое сложное произведение (оно более сорока минут идет), и я считаю, это — прекрасное сочинение, впрочем, достаточно мрачное, хотя и носит название «На пороге светлого мира», на пороге открытия неведомого грядущего.

— Слава, если ты читал кое-какие публикации о творчестве Вячеслава Артёмова в советской прессе (в частности в журнале «Огонек»), то знаешь: это композитор очень трудной судьбы и очень противоречивой репутации. Он как бы не признан ни правыми, ни левыми...

— Очень хорошо, что не признан ни правыми, ни левыми. Я считаю, это очень хорошая позиция для художника. Он должен выразить, так сказать, самого себя. Я думаю, ему необходимо сейчас как можно больше исполняться, чтобы он сам себя слышал. Вот это очень важное условие. Я считаю, это просто преступление, когда с таким огромным талантом композитор, а произведения его не играются.

— А ты его «Реквием» слышал?

— Да. И повторяю: он очень талантливый человек, с потенциальной способностью к самосовершенствованию. Он может многое услышать сам: и те ростки, которые будет растить, и те, которые его, может быть, не удовлетворят, и он их оставит на потом. Поэтому для него было невероятно важно присутствовать на всех наших оркестровых репетициях. И слышать все. И я еще раз хочу сказать: симфония Артёмова — замечательное произведение, и, что самое замечательное, он хочет ее еще дорабатывать. И это качество не отрицательное, а положительное!

— Хотя Шостакович, как известно, никогда не переделывал своих сочинений...

— Правильно, это совершенно разные подходы. Прокофьев, например, многие сочинения подвергал переделкам. А французский композитор Анри Дютийе переделывает бесконечно. Вот я что-нибудь из его сочинений играю, а после этого появляется вдруг какой-нибудь «новый конец», а потом еще немножко, и опять «новый конец». Далеко не сразу приходит композитор к единственному решению. Ему нужно много раз послушать сочинение в живом исполнении, живом звучании. И тогда он, как скульптор, увидит издали свою «скульптуру».

— Собираешься ли ты сделать новые заказы советским авторам?

— Конечно. Но дело в том, что пропорции современной музыки в репертуаре оркестра Вашингтона ставят меня в определенные условия и рамки. Я хотел бы больше играть и готовить русской музыки, и, конечно, я делаю этот «крен». Но мы ведь там должны, так сказать, «обслужить» и американских композиторов, да и композиторов всего мира. В конечном счете по нашему заказу были написаны произведения таких крупных творцов музыки XX столетия, как Лютославский, Пендерецкий, Бернстайн, Дютийе... Массу, массу всякой современной музыки мы играли и играем. Но сейчас меня увлекает мысль (и я думаю, она осуществится) — исполнить... что бы ты думала?.. Следующую симфонию Артёмова! Он заканчивает этот цикл — триаду симфоний. И последняя симфония должна быть закончена приблизительно через год. Я уверен, что поставлю ее в свою программу.

— А из предстоящих работ нынешнего сезона что тебя греет особенно?

— Мне так много предстоит сделать, что в одном интервью и не охватить. Невозможно. И каждый день это совершенно различные сферы деятельности. Я, например, даю огромное количество концертов в пользу или в фонд чего-то. Даю тридцать благотворительных концертов в год. Сейчас иду по линии помощи больным детям. Я дал, например, большой благотворительный концерт в Осло для детского госпиталя, который борется с детским раком. Открывал новый концертный зал в Финляндии, в городе Тампере, сбор пошел на борьбу с детским раком. Эта деятельность занимает у меня немало времени. Но я считаю, это необходимо. Нельзя забывать о тех долгах, о тех «налогах», которые мы должны платить Богу. Я ведь плачу большие налоги разным

государствам: во Франции я плачу французские налоги, в Америке плачу американские налоги, в Англии — английские и так далее. А концерты милосердия — это мои налоги Господу Богу...

— Много ли русской музыки в современных программах Вашингтонского оркестра?

— Мы сделали много разных программ, куда входят и Десятая симфония Шостаковича, и «Картинки с выставки» Мусоргского, и «Петрушка» Стравинского, и 37-я симфония Моцарта... словом, много самых разнообразных программ. Но вот французы, например, предложили нам исполнить программу, полностью посвященную Чайковскому, в честь, так сказать, прошедшего года 150-летия Чайковского. И мы дали в Париже концерт, где в первом отделении играли «Ромео и Джульетту» и Струнную серенаду, а во втором — Четвертую симфонию.

— Мне приходилось слышать от друзей-французов, что Париж стал не очень музыкальным городом, что здесь всерьез не интересуются классической музыкой и не приобщают к ней детей.

— Не знаю, я этого не чувствую. Но, наверное, нужно здесь не только иметь квартиру, но жить, чтобы почувствовать это. Я ведь не живу здесь. Я приезжаю сюда, в свою квартиру, на одиндва дня, меняю чемоданы и... Можешь убедиться, в моей комнате полно чемоданов, и они разложены в определенном порядке: один чемодан у меня для Америки, другой для Германии, для Италии и так далее, и тому подобное. Естественно, поэтому я не могу входить так глубоко в музыкальную жизнь Парижа, хотя многое вижу и знаю. Вот, например, сегодня мне нужно было поехать в Национальную консерваторию, которая только что отстроилась. Потрясающее здание! Москва, я считаю, может только мечтать о таком здании. Вот конкретный факт заботы правительства Франции о музыкальном образовании.

Кроме этого, еще такой пример. Вчера я летел в «Конкорде» с моим коллегой-виолончелистом, его зовут Мишель Нуар. Он мэр города Лиона и один из крупнейших политических деятелей Франции, возможно, будущий президент. Конечно, мы с ним всю дорогу в «Конкорде» проболтали. У него — Национальная консерватория в Лионе (их только две таких: в Париже и в Лионе). Так вот сейчас, как он мне говорил, он эту консерваторию размещает в трех разных районах города, чтобы там открыть музыкальные школы, которые бы обслуживали детей.

— Ты считаешь, что Мишель Нуар может стать президентом Франции?

— Он очень крупный политический деятель, он мэр, очень передовой человек. Впрочем, конечно, такие вещи трудно предугадать. Есть другие крупные деятели. Например, я очень люблю Жака Ширака, с которым у нас давняя и тесная дружба. Каждые четыре года Ширак устраивает конкурс виолончелистов моего имени. Последний — Четвертый конкурс виолончелистов — проходил с 15 по 25 ноября 90-го года в Париже. И впервые за 26 лет в нем участвовали советские виолончелисты. И впервые за все эти годы на конкурс приехала из США моя ученица, с которой я занимаюсь три года. Я ведь не имел здесь никаких учеников, никаких...

— Во Франции?

— Нет, здесь вообще, я имею в виду Запад.

— Неужели никому не преподавал?

— Нет! Только одной этой девушке, восемнадцатилетней американке. Ее зовут Венди Ворнер. И после Жаклин Дюпре я не помню молодого таланта такого калибра. Она поразила и членов нашего жюри и стала победительницей конкурса.

— Кто-нибудь из советских музыкантов был в жюри?

— Двое: композитор Родион Щедрин, который, кстати, написал обязательное произведение для виолончели специально для этого конкурса, и Наталья Гутман, замечательная виолончелистка, я ее очень люблю и вместе с нею переживаю смерть Олега Кагана, ее мужа-скрипача, безвременно ушедшего.

— Что отличает твой парижский конкурс от десятков подобных ему?

— Надеюсь, что качество.

— А знаешь ли, что последний, Девятый конкурс имени Чайковского у виолончелистов прошел под знаком большого влияния «школы Ростроповича»? Дело в том, что твой знаменитый ученик Давид Герингас (сам лауреат Конкурса Чайковского) прислал в Москву на конкурс пять своих учеников. Тот же Густав Ревиниус, который взял первую премию в Москве, учился у Герингаса...

— Он участвовал и в моем парижском конкурсе и стал его лауреатом.

— В прессе писали, что свет конкурса Ростроповича уже пришел в Москву.

— Может быть, все-таки не «свет», а «след» какой-то, который я оставил в виолончельном деле. Его ведь всячески «затирали».

Я смотрел программу прошлого Конкурса Чайковского. Там из рекомендованных виолончельных сочинений для программ последнего тура более половины сочинений посвящены мне. Но, разумеется, об этом никто не упоминал совершенно.

— Наша многострадальная Россия переживает глобальный кризис, в результате которого культура вообще осталась за бортом. Что бы ты посоветовал тем, кто руководит нашей культурой и государством?

— Я как-то читал в «Известиях» материалы о встрече Горбачева с деятелями культуры. Чуть поздновато, мне кажется, встречается Михаил Сергеевич с людьми искусства. Но лучше поздно, чем никогда, естественно. Впрочем, это не в упрек сказано, потому что все-таки многое при Михаиле Сергеевиче сделано очень важного, весьма существенного, что и говорить. Так что нельзя сказать, что все упущено. Но я считаю, контакт с людьми, человеческий контакт тут особенно важен.

Я вспоминаю один случай. Меня както спросили в Белом доме, еще во время президентства Рейгана: а скажите, чем отличается политика в области искусства и идеологии в Соединенных Штатах от такой же политики в Советском Союзе? Я встал и в присутствии Рейгана сказал: «Ну, чем отличается? Возьмем вот такую параллель, возьмем Шостаковича и Прокофьева в Советском Союзе — самых великих наших композиторов. Кто их «учил» сочинять музыку? Товарищ Жданов учил сочинять музыку. Товарищ Сталин давал мудрые советы, как надо сочинять музыку... А здесь,— я говорю,— вот президент Рейган здесь сидит, он меня не учит музыке. Он меня спрашивает: что вы думаете об этом произведении, об этой музыке?.. Словом, в музыке я его учу. Вот этим и отличается одна политика от другой...»

Судя по материалу в «Известиях», Горбачев избрал правильный тон: хочу от вас услышать совет. То есть он не «учил» уму-разуму людей искусства наконец-то. Должен сказать, если бы я участвовал в такой встрече и кто-нибудь из политических деятелей стал бы меня учить, поучать, я бы встал и ушел. Так вот. Это правильный тон, когда Горбачев спрашивает: что можете посоветовать? Чем мы можем вам помочь? Что вам нужно? Правильно. А ведь прежде всего — что нужно? Деньги нужны! Искусство без денег не существует. А если денег не будет, то все мы должны будем снова влезать на деревья и рвать бананы и отращивать длинные хвосты. То есть снова начинать с обезьян!

— Собираешься ли ты еще когда-нибудь посетить родные края?

— Ну, конечно. Родина есть родина. Никогда, ни одной минуты я ей не изменял. Ни родине, ни людям, которых я люблю, которых я помню, которые мне дали жизнь. Не только жизнь, но дали и профессию, а это — тоже жизнь... Но все не так просто. Для меня этот жест — символическое возвращение советского гражданства — был очень неожиданным. Я был уверен: коль лишили гражданства, это до самой смерти. Думал, что, может, вспомнят обо мне через несколько лет и мою какую-то косточку довезут до родной земли. Я не сравниваю себя с гением русской земли Шаляпиным. Но все же была надежда, что вспомнят о моих костях... Вот ведь поляки собираются прах Падеревского через много лет возвращать в Варшаву. Во всяком случае, идут об этом переговоры. Этот крупный пианист и композитор был также крупным политическим деятелем, премьер-министром Польши!

— Где он похоронен?

— В Америке... Так вот, я думал, что если в России когда-нибудь и пойдет разговор, то только о моих костях, и даже на это не надеялся, поскольку исполнительское искусство — это не то, что композиторское или писательское. Пока я жив — я играю. А коль я помер — кости уж никому не нужны... Поэтому я не был готов к тому, что я могу быть принят своими при жизни как соотечественник. Я думал, если я приеду с Национальным оркестром США в Советский Союз, опять со мной побоятся разговаривать, со мной побоятся встречаться, потому что я как прокаженный. Но этого не случилось! Случилось непредвиденное и радостное. А я был к этому не готов. К сожалению, все мое ближайшее время расписано по контрактам. Вот у меня есть книга, я могу тебе показать: до 93-го года включительно я занят каждый день.

— Неужели? А что заставляет тебя принимать такой напряженный ритм концертной деятельности? От тебя это зависит?

— Только от меня. Только от меня! Но я не могу отказаться от чего-то, что меня страшно интересует. У меня нет пустяковых концертов. Нет концертов, которые я просто играю ради заработка. Не существует. Либо я выучиваю что-нибудь новое, очень важное для себя, либо я делаю оперные спектакли, как, например, новую оперу Шнитке, — как я могу от этого отказаться?! Это меня страшно интересует. Я ставлю русские оперы — это тоже невероятно важно. Вот Вишневская поставила, а я дирижировал «Царскую невесту» в Монако. Потом мы сделали это в Риме, в Вашингтоне. Я бы поставил больше опер, но у меня, к сожалению, времени нет. Много времени уходит на записи. У меня еще не записаны сольные сюиты Баха. И это я обязан записать, пока еще технически чувствую себя крепко на виолончели. Я специально освободил себе три недели в марте, которые и посвящу этому делу. Затем я должен закончить весь цикл симфоний Шостаковича... Кстати, я недавно закончил цикл записей симфоний Прокофьева.

— А что осталось записать из Шостаковича?

— Видишь ли, я все симфонии Шостаковича исполнял уже — все пятнадцать, по многу раз. Но не записал еще Двенадцатую, а кроме того, не записал Первую, Вторую, Третью, Четвертую и Шестую. Но я непременно должен это закончить. Кроме того, у меня есть обязательства перед фирмами: я должен записать с оркестром «Картинки с выставки» Мусоргского, многое другое...

— Ты только со своим оркестром делаешь записи?

— Нет, и с Лондонским, например, с ним меня связывает очень большая дружба. Или с оркестром Берлинской филармонии, с которым я уже сделал ряд пластинок и буду продолжать это делать...

— Как известно, даже у великих дирижеров через какой-то период времени возникают сложные отношения с оркестром. Это было и у Караяна, и у Тосканини, и так далее...

— Я даже знаю механику, как это возникает. Я изучил это.

— Так как же?

— Это долго рассказывать.

— Но как ты чувствуешь, может такое произойти в Вашингтонском оркестре?

— Видишь ли, я никогда не смотрел эгоистически на мою работу с оркестром. Я убежден: когда я почувствую, что у меня не хватает физических сил или что я не могу этому коллективу дать что-то новое, я, безусловно, сам уйду из этого оркестра и займусь другой, самой разнообразной деятельностью. (Например, буду писать книгу о своей жизни.) Однако я должен сказать, что сейчас Вашингтонский оркестр играет еще лучше, чем он играл год назад в Москве и Ленинграде. А произошла вот какая интересная история. Восемь ведущих артистов моего оркестра — ну, например, первый пульт вторых скрипок, концертмейстер альтов, третий бас-тромбон и так далее... они меня умоляли, они говорили: мы понимаем, нам пора уходить, но оставь нас до поездки в Россию... А ведь в Америке очень трудно «выгнать» из оркестра. Почти невозможно.

— Трудно выгнать?

— Невозможно! Сейчас же профсоюз начинает заступаться, затевает процесс, словом, это страшно, льешь слезы по этому поводу. Так вот, мои восемь артистов оркестра мне сказали: «Честно, мы уйдем из оркестра после того, как мы приедем с тобой в Россию». Ну, я ответил им: что ж, ждите и терпите. Вот они и дождались, и приехали со мной в Россию. Дали концерты и после этого честно ушли. Потому что они считали это кульминацией, так сказать, жизни со мной.

— Они хотели присутствовать при твоей встрече с родиной, твоем триумфе?

— Да, да, потому что, я надеюсь, они меня любили. Это очень как-то по-человечески. Ведь я их учил играть русскую музыку, учил играть Прокофьева и Шостаковича. И они, конечно, хотели поехать в Россию и показать, как они это играют. Я поверил им и не ошибся...

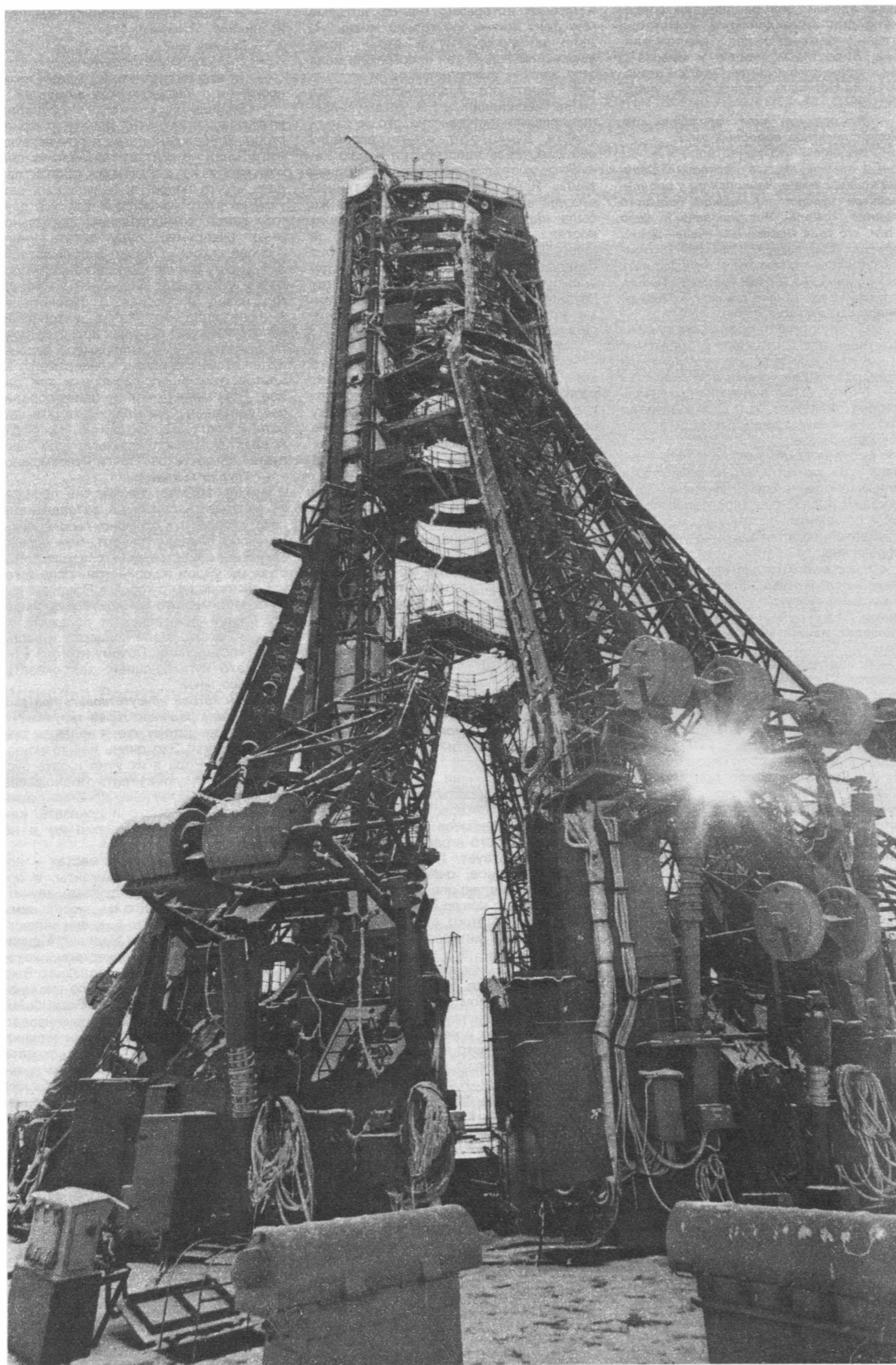
А теперь у меня на их местах — новые блистательные музыканты, и оркестр еще лучше, по-другому звучит. Теперь я опять мечтаю приехать с ними в Россию и показать, как они играют. Потрясающий оркестр! Недавно я дирижировал Чикагским оркестром, который праздновал свое столетие. Был большой гала-концерт. И было там много дирижеров: и Шолти, и Баренбойм, и Мазель, и Слаткин. И я дирижировал этим оркестром и играл с ним на виолончели. Так вот, я должен сказать совершенно честно (и мне нужно поверить!): в данный момент Вашингтонский оркестр находится на том же уровне. Вот мы сейчас в новом составе проводим сезон. Как они блестяще играли симфонию Артёмова! Это же очень трудно для оркестра. Как они собрались все! Я сам был удивлен. Блестяще! Из всех оркестров Соединенных Штатов (а это признано уже и прессой, и самими музыкантами) единственный оркестр, который сделал скачок из небытия в один из первых оркестров, — это Вашингтонский, потому что остальные, в общем, находятся на своих местах: как были блестящими, так и остались... Я к этому стремился. Ведь за 14 лет моей работы с оркестром из 103 музыкантов, которые составляют оркестр сейчас, я сменил 48. Так что пол-оркестра практически выбрано мною. У меня были конкурсы в оркестр, когда на одно место претендовали 200 человек...

— Не могу себе это представить! А скажи, есть ли у тебя кто-нибудь из русских в оркестре?

— Только двое. Это Пекарский и его сын, замечательный скрипач. Хотя играли на конкурсах довольно много русских. Но... недостаточно хорошо.

— До встречи в России!

— До встречи. Будем планировать 1993 год. «Е.б.ж.», как говорил Лев Толстой, то есть «если будем живы».

КОСМОДРОМ И ЛЮДИ

В начале шестидесятых годов в одном из американских военных журналов, взятом в библиотеке воинской части, где тогда служил, я наткнулся на карту Казахстана, где открытым текстом по-английски значилось: ТЮРА-ТАМ, а в скобках — Russian Canaveral — Русский Канаверал. Я ахнул. Тюра-Там считался стратегической военной тайной. Тут строился космодром, но никто не должен был знать об этом. Приехав сюда по контракту с Министерством обороны СССР в 59-м году с дипломом техника-строителя, я дал, как и все, подписку молчать в течение 20 лет о том, что здесь увижу и услышу. Я работал и жил на 2-й площадке (отсюда уходили в космос Юрий Гагарин и многие другие космонавты, всего же на этом стартовом комплексе состоялось уже несколько сотен пусков, он действует и сейчас). Так что для меня станция Тюра-Там словно пароль в юность. Но в газетных и телекосмических репортажах даже последнего времени упоминается обычно только космодром Байконур и лишь совсем недавно открыли Ленинск — город, которого нет на карте и который находится в двух шагах от станции Тюра-Там.

Наши граждане, ослепленные блеском космических репортажей, вероятно, представляют Ленинск каким-то необыкновенным городом. И если его космические объекты (стартовые площадки, сборочные заводы, испытательные стенды, комплексы для измерения траектории полета ракет и т. п.) действительно выполнены на высочайшем научно-техническом уровне, соответствующем XXI веку (тут нет натяжки), то сам город, в котором обитают создатели этого уровня, космические монтажники, инженеры, военные, ученые, испытатели, их жены и дети, так и застрял на орбите провинциального уездного местечка 60-х годов. Ни в архитектуре Ленинска, в котором живут сейчас около 90 тысяч человек, ни в его социальном укладе нет ничего космического.

Улицы Ленинска одинаково унылы своей безликостью: что старые кварталы четырехэтажек, которые возникали на моих глазах тридцать лет тому назад, что свежеиспеченные панельные девятиэтажки. И в тех, и в других жить в здешних условиях неудобно: летом в квартирах нечем дышать от духоты, зимой нечем согреться благодаря конструктивным особенностям зданий и едва живым батареям отопления. Создается впечатление, что проектировщики и архитекторы города просто не догадывались о здешнем резко континентальном климате.

— Суть проблем не только в архитекторах,— убеждал меня председатель горсовета Владимир Георгиевич Савченко, занимающий одновременно и пост первого секретаря горкома КПСС,— дело в том, что Ленинск изначально создавался как поселение для временного проживания военных. Все коммунальные службы создавались в расчете на небольшой гарнизон да почти такими и остались, хотя город многократно вырос. Естественно, с возросшими нагрузками и требованиями они не справляются. Постоянно выходят из строя то водопровод, то отопление, то канализация, то хлебозавод лихорадит, то с молоком перебои... Все средства направляются на развитие космодрома, город же находится на жестком бюджете, которым всех городских прорех не залатать.

— Город похож на выросшего детину, которого пытаются впихнуть в его детский костюмчик, и тот, естественно, трещит по всем швам,— кратко и неожиданно образно ту же тему прокомментировал начальник космодрома Алексей Леонтьевич Крыжко.

Ленинск — город, созданный военными и для военных. Таких в стране несколько, и все они расположены в Богом забытых местах — в глухих степях, пустынях, в тундре, в тайге...

Здесь все держится на солдате — от и до. Солдат печет хлеб, следит за работой котлов на ТЭЦ, убирает улицы, пасет коров, крутит баранку автобусов, грузовиков и начальственных легковушек, разгружает вагоны, качает чистую воду и откачивает фекальные стоки, охраняет общественный порядок, разносит газеты, сажает деревья и цветы в парках. Прошу прощения, если что-то забыл упомянуть. При этом за все про все солдату положено семь рублей в месяц. Считается, что, работая за такую зарплату полный рабочий день, допустим, хлебопеком или котельщиком на ТЭЦ, он служит, защищает Родину. Впрочем, солдат службу не выбирает: какая случаем и военкомом назначена, ту и приходится выполнять. И спасибо генералу Крыжко, который, показывая мне Ленинск и космодром, не скрывал проблем, как-то ухитряясь при этом оставаться оптимистом... Дышащий на ладан хлебозавод он похвалил за то, что здесь научились выпекать восемь сортов хлеба, что, не прекращая работу, ведут реконструкцию, после которой завод превратится в автоматизированное по последнему слову техники предприятие. Что ТЭЦ, давно «страдающую гипертонией», тоже ожидают хорошие перспективы с пуском нового котла.

Но котла пока еще нет, за него котлодержатели просят два вагона леса и еще что-то — вульгарный бартерный рынок достал и космос (можно подумать, что Байконур утопает в лесах, а не в песках). Видел я и голые каркасы теплиц, которые по идее должны уже третий год снабжать горожан овощами, зеленью, цветами. Но пока нет оборудования, и что за него попросят, предсказать не берусь.

В магазинах изобилия не наблюдается. На этом фоне приятно удивило наличие сгущенного молока в банках и вдвойне, что его никто не покупал.

— Не пользуется спросом? — справился у скучающей продавщицы.

— Вы на этикетку посмотрите...

Посмотрел: изготовлено в Гомеле. Понятно — зона Чернобыля, люди просто боятся брать. Хоть с дозиметром в магазин ходи.

— Все-таки можно баночку, я самоубийца.

— Нельзя, только по талонам.

Славный все же город Ленинск — здесь мне не дали умереть: слава Богу, талона не оказалось. Решил охладиться соком в буфете. Соки есть, стаканы тоже, но попить нельзя. Почитать — пожалуйста: «Соки в розлив не отпускаются ввиду отсутствия воды для мытья стаканов»...

Вскоре поймал себя на мысли, что отношусь к своим бытовым проблемам не то чтобы равнодушно, а как-то спокойно. Привык, потому что здесь временно? Может быть. Значит, местные жители и подавно привыкли? Нет, не могу поверить, что у военных Ленинска психология временщиков. Ведь они служат здесь годами, даже десятилетиями, живут с семьями, дети рождаются и вырастают. Не могу поверить, что можно привыкнуть к постоянным бытовым неурядицам, к гнилой, плохо очищенной сырдарьинской воде, от которой тысячи людей ежегодно болеют гепатитом. Почему же у самого передового в мире космодрома такая отсталая в своем развитии столица?

Я думал об этом по дороге на космодром. Генерал Крыжко с видимой гордостью рассказывал о космодроме, о «Сатурнах» — комплексах для измерения траектории полета ракет (их много, они расположены по трассе полета вплоть до Алтая). И о том, что с ракеты на старте автоматически снимаются и передаются для обработки на ЭВМ две тысячи параметров. И о том, что курс летящей ракеты выверяется с земли приборами с точностью до сантиметра... Я увидел стартовые комплексы всех четырех классов и самый грандиозный из них — для запуска «Энергии» — «Бурана». Все это действительно достойно и восхищения, и гордости. Но как-то блеск космических достижений не стыковался с нищетой Ленинска. Все всплывали в памяти хлебозавод (кстати, снабжающий хлебушком и космодром), и солдатик-тестомес с деревянной лопатой, и скелеты бездействующих теплиц, и задыхающаяся от бессилия ТЭЦ, и мясокомбинат, где работница на глазок вливала в колбасный фарш пару ведер воды, зачерпывая ее из неопрятного чана...

Нештатная возникла ситуация, если говорить на языке испытателей ракет, живущих в городе. Она возникла давно, и давно известны ее причины. Главная из них в том, что еще никогда ни в одном деле интересы человека, забота о его благе не были главной целью в нашем обществе. Главное — престиж ведомств, в данном случае — военно-промышленного и космического. Главное — очередной запуск ракеты, спутника, станции. При их подготовке работают круглосуточно. Всюду тройной контроль — промышленный, научный, военный. Возникли сомнения в надежности снабжения электроэнергией? Доставим мощный энергопоезд, чтобы не зависеть от ТЭЦ. Нужна при пуске «Энергии» целая река воды? Нет проблем, закачаем речку в резервуары. Но случилась авария водопровода в Ленинске или прорвало канализацию... И что? А ничего, придется потерпеть немного, пережить как-нибудь, тем более что бытовые неудобства в городе никак не влияют на запуски ракет, а стало быть, и на престиж ведомства. Вот и терпят десятки лет...

Сможет ли подняться Ленинск на орбиту, соответствующую космическим достижениям? Смею предположить, что скорых изменений к лучшему вряд ли можно ожидать. Вернувшись с космодрома, я попал в Алма-Ате нежданно-негаданно на пресс-конференцию с представителями военно-промышленного комплекса, занятыми космическими проблемами. Замминистры, генеральные конструкторы, космонавты, ученые, военные убеждали журналистов в том, что космос — это надолго, что космос — это выгодно республике, что нельзя на космос сокращать финансирование и допускать отставание, что к концу века космическими технологиями будут обладать 20 стран (сейчас 17), что уходит в прошлое излишняя секретность, что на космодром скоро будут водить экскурсии... Кстати, о секретности. Разрешено наконец жителям Тюра-Тама пасти свой скот на территории космодрома (выяснилось через тридцать лет, что полетам это не помешает). Разрешено наконец заместителю начальника космических частей МО СССР Виктору Михайловичу Рюмкину открыто носить мундир с погонами генерал-лейтенанта и называть свою должность. До недавнего времени засекреченного генерала представляли как абстрактного «специалиста по космическим проблемам», но уж гласность так гласность. Поздравляем, Виктор Михайлович... Я все ждал на этой пресс-конференции, когда заговорят о Ленинске. Заговорили восьмым или десятым пунктом. В том смысле, что надо серьезно рассмотреть проблемы города в самое ближайшее время. Так сказать, подписали протокол намерений. Хорошо бы ввести тройной контроль за их исполнением — как на космодроме.

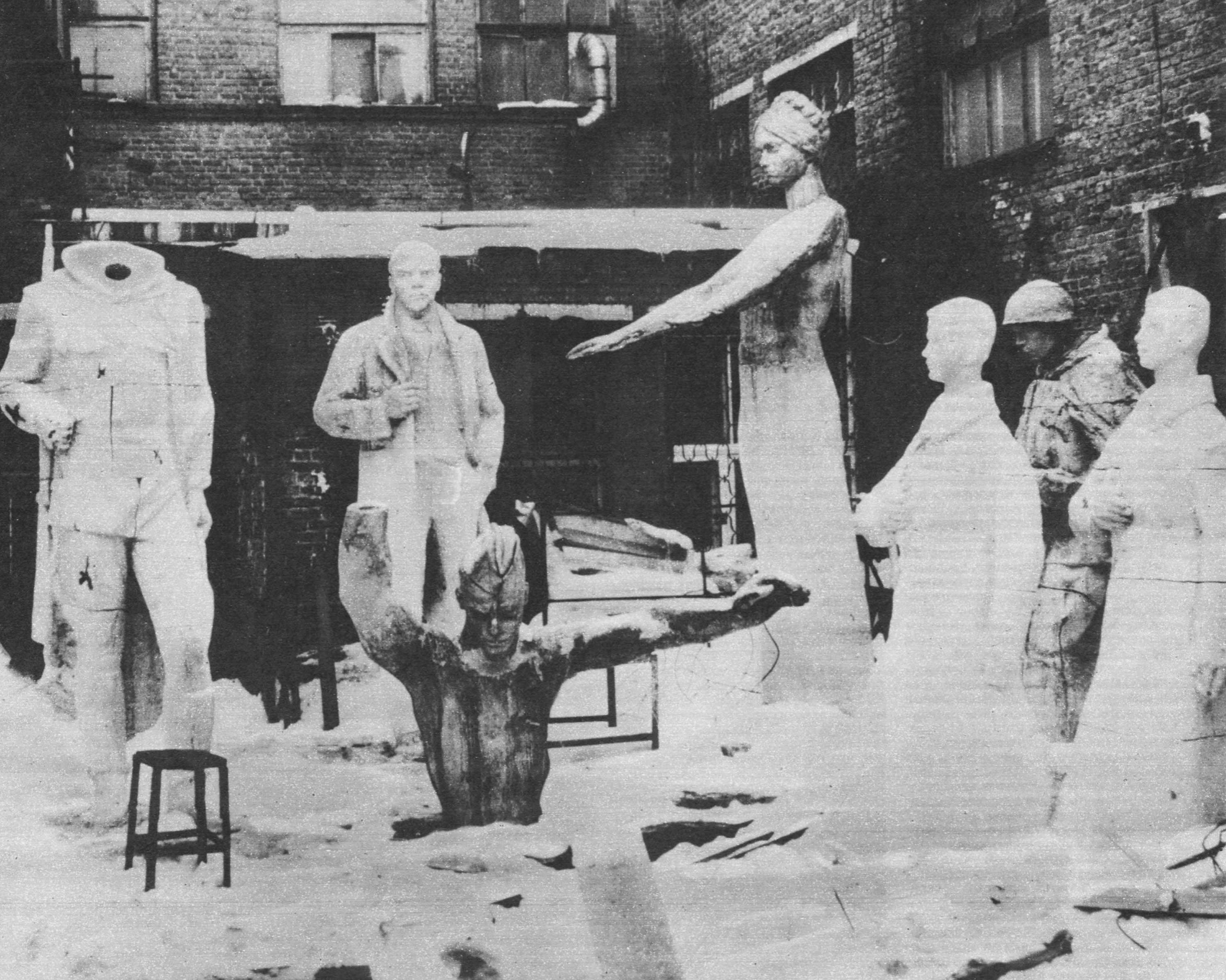
Юрий ЛУШИН,
собственный корреспондент
«Огонька»
Фото автора

КОНЧИТСЯ ЛИ НАША ЗИМА?

Начало на стр. 6.

* * *

...Каждую ночь мы ложимся с пятилетней дочуркой, зажигаем маленькую разноцветную свечку и смотрим в заиндевевшее окно — туда, где холодно и неуютно. Долго разглядываем одинокий фонарь, болтающийся на сгустке ночи. Свечка никакого тепла нам не дает — мы ее втыкаем в цветочный горшочек, отчего хотя бы чуть-чуть согреваются бабушкины цветы. От этого и нам с ней становится уютно: мы защищены от метельного хаоса, мы защищены от окружающего нас мира.

— Папа, а ты в церкви купил свечи?

— Нет, у дядей-кооператоров.

— А ты веришь в Бога?

— Не знаю, дочка.

— Папа, но ведь ты же коммунист, а коммунисты не верят. Мне бабушка говорила.

Я молчу, ничего не отвечаю.

— А во что же ты веришь, папа?

— Не знаю, дочь. Я ничего не знаю.

* * *

Однажды, когда дочь заснула, к подъезду нашего дома подъехала черная «Чайка». Довольно важный человек в сопровождении троих телохранителей прошел в подъезд и поднялся к моему соседу этажом выше, очень хорошему человеку. Ну, думаю, началось... Борьба с экономическим саботажем... 37-й год. Вадим Федоров, мой сосед, доктор биологических наук, писатель (он пишет повести и сказки для взрослых), профессор биофака МГУ, как говорят, мужик веселый, артельный. В его доме всегда студенты, артисты. Приезжали как-то Петросян, Задорнов — а тут черная «Чайка»...

...Через час «Чайка» укатила вместе с солидным человеком и телохранителями. К счастью, без Вадима Федорова. Из любопытства я поднялся к нему узнать, что случилось.

А он мне:

— Ты не переживай. У меня в гостях был Анатолий Иванович Лукьянов, Председатель Верховного Совета СССР.

— Вы с ним давно знакомы?

— О-о, — прогудел Федоров. — Еще со студенческих лет. В университете я всю жизнь на биофаке, а он с Горбачевым на юрфаке учился. Познакомились мы с Толей в литкружке — он ведь стихи пишет. Правда, для меня это загадка: как можно писать стихи и заниматься политикой.

Я тоже удивлен. У меня в руках небольшая книжица стихов со свечой на обложке: Анатолий Осенев. «Созвучие». Тираж 5000 экземпляров. Цена 45 копеек.

— Анатолий Иванович печатается под псевдонимом Осенев. А я составитель этого сборника. Но ты не думай, мы с ним дружим — и только. Если б я к нему обратился за какой-нибудь помощью, то и дружбе, думаю, наступил бы конец. А так нас поэзия объединяет, воспоминания о юности.

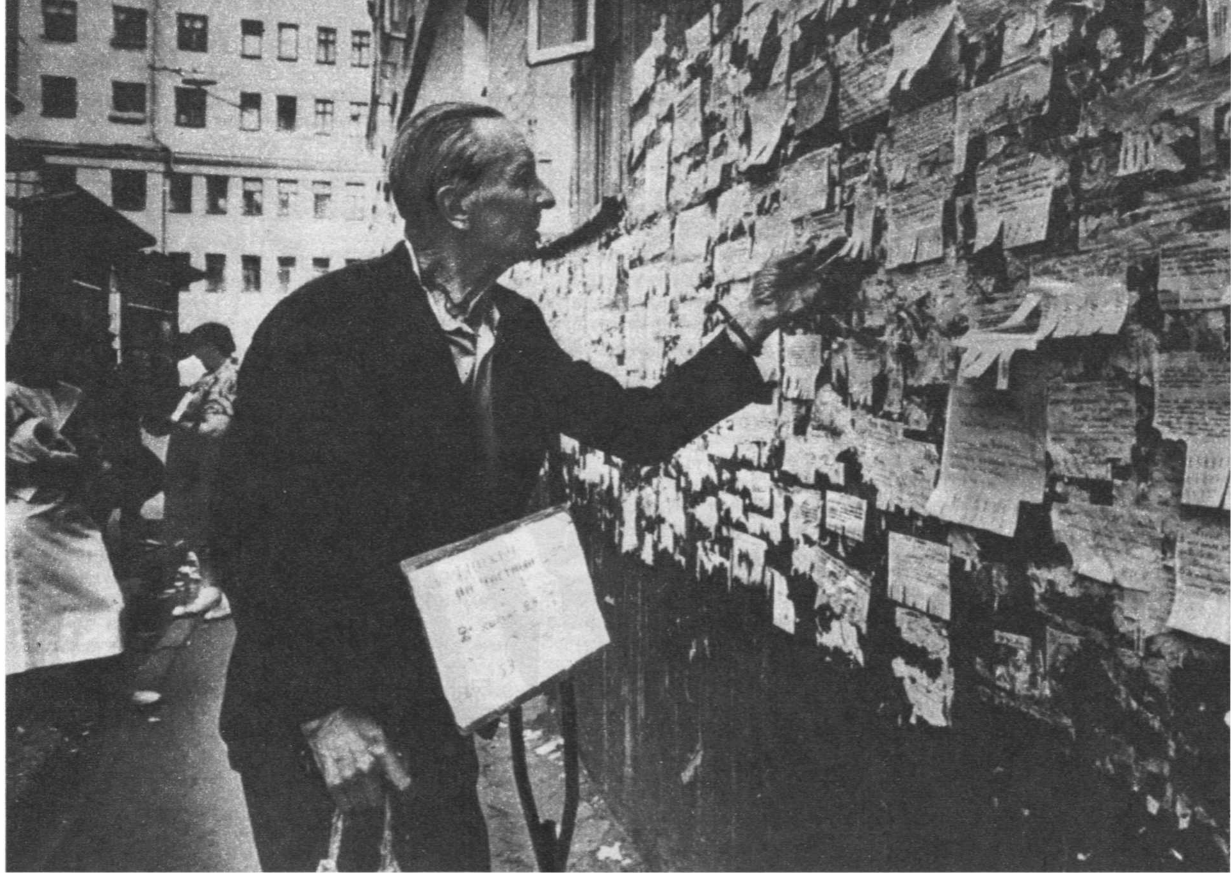
Открываю «Созвучие». Стихотворение написано в июле 1980 года, то есть тогда, когда А. И. Лукьянов, ныне бессменный председательствующий на заседаниях союзного парламента, был в должности начальника Секретариата Президиума Верховного Совета СССР:

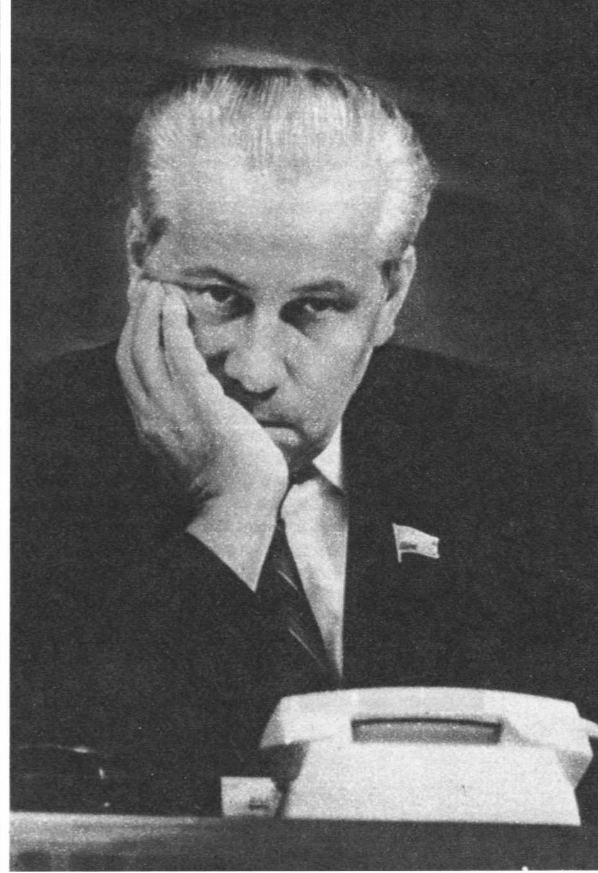
Балтика. Волны серые.
Тусклое небо. Тучи.
Знаю, надеюсь, верую —
Будет на свете лучше,
Будут добрее люди,
Будут светлее лица,
В бурном потоке судеб
Истина прояснится.
Будут слышней и звонче
Душ человечьих струны.
Тихо погладит солнце
Плечи балтийским дюнам.
Ну, а пока что злеет
Ветер холодный, жгучий...
Верю, зову, надеюсь —
Будет на свете лучше!

Поэтический прогноз Анатолия Ивановича Лукьянова не оправдался: ветер по-прежнему такой же холодный и жгучий. Более того: со всех сторон, а не только из Балтики, потянуло порохом и запахом человеческой крови.

Зима 91-го была смутная, плохая, не предвещающая новых надежд, — а так хочется простому человеку надежды, радости, каких-то новых идеалов и представлений.

Фото
Анатолия БЕЛЯСОВА,
Владимира ЕФИМОВА,
Владимира ЛАПИШКИНА,
Анатолия ПАНФИЛЯ,
Николая СТЕПАНЕНКОВА,
Юрия ФЕКЛИСТОВА.

БЕСЫ В ПАРИЖЕ

Дерек КАРТУН

РОМАН

Рисунки Вячеслава ЛОСЕВА

ГЛАВА IV

По улице Фобур Сен-Дени, мимо кинотеатра, который недавно перестроили так, чтобы в трех зальчиках можно было показывать три порнографических фильма одновременно, мимо вереницы кафе, в которые заходили только арабы и негры, шагал рыжий человек. На углу улицы Дезир он остановился возле газетного киоска и попросил все сегодняшние газеты и самый ранний выпуск вечерки.

— Все? — Пожилая продавщица, которую едва можно было разглядеть за множеством разноцветных обложек, посмотрела на него так, будто он попросил «Порно-либр».

— Говорю, все.

Она порылась в пачках газет и, склеротически двигаясь, извлекла около полудюжины изданий.

— Восемнадцать франков.

Рыжий с оскорбленным видом рассматривал пеструю выставку журналов, изданных на арабском. Достав из кармана джинсов кошелек, он отсчитал восемнадцать франков и забрал увесистую пачку газет, не сказав «спасибо».

Он миновал несколько уличных прилавков с едой, пиная ногами валяющиеся повсюду капустные листья и стараясь держаться середины узкого тротуара. Шедшие навстречу вынуждены были уступать ему дорогу, поскольку он был высок, крепкого сложения и шел, будто пехотинец, который никаких преимуществ за транспортом не признает и в бой идет под звуки марша. Несмотря на жару, он был одет поверх майки в короткую черную кожаную куртку и высокие шнурованные ботинки военного образца.

Он свернул направо в пассаж Сен-Дени — короткий мощеный проулок между построенными два века назад домами, которые, наверно, разом бы все рухнули, если вынуть из ряда какой-нибудь из них. Арендная плата за здешние магазинчики была ничтожной даже по сравнению с весьма скромными ценами на Фобур, где эта плата постоянно падала по мере того, как порнофильмы процветали и старые дома подвергались нашествию арабов, живших в Париже большей частью нелегально,— приличная публика покидала район.

В пассаже рыжий остановился возле четвертого магазинчика по левой стороне, вошел внутрь и закрыл за собой дверь, колокольчик при этом слабо звякнул. Вывеска над дверью гласила: «Чистка одежды», а ниже стояло — «Ремонт». В окне слева от двери было небольшое возвышение, на котором стояли деревянный стул и низкий стол. Лет сорок назад здесь целый день сидела работница, аккуратно штопая чулки. Мебель никто так и не потрудился убрать, хотя это нехитрое ремесло давно убито изобретением нейлона. В окне справа на длинной штанге висели в ожидании своих владельцев пальто, костюмы и платья с метками. В глубине помещения стучала и подвывала машина, ворочая одежду и наполняя пространство сладковатым запахом трихлорэтилена.

Старик в грязно-белом халате, сидевший за прилавком, кивнул вошедшему и нажал какую-то кнопку. Рыжий обогнул прилавок и открыл своим ключом дверь позади машины. Он оказался в маленькой комнате с единственным окном, расположенным высоко под потолком и не пропускавшим ни воздуха, ни света. Стосвечовая лампа без абажура беспощадно освещала убогое убранство комнаты и лица трех людей — девушки и двух мужчин, сидевших вокруг стола. Они разговаривали, но, когда он вошел, замолчали.

— Достал газеты? — спросила девушка.

Вошедший бросил пачку на стол и, не говоря ни слова, направился к низкому дивану. Трое за столом поделили между собой газеты и принялись листать, пробегая глазами столбцы объявлений. Девушке достался номер «Франс-суар». Она просмотрела первые три страницы и остановилась на четвертой, в конце первой колонки.

— Вот! — Ее голос был негромок, сдержан.— Слушайте.

Она прочла заметку в три строчки о том, что молодой мотоциклист Гвидо Ферри из Альфортвиля обнаружен без сознания около своего мотоцикла на площади Мобер и помещен в клинику Божон. Заголовок гласил: «Сбит молодой человек, водитель скрылся».

— Наконец-то. Какого черта они так долго не объявлялись?

— Что-то мне это не нравится,— сказал один из мужчин, он продолжал просматривать «Ле матэн».

— Не согласна.— Девушка говорила так, будто привыкла, что ей повинуются. Ее гладкие светлые волосы казались темнее у корней. Голубые глаза смотрели властно. Она была очень хороша: яркие губы, высокие, четко очерченные скулы, прямой красивый нос, стройная шея. Никакой косметики, только тени под глазами, будто она не выспалась. Ей было лет двадцать шесть.

Рыжий вытянулся на диване, раскинув ноги, и поскреб в паху. Зажженная сигарета повисла на нижней губе, окутав лицо дымом.

— Пидор чертов! — высказался он.— Не мог научиться сраный мотоцикл водить!

Девушка будто не слышала.

— Я к нему пойду,— сказала она.

— По-моему, не стоит, Ингрид,— возразил один из собеседников.— Слишком рискованно.

— Надо быть выше подобных рассуждений. Учись не оспаривать коллективных решений. Когда в больницах пускают посетителей? Я ведь просила узнать.

— С двух до четырех. Но все-таки...

— Вопрос снят.— Девушка взглянула на часы.— Половина двенадцатого. Теперь перехожу к сегодняшней акции. Жан-Поль, подойди сюда.

Рыжий лениво сполз с дивана и подсел к столу на свободное место. Откинувшись назад, он вытянул длинные ноги перед собой и принялся раскачиваться на стуле. Таким манером он выражал, что хоть он и согласился участвовать в обсуждении, но получать приказы от девчонки не намерен. Он снова почесал в паху и уронил пепел от сигареты себе на живот. В духоте маленькой комнаты от него воняло. Девушка на его действия не обратила никакого внимания.

— Виктор, ты оружие проверил?

Тот, кого звали Виктором, кивнул. Он был низенький и плотный, с густыми черными кудрями, сквозь очки в тяжелой оправе с толстыми стеклами глаза смотрели умно и будто удивляясь тому, что видят. Он заговорил с едва заметным южным акцентом:

— Я все-таки полагаю, что лучше взять автоматические револьверы. С ними проще обращаться и от них легче избавиться.

— И гораздо труднее попасть в цель,— саркастически добавила девушка.— Особенно если эта цель, как предполагается, движется метрах в десяти от тебя...

— А я не люблю «калашников»,— возразил Виктор.— Он может подвести. Русские — никуда не годные инженеры.

— А ты никуда не годный стрелок. Уж из «калашникова»-то и ты не промажешь, он бьет наверняка. Больше не обсуждаем, идет?

— Пожалуйста.— Виктор пожал плечами.— Но Серж согласен со мной. Правда, Серж?

— Я бы вполне обошелся девятимиллиметровым файербердом,— подтвердил Серж.— Девять выстрелов на большой скорости и точность отличная. Я много раз пробовал.

У него было бледное, с чистой кожей лицо, взгляд

Продолжение. См. «Огонек» №№ 11, 12.

огромных — в пол-лица — глаз светился напряженной верой. Он говорил запинаясь, как человек, которому не свойственно высказывать вслух свои мысли.

— Берем «калашниковы»,— заключила девушка.— Так решили в штабе, значит, так и будет. Теперь перейдем к другим вопросам. Маскировка в порядке? Переодеваемся?

Все выразили согласие.

— А машины? — обратилась она к рыжему.— С ними все в порядке?

— Конечно.

— Кто проверял?

— Беранже. И я. Мы даже сраные свечи поменяли. А может, тебе новые моторы поставить? Так сразу и скажи.

Девушка потеряла терпение.

— Знаете что,— сказала она, ее высокие скулы чуть порозовели,— по-моему, вы все не понимаете политического смысла задания. Ведете себя, будто мелкие ремесленники, каждый самоутвердиться норовит, а нам-то нужны политические активисты с технической подготовкой, а вовсе не наоборот. Вас слушать просто смех и слезы. Ну так в чем политический смысл нашего задания?

Она помолчала, но и остальные не проронили ни слова.

— Я вам объясню, раз вы до сих пор не уразумели. Политическая цель — дестабилизация, слыхали об этом?

— Господи, Ингрид, да кто ж этого не знает? — произнес Виктор.

— Что-то не похоже, чтобы вы знали. Если бы вы это действительно по-настоящему усвоили, то понимали бы, что перед нами две задачи. Две, а не одна. Первая — посеять панику, вызвать потрясение, шок — называйте как хотите. А вторая — вот тут вам всем политического чутья и не хватает — это создать впечатление, что победить нас нельзя. Что все нами задуманное неизбежно будет выполнено. Общество должно почувствовать, что мы тут хозяева, что государственная машина перед нами бессильна и их не защитит. Это значит — у нас нет права на ошибку. Ни одного провала. Никогда. Вот что я имею в виду, когда говорю о политическом значении акции. И если один только «калашников» бьет наверняка, то им и надо воспользоваться, даже если тут больше риска для нас самих. Так что хватит молоть насчет того, как мы здорово стреляем из пистолета да как здорово разбираемся в машинах.

— Ты просто один риск заменяешь другим,— возразил Серж.— Мы, конечно, должны задание выполнить. Но как раз с «калашниковыми» можем его провалить. Ведь если машину потом задержат, это тебе не пистолеты, их не выкинешь. Это разве не риск?

— Штаб больше заинтересован в том, чтобы задание было выполнено, чем в твоей личной судьбе. Да поймите же вы, если мы его не прикончим, а просто раним, то эффект будет как раз обратный, ему все сочувствовать начнут. Нам нужен труп, а не раненый народный герой. Вы, главное, свое дело сделайте чисто, а что будет потом — не ваша проблема. Есть ведь специальная группа, которая отвлечет внимание местной полиции начисто, вам десять минут гарантировано на то, чтобы смыться.

— Столько и надо,— заявил Жан-Поль.— Вторая машина будет в двух минутах езды. Она, собственно, уже там. Поставлена отлично: ничто не помешает сразу выехать. Когда вы пересядете, так никто и знать-то не будет, за кем гнаться, кого искать.

— Жан-Поль прав,— подтвердила девушка.— Теперь сверим часы.

— Мы за ним наблюдаем три недели,— сказал Виктор.— Каждый понедельник он бывает на заседании партийного комитета в Венсане и возвращается оттуда домой на машине. Время возвращения колеблется: десять сорок семь, одиннадцать двадцать восемь и одиннадцать девятнадцать.— Он приводил цифры на память.— Мы думали, что выполнять поручение придется через пару месяцев. Если бы нам раньше сказали об этом задании, мы могли бы месяца два последить и знали бы точнее. Ну а теперь считаем примерно: где-то без десяти одиннадцать — половина двенадцатого. На месте надо быть в десять сорок.

— Лучше в десять двадцать,— предложила девушка.

— Риску больше.
— Зато больше шансов на успех!
Серж пожал плечами.
— А с нами считаться не надо, так, что ли? — спросил он язвительно.
— Вот именно,— согласилась девушка.— Все мы — лишь средство для достижения одной цели. И действуем во имя общего дела, во имя выживания нации, а не ради отдельных людей.
Жан-Поль прикурил сигарету от своего же окурка и бросил его в блюдце на столе, где он еще долго тлел. Он снова откинулся на стуле и уставился на грудь девушки, туго обтянутую майкой. Мысли его переключились. Как бы это ее трахнуть? На таких сборищах он всегда помирал со скуки, мелют без конца какую-то чушь насчет идеологии да пережевывают подробности — кому они нужны-то? Лучше бы предоставили дело настоящим специалистам — ему и Беранже. Чего эта телка смыслит в машинах или оружии? Заткнулась бы, а то раскомандовалась. Что ей надо — так это чтобы ее как следует...
— Жан-Поль, где стоит первая машина? — Она перебила его мысли еще одним дурацким вопросом.
— У Беранже, в его гараже и под замком. А ты где думала? У Елисейского дворца?
— А сам Беранже где?
— Может, в сортире, понятия не имею.
— Хватит тебе, Жан-Поль,— вмешался Виктор.— Мы же работаем всей командой. Уймись.
Девушка встала.
— Присмотри за своим приятелем, Виктор. Мне еще надо кое-что сделать, а потом я пойду в клинику. Ждите меня здесь, я буду самое позднее в половине четвертого. Перед акцией действуют наши обычные правила: никто никуда не выходит, не звонит. И не пьет. Договорились?
Остальные выразили согласие. Ингрид надела на плечо потертую кожаную сумку и вышла. Проходя через мастерскую, она кивнула человеку в белом халате.
— Жан-Поль доставляет много хлопот,— сообщила она.
— Да он хороший парень,— ответил тот.— Просто немного скандальный. Ты ему что-нибудь лестное скажи...
— Никогда и никому не льщу...
— А надо бы. Не мешает иногда немного вожжи отпустить...
— Если бы мы себе это позволяли, нас бы уже всех перебили,— возразила девушка.— Эх, если бы мы могли обходиться без этих скотов, без представителей славного французского пролетариата...
— Не можем же...
— С этим субъектом я больше никаких дел иметь не желаю.— Голос Ингрид прозвучал непреклонно.
Человек пожал плечами.
— В штабе с тобой, может, и согласятся. Но имей в виду — это лучший угонщик в Париже. И не напивается.
— От него воняет. Заставь его хоть ванну принять, раз уж он зубы не чистит.
Человек усмехнулся и покачал ей вслед головой, грохот машины поглотил слабое звяканье колокольчика.

Утром этого дня Альфред Баум сидел в кабинете Вавра и пил кофе с таким выражением, что шеф чувствовал себя неспокойно: ему давно было знакомо это выражение лица Баума, оно возвещало, что сейчас будет предложен некий хитроумный и скорее всего рискованный план действий. Подобные свои идеи сам Баум величал мистификациями, а Вавр отзывался о них как о грязных трюках. Нечего особенно стесняться, когда имеешь дело с противником, начисто лишенным совести,— так полагал Баум. Однако ответственность-то нес Вавр, и именно ему в случае неудачи пришлось бы отчитываться перед начальством. Это, естественно, усиливало его природную осторожность.
— Вы ведь согласились с президентом, что главное сейчас — это секретность? — говорил Баум.
— Разумеется!
— То есть о происходящем не должен знать никто — ни те, кого мы разыскиваем, и ни кто-то другой. По крайней мере пока преступник не обнаружен, а, возможно, и после этого.
— Согласен.
— Мы-то с вами знаем, что наши хозяева предпочтут похоронить такое дело в архивах. Найти виновного и упрятать концы в воду.
Вавр кивнул и перевел взгляд на фотографии в рамках, к которым Баум сидел спиной,— на одной был изображен генерал де Голль, на другой — нынешний президент. Пока ничего не было сказано такого, что могло бы их взволновать.
— Мой маленький план,— продолжал Баум,— исходит именно из этого...
— Каждый раз, когда речь заходит о «маленьком плане», Альфред, я начинаю тревожиться, не погонят ли меня со службы, да и тебя заодно.
Баум ухмыльнулся и стал необыкновенно похож на хомяка.
— Должен признаться, что некоторый риск тут есть.
— Выкладывай!
— В общем-то все просто. Я хочу, чтобы эти люди вновь завладели конвертом и доставили его по назначению.
Вавр заерзал на стуле и простонал:
— Господи, ты что, с ума сошел?
— План, может, и смелый, но уж никак не безумный. Я тут вижу только два пути. Один — начать расследование в министерстве обороны и среди членов Комитета обороны вместе с их персоналом. В конце концов десятка два среди высших чинов в министерстве обороны и в других министерствах имеют доступ к этим бумагам и теоретически могли бы снять лишнюю копию. Но это означает, что на какой-то стадии дело попадет в руки должностных лиц, ведущих проверку, и уж тут-то от прессы не спрячешься, а к тому времени мы, возможно, виновного еще не обнаружим. И попадем под обстрел — и мы, и правительство. То есть произойдет именно то, чего хотел бы избежать президент. Стоит только намекнуть Пеллерену, что мы собираемся побеседовать с его подчиненными, как в тот же миг эта опасность становится реальной.
— Это точно. В кабинете министров не больше солидарности, чем на арене для петушиного боя.
— Так лучше действовать по-другому. Если мы будем иметь дело с людьми более низкого ранга, попробуем заставить их выдать себя. Допросы таких людей, кто бы они ни были, шума в прессе не наделают.
— Ты имеешь в виду этого парня в больнице?
— Если он скоро очнется. Врачи сомневаются — такие пациенты могут находиться в состоянии комы иной раз неделями. И даже когда он придет в себя, на него первое время особо не надавишь.
— Итак?..
— Итак, мы должны заняться теми, кого можно спокойно, без шума допросить — они могут нас вывести на того, кто все это организовал...
— Но если секретные данные окажутся у Сейнака или еще у кого-нибудь, это ведь тоже риск.
— Документы мы заменили. Но бумага и конверт идентичны, почерк на конверте скопирован абсолютно точно. А насчет самих документов — тут уж ребята поработали. Машинописный шрифт от того не отличишь — у нас есть разные протоколы и другие документы на бланках министерства обороны, которые ничего важного не содержат, но могут кому-то показаться интересными. Текст я сам составил, мне помогал Алламбо, он в этом здорово разбирается. Вы его сами посмотрите и сличите с оригиналом. Может, конечно, случиться, что тот, кто знает первоначальный текст, перед отправкой вздумает распечатать конверт и проверить. Но такой шанс, по-моему, невелик.
— Ну и получит Сейнак эти данные. А дальше что?
— Дальше? Если нам повезет, так он постарается их кому-то передать. Установим за ним круглосуточное наблюдение, чтобы выследить его контакты с советскими, это в любом случае полезно. Но если мы хотим обойтись без скандала, то и это не обязательно.
Вавр молчал, разглядывая собеседника. От него не укрылась искорка в глазах Баума и чуть заметная улыбка в уголках его губ.
— Рискованно,— вздохнул он.
— Да не так уж рискованно. Но хотите — предлагайте другой план, если он у вас есть. Только не забудьте, что на той копии, которая попала к нам, стоят инициалы Г. М. Сами пойдете к нашему приятелю Ги Маллару? Или мне пойти? Проводить расследование среди персонала нашего собственного начальника, в собственном министерстве! Он и так-то всех своих сотрудников ненавидит, а самомнение какое! Будет он соблюдать секретность или хотя бы разумно себя вести?
— Да черт с ним, не тяни, говори, что придумал,— заторопил его Вавр.
Баум протянул ему папку.
— Вот почитайте, потом вызовите меня. Тут настоящий текст и фальшивый. По-моему, мы неплохо поработали.
Воротясь к себе, Баум по внутреннему вызвал человека, которого посылал искать свидетелей происшествия на площади Мобер. Когда тот явился, он ему даже сесть не предложил:
— Ну?
— Двоих нашел — выскочили из соседнего кафе сразу, как парня сбили. Машину не разглядели — говорят, что вроде «симка-пикап», на большой скорости ушла к бульвару Сен-Жермен. Номера не видали.
— А как все случилось, никто не видел?
— Нет, но мы с напарником поболтаемся еще там сегодня. Может, кто из прохожих видел...
— Возьми с собой еще троих, они могут понадобиться. Скажи дежурному, что это я распорядился.
Телефон зазвонил, Баум снял трубку.
— Докладываю из клиники.— Это был голос Лиона.
— Что-нибудь новое?
— Он по-прежнему без сознания. Я только что сменил напарника, который дежурил всю ночь. Он говорит, все было тихо.
— Слушай внимательно. Я тебе тут попозже пришлю конверт. Ты его положишь в кожаный рюкзак, который находится в комнате у Ферри, среди его вещей. Понятно?
— Понятно.
— Это очень важно, старина, это самое главное — как котлета в сандвиче. К Ферри может кто-нибудь прийти в приемные часы. Никого не пускать. Пусть скажут, что сегодня видеть его нельзя, доктор не разрешает, но завтра в то же самое время можно его навестить. Понял?
— Понял, шеф.
— За посетителем, когда он выйдет из клиники, следить. Но если он заметит слежку, всех уволю, начиная с тебя, дружище. Дошло?
— Дошло. Но нас здесь всего четверо.
— Я пришлю машину с людьми. Ты старший. Расставь их вокруг больницы. И кто-то пусть будет пешком. Ну, тебя учить не надо, правда ведь?
— Конечно, шеф.
— Вот и хорошо. Желаю удачи. Пивом угощу, если дело выгорит. Но запомни — лучше вы его упустите, чем он вас заметит.
— Запомнил, шеф.
Зазвонил внутренний, и Баум снова поднялся на два этажа к Вавру.
— План принимаю.— Вавр вернул папку.— Но под твою ответственность. Я этого не видел. В случае чего скажу, что ты превысил свои полномочия. Я не смогу тебя прикрыть, Альфред.
— Понимаю. Я бы на вашем месте поступил точно так же.

ГЛАВА V

В четверть третьего из автобуса, остановившегося метрах в трехстах от клиники Божон, вышла блондинка и направилась к главному входу, внимательно приглядываясь к машинам, стоящим вдоль улицы. Она шагала легко, как и подобает спортивной молодой женщине, но при этом не выделялась из толпы: в Париже сколько угодно привлекательных длинноногих блондинок в тесно облегающих джинсах и майках.
В холле она направилась к справочному окну, за которым сидели двое мужчин в форменных халатах.
— Я хотела бы навестить одного человека,— обратилась она к тому, что помоложе.
— Имя, пожалуйста.
— Гвидо Ферри.— Она произнесла это очень внятно.
— А ваше имя?
— Адриенна Ферри. Сестра.
— Какая палата?
— Не знаю.
Служащий посмотрел списки. Потом поднял глаза на посетительницу. Его компаньон в это время рылся в ящике стола и, не находя того, что ищет, что-то ворчал сквозь зубы.
— Ферри в реанимации,— сообщил молодой человек.— Туда нужно специальное разрешение.
— Но я же его сестра, я только что узнала... Мы так беспокоились. Пожалуйста, помогите мне его повидать.
— Пойду возьму другой штемпель, черт бы его побрал. Побудь без меня,— сказал второй служащий и, встав из-за стола, вышел в холл. На полдороге он почесал правое ухо; человек с портфелем, ждавший кого-то у дверей, ответил незаметным кивком и вышел на улицу.
— Попробую помочь вам, мадемуазель,— сказал молодой служащий и взялся за телефонную трубку.— К Ферри сестра пришла. Нельзя? Она настаивает. Понимаю. Ладно, передам.
— Очень жаль,— повернулся он к блондинке.— Разрешение лечащего врача обязательно, а его сегодня уже не будет. Палатная сестра сказала, что завтра она с ним поговорит и если вы придете в это же время, то сможете пройти.
— Неужели другой врач не может дать разрешение? — Девушка явно встревожилась.— Это же просто бюрократизм! Если я наверняка могу повидать Гвидо завтра, так почему же сегодня не проявить гуманность? Хоть на минуту!
— Мне очень жаль, мадемуазель,— повторил молодой человек.— Это не в моей власти.
Уж очень она была хороша, он бы с радостью ей помог. Но правила есть правила, да, кстати, сегодня утром он получил дополнительные инструкции насчет этого Ферри. Интересно, с чего бы это? Он испытывал искушение рассказать об этом девушке, пусть знает, что он абсолютно ни при чем, но тут

вернулся второй со своим штемпелем — его только час назад сюда посадили, интересно, откуда он взялся? И молодой человек передумал.

— Очень жаль,— еще раз повторил он.— Боюсь, что все-таки придется вам прийти завтра. Я уверен, что завтра вы повидаете брата. Но палатная сестра попросила, чтобы я записал ваше имя и адрес, потому что больше никто из родственников о нем не справлялся.— Он взял бланк и протянул ей:

— Пожалуйста, заполните — вот здесь.

Посетительница, похоже, занервничала. Может быть, из-за того, что не удалось повидать брата. Странно: она начала оглядываться, будто искала кого-то. Потом достала из сумки шариковую ручку и быстро нацарапала на бланке адрес и имя, поставив в графе «телефон» прочерк.

— Благодарю вас,— сказал служащий.— Право, жаль, что так вышло.

Девушка, казалось, заколебалась, не попросить ли его еще раз, но, пожав плечами, круто повернулась и направилась к стеклянной двери. У входа стоял закрытый фургон. Как только она появилась на ступеньках, заработала автоматическая фотокамера, объектив был вмонтирован в боковую стенку.

— Поймал,— сказал оператор.— Блеск.

— Что блеск — снимки?

— Да нет, девчонка. И то, и другое.

Человек в синем комбинезоне с ящиком, в котором носят инструменты, вышел из здания и повернул налево вслед за девушкой, держась за нею метрах в пятидесяти. На противоположной стороне улицы мотоциклист вскочил в седло и медленно поехал в том же направлении. Как только она свернула за угол к автобусной остановке, стало ясно, что машины у нее нет. И тогда из автомобиля, стоящего поблизости, вышли двое мужчин и направились к той же остановке, громко обсуждая какие-то свои дела. Тот, в комбинезоне, уже ждал автобуса. Все это выглядело абсолютно естественно, был послеобеденный час, когда народу на улице всегда порядочно, на девушку никто и не смотрел.

Через несколько минут подошел 73-й. Она не выказала никакого интереса. «Значит, ждет 192-й»,— сказал себе молодой человек, недавно приехавший из Нанта,— это он был в комбинезоне, ящик у него был довольно тяжелый, к тому же проклятая жара. Но в тот момент, когда автобус тронулся, девушка вдруг метнулась ко входу и забарабанила в дверь. Водитель, конечно, никому бы не открыл, разве что очень красивой девушке, но это так именно и было. Дверь открылась, девушка поднялась в автобус. Молодому человеку из Нанта пришлось соображать быстрее, чем он привык. Если вскочить следом — ей сразу станет ясно, что за ней следят. Но ни при каких обстоятельствах преследуемый не должен об этом догадаться. Лучше уж пусть уйдет, чем что-нибудь заподозрит,— так предупредил Леон. С другой стороны, как он будет выглядеть, когда придется докладывать, что чертова девка перехитрила его и ушла из-под носа? У тех двоих, что с самым серьезным видом обсуждали на ходу свои дела, шансов не было никаких. Значит, он — и никто другой...

— Эй,— крикнул он водителю.— На Клиши этот номер идет? Или сто девяносто второй?

Водитель мотнул головой: садись, мол. Сыщик вскочил уже на ходу, надеясь, что девушка все слышала: вопрос ведь прозвучал вполне естественно. Он был горд собой и еще целые две минуты пребывал в этом приятном состоянии, пока до него вдруг не дошло: если девушка сойдет, не доезжая бульвара Клиши, то и ему придется как-нибудь незаметно сойти. А если она проедет дальше, и он тоже — это ее насторожит. Она вон какая хитрая. Ловко она вскочила в автобус в последнюю минуту — ясно, что избавляться от хвоста умеет. Гнетущее чувство неудачи навалилось на него, но тут сквозь заднее стекло он рассмотрел две знакомые машины: сопровождают автобус! Если он ее и упустит, то ребята перехватят...

Через две остановки она поднялась с места и встала у выхода. Он испугался, что сейчас она выйдет, а ему придется ехать дальше. Но в любом случае он же не может сойти раньше бульвара Клиши. Она тут же догадается! Ничего не поделаешь, руки у него связаны. Вот, ей-Богу, несчастье! Хорошо еще, что обе машины держатся неподалеку, по очереди то обгоняют автобус, то позволяют ему себя обогнать. Видно, переговариваются по рации...

— Бобр — Леопарду. Твоя очередь обгонять.

— Леопард — Бобру. Ухожу вперед, метров через триста уменьшу скорость.

— Бобр — Леопарду. Если она сейчас сойдет, Жако выходит из твоей машины, а Марк из этой, преследуют ее пешком. Повторяю инструкцию: лучше ее потерять, чем дать что-то заметить.

На следующей остановке девушка выпрыгнула из автобуса и поспешила через улицу к станции метро Луи Блан, лавируя между идущими автомобилями.

— Леопард — Бобру. Она сошла. Переходит улицу. Похоже, идет к метро. Жако пристроился вслед, Марк выходит из машины. В метро действуйте по инструкции.

Девушка подошла к входу в метро и, не оглядываясь, побежала по ступенькам вниз. Марк замешкался с мелочью у билетной кассы, чтобы увидеть, на какую платформу она пойдет. Налево, к поездам, идущим в направлении Порт Итали. Он мгновенно оказался на той же платформе и встал рядом с ней. Но поезд подошел, а она сделала то, чего он опасался: не тронулась с места, потом уселась тут же на скамью. Выбора у него не было: пришлось войти в вагон. Ну и ловка! Но сейчас подойдет Жако и увидит ее.

Жако, грузный человек средних лет, был отнюдь не создан для преследования молодых женщин по всему Парижу в этакую жару. Он добрался вниз как раз в тот момент, когда отошел поезд в сторону Порт Итали, выбрав именно эту платформу случайно — ему показалось логичным, что девица поедет от центра. Выйдя на платформу, он обнаружил ее в дальнем конце: сидит себе на скамейке. Марка не видно, стало быть, вся ответственность теперь на нем, от остальных хитрая бестия сумела избавиться. Радоваться тут нечему: вон она какая долговязая, не угонишься. Хорошо хоть, он с платформой не промахнулся. Может, и дальше повезет...

Он поступил, как и Марк: остановился посреди платформы и стал ждать. Поезд подошел, девушка поднялась и вошла в вагон. Он бросился в соседний и, став поближе к дверям, взмолился об удаче.

Следующая станция — Шато Ландон. Двери отворились. Девушка не выходит, ему виден ее затылок, она сидит по движению. Следующая станция — Восточный вокзал. Там пересадка, всегда уйма народу. Паршиво, если она выйдет: в толпе он ее потеряет. Черт, если бы кто-нибудь его подстраховал! Может быть, Марк уже там, и они смогут снова действовать сообща? Ну, а если она не выйдет? В переполненном вагоне поди уследи...

Поезд остановился, девушка выскочила. Несколько шагов к выходу, вверх по лестнице через две ступеньки — все это стремительно — и она скрылась в туннеле, который ведет на другую линию. Задыхаясь и уже не веря в удачу, Жако неуклюже спешил за ней по плохо освещенному пустому переходу, но на повороте потерял ее из виду. К тому же за поворотом оказалась развилка, как тут угадаешь, куда она свернула? Он снова выбрал наудачу. Чертов Марк, куда он задевался?

На сей раз он не угадал, а, может, она просто скрылась в толпе — во всяком случае, через пять минут Жако понял, что дальше искать ее бессмысленно. Маленькая сучка смылась, оставив их всех в дураках. С несчастным видом он поплелся искать телефон.

А девушка между тем вышла из метро, пересекла площадь и теперь неторопливо шагала по улице Фобур Сен-Дени, то и дело проверяя по отражению в стеклах витрин, не следит ли кто за ней. Перед пассажем Сен-Дени она обернулась в последний раз и, свернув за угол, пробежала несколько метров до химчистки.

У двери она перевела дух. Это очень важно — всегда казаться спокойной. Моральное состояние — один из трех самых важных факторов в подпольной деятельности. Первый — это идеология, потом — моральное состояние и наконец — техника. Клаустрофобия действует на нервы. Когда постоянно рискуешь, когда проводишь все время с одними и теми же людьми, нервы напряжены, того и гляди сорвешься — отсюда раздражительность, дурацкое соперничество, паранойя. Часто накатывает тошнотворный страх. А лидер обязан подавать пример. Быть всегда спокойным. Всегда объективным. Подавлять в себе все личное ради общего дела. Вступать в контакт с такими товарищами, к которым в других обстоятельствах и близко бы не подошел. С такими, которые мало что смыслят, вроде Жан-Поля. Он ненадежен, распущен, неуправляем. Что-то надо с этим делать, и побыстрее.

Собравшись внутренне, она вошла в комнату.

— Ну? — спросил Серж.— Как прошло? Видела его?

Она покачала головой.

— Без проблем, но увижу его только завтра. Он в реанимации.

— Поправится?

— Не знаю. Завтра врач скажет.

— Господи, надо же так облажаться!— воскликнул Жан-Поль.— Такую простую операцию провалил!

— Вообще странно,— сказал Серж,— он такой осторожный ездок, никогда не рискует. Потому его, собственно, и послали.

Ингрид пожала плечами.

— Завтра посмотрю, у него ли конверт. Насколько можно судить, никто ничего не заподозрил. Я на обратном пути проверяла — хвоста не было.— Она посмотрела на часы.— Мне пора. Я переоденусь.

Она достала из шкафа бледно-желтую блузку, коричневую юбку и туфли на каблуках. Потом открыла тумбочку возле шкафа — там лежали парики. Выбрала темный, с локонами до плеч. Не стесняясь присутствием мужчин, скинула майку и джинсы. На ней оказались только трусики. Жан-Поль беззастенчиво разглядывал ее, остальные отвели глаза. Жан-Поль сказал себе, что эта сука нарочно дразнит мужиков, ни в грош их не ставит. Но ничего, он ей покажет...

Девушка оделась, перед зеркалом на стене надела парик, заправив под него свои короткие светлые волосы. Подвела глаза, накрасила губы — теперь узнать ее было невозможно. Потом переложила содержимое старой кожаной сумки в аккуратную маленькую, черную. Револьвер едва влез, сумка закрылась с трудом.

— Я пошла,— сказала она.— Буду в штабе. На сегодня намечены две операции в Париже и несколько в провинции. Счастливо!

И она вышла через мастерскую, кивнув на прощание человеку в халате.

В этот вечер, в понедельник, 10 августа, произошли следующие события. Где-то около половины десятого красивая элегантная женщина в темных очках подошла к справочному окошку в холле Национального центра радио и телевидения на площади Клеман Адер и сказала, что ей нужен Поль Моранж, телекомментатор. Его как раз не было в кабинете, и она попросила, чтобы его вызвали. Ей велели подождать, она села на один из стульев, стоявших вдоль стены. При себе у нее были сумочка и небольшой портфель.

Через несколько минут дежурная подозвала ее, и она подошла, оставив портфель возле стула в таком месте, что увидеть его мог только тот, кто сел бы на этот стул.

— Господина Моранжа не будет, он уже ушел.

— Спасибо, позвоню ему домой.

Женщина вышла из здания, завернула за угол на улицу Ренуар, там села в машину, сняла темные очки и уехала по направлению к центру.

В десять уборщица, осматривая, как обычно, помещение, обнаружила портфель и отдала его дежурной:

— Смотри, какой-то растяпа забыл. Спрячь его, Жанин.

Дежурная удивилась: надо же! Портфель оказался на удивление тяжелым.

— Похоже, там книги. Если только не...

В этот миг стрелка часового механизма, запрятанного в портфеле, коснулась заданной точки, замкнув простую электрическую схему и включив детонатор. Страшная начинка сработала: уборщица и дежурная были убиты на месте, буквально разорваны на куски. В холле, кроме них, никого не было, но пострадали четверо прохожих, когда рухнула стеклянная стена фасада здания со стороны улицы. В холле, полностью разрушенном, выключился свет.

...В 10.15 к дому № 18 на улице Жасмен подъехал «фольксваген». Двое в машине остались сидеть, будто не замечая на стене дома табличку «Стоянка запрещена». Здесь, в десяти минутах езды от телецентра, был отчетливо слышен истошный вой полицейских и пожарных машин, спешивших на площадь Клеман Адер.

В 10.28 какая-то машина заехала на улицу Жасмен, водитель намеревался свернуть во двор дома № 18, но, обнаружив, что дорога загорожена «фольксвагеном», включил фары. Однако тот не двинулся с места. Водитель нетерпеливо посигналил — никакой реакции. Тогда он вылез, не выключая мотор, и направился к чужой машине. Серж, выставив ствол «калашникова» в открытое окно, прошил его очередью, целясь в грудь и в голову. Тот упал, «фольксваген» рванул с места и на полной скорости скрылся.

— Конец ублюдку,— проговорил Серж. Он улыбался в темноте, пока Виктор, сидевший за рулем, выкручивал руль на поворотах.— Мне понравилось.

Он слегка дрожал и, как всегда, после акции ему срочно требовалось опорожниться. Хоть бы на этот раз не обделаться. Он старался переключиться мыслями на какую-нибудь постороннюю тему, но не получалось.

Миновав еще два перекрестка, «фольксваген» остановился на улице Базен, его пассажиры, пряча под локоть завернутые в тряпки автоматы, пересели в «рено», заблаговременно оставленный незапертым, и двинулись к реке. Было 10.30. Спустя несколько минут, когда соседи выбежали посмотреть, что случилось, человек на улице Жасмен умер: две пули в легком, одна в горле, еще одна — в голове.

В тот же вечер взорвались бомбы в Бресте и Дуэ. Первый взрыв произошел в дорогом ресторане, где часто ужинали семьями местные богачи. Четырнадцать человек было убито и ранено...

Перевела с английского Элла НИКОЛЬСКАЯ.

Продолжение следует.

Кто из нас в детстве — да только ли в детстве? — не мечтал хоть на миг оказаться по ту сторону киноэкрана, сменить одежды, имя, судьбу, затеряться во времени и пространстве, вкусить плодов от этого таинственного древа, именуемого коротко «КИНО»!
И вот наш специальный корреспондент Михаил МАМАЕВ попробовал осуществить эту малореальную мечту, или, как говорит он сам, ему просто повезло.
Так или иначе недавно Михаил закончил работу в съемках фильма «Виват, гардемарины!».

ВОЗВРАЩЕНИЕ НЕЗАБЫТЫХ ГЕРОЕВ

...Снимается кино. Я попал сюда не как журналист. В один прекрасный момент прозвучала команда «Мотор!», и в короткий промежуток между ней и следующей командой — «Начали!» — я успел разглядеть ненавязчивый свой облик в лакированной поверхности «хлопушки». Это было первое соприкосновение с большим кинематографом и, как выяснилось, удачное... Через несколько месяцев повторилось то же самое — на другой съемочной площадке. Снимался фильм «Виват, гардемарины!» («Мосфильм», 1990, рабочее название — «Зимнее путешествие»), в котором мне досталась роль князя Оленева-младшего.

Чем ближе день премьеры, тем больше понимаю, как мне повезло. Среди кинематографистов бытует мнение, что «Гардемарины» — это что-то несерьезное, вроде «Ласкового мая» кинематографа. Не берусь судить о «Ласковом мае» с точки зрения музыки, но, когда я вижу глаза мальчишек и девчонок на его концертах, из которых исчезает уже ставшее привычным ожесточение, верю, что «Ласковый май» необходим. Как и наш фильм. Что, кстати, подтверждают горы писем, приходящие на «Мосфильм» Дружининой, Жигунову, Боярскому, Харатьяну. Люди имеют право отдохнуть и отвлечься от того, что их волнует каждую минуту, зарядиться положительной энергией. Сериал о гардемаринах — это не просто занимательная история, это приключения вымышленных героев среди реальных исторических персонажей на фоне реальных исторических событий. В этом фильме история была не только средством, но и целью — не случайно так тщательно выбирались актрисы на роли молодой императрицы Екатерины II и ее матери (их сыграли К. Орбакайте и Л. Гурченко), не случайно авторами сценария были тщательно проштудированы горы специальной литературы. От этого работалось вдвойне интересно. В нынешних «Гардемаринах» снимались М. Боярский, С. Жигунов, Д. Харатьян, Н. Гундарева, Л. Гурченко, Е. Евстигнеев, С. Садальский, С. Никоненко, К. Орбакайте... Не со всеми из них довелось работать в кадре, но присутствие их неизменно чувствовалось.

Рассказывая о фильме, я сознательно не хочу касаться сюжета, но отдельные моменты трудно обойти. Один из самых интересных эпизодов — схватка героев и разбойников во главе с Боярским, простите, с Брильи, на мельнице. Трое против двадцати. Грандиозный трехъярусный павильон, строившийся несколько месяцев. Настоящие зерно, мука, куры. Настоящий, в полметра глубиной, бассейн, в который участники должны падать с пятиметровой высоты и топить друг друга. В драке будут использованы всевозможные средства: пистолеты с холостыми патронами, шпаги, пустые бочки, мешки, оглобли, корзины, ноги, кулаки. Мое главное оружие — деревянная лопата для разгрузки зерна. В этом эпизоде с лопатой сконцентрировалась вся моя творческая индивидуальность. Лопата очень напоминала весло. Так и пошло — «Мамаев с веслом». Поначалу расстроился — хотелось шпаги. Утешил Сергей Жигунов: «Старик, ты не огорчайся, воспринимай это как вступительный экзамен в отряд русского кинематографического мушкетерства...» — и я начал осваивать технику весельно-лопатного боя. Испытаний было достаточно. Не стану рассказывать — скоро вы увидите это на экранах. Скажу одно: когда увидите вывалянного с ног до головы в тесте бойца — посочувствуйте ему. Тесто из волос я вымывал в течение недели.

...Бью одного из разбойников лопатой по голове. Он падает с высоты второго этажа. Бедные ребята-каскадеры! Для смягчения падений используются обыкновенные картонные коробки; сотни этих коробок лежат, заранее приготовленные, в каскадерской каптерке. В считанные секунды коробки разворачиваются и укладываются в три-четыре слоя. Сверху — тоненький мат. На Западе, как известно, используются специальные воздушные подушки — они слишком дороги для наших кинематографических смет. Отечественные каскадеры вообще очень часто подвергаются большому риску именно из-за отсутствия надлежащей техники. Например, снимается кадр, где один из разбойников, горящий, вылетает из окна мельницы. У нас это снимается предельно просто: человек окатывается бензином и поджигается в момент команды «Съемка!». Огонь в данном случае неуправляем. При боковом порывистом ветре он с пылающего плеча обязательно опалит щеку. Возможностей обгореть — множество, не обходится без ожогов и у нас. Кстати, тушить пламя пришлось в реке, в ледяной воде — эпизод снимался в начале марта. Сергей Шолохов, «работающий» этот кадр, по всей видимости, пострадал напрасно — эпизод в фильм не вошел. А на Западе уже давно для подобных сцен используются специальные костюмы с управляемым напором пламени. Контролирует пламя сам каскадер.

...Когда снимали падение после удара лопатой, за разбойником вниз летели куры. Их, не успевших отдышаться после приезда на место съемок, кидали с разных сторон из невидимых для оператора точек. Первый дубль получился плохо — куры не поняли, что от них требуется, и вместо того чтобы хлопать крыльями, камнем падали вниз. Пока готовили второй дубль, одна из кур решила, что пора нести яйца, и занялась этим по команде «Мотор!». Падающее сверху яйцо едва не угодило на голову нашему оператору А. Мукасею. Кстати, за время съемок на мельнице куры, жившие в павильоне, снесли не один десяток яиц, и это нельзя расценивать иначе, как проявление сознательности и повышенной ответственности в наше голодное время...

...Снимаемся в Петродворце. По ночам, когда музей закрыт для посетителей. В белые петербургские ночи тишина кажется такой плотной, что ее можно потрогать рукой,— наверное, это от бессонницы. Днем не спится, а ночью — по пятнадцать — двадцать минут между кадрами и репетициями, на банкетках для посетителей — в общей сложности набирается час. Снимаются финалы. У меня это — прощание с любимой, и ничего не надо себе придумывать: прощание в кадре переходит в прощание в жизни. Харатьян опаздывает на самолет, который унесет его в Одессу, на съемки другого фильма. Он срывается сразу же после облегченного вздоха «Снято!», на ходу переодеваясь и едва успев проститься. Несколько часов назад уехали Машная и Лютаева — очень грустно, так мало были вместе и так много уместилось в эти часы и минуты. Вот сейчас в кадре прозвучат последние слова Кристины Орбакайте, и она тоже исчезнет вместе со своей героиней, милой маленькой Фике... Все когда-нибудь кончается...

...Как завораживает меня эта черта киносъемок — отсутствие пресловутого единства места, действия и времени. Все перемешано, все перепутано местами. Кино как бы сознательно забрасывает тебя в будущее, чтобы ткнуть носом в какую-нибудь трагическую неизбежность, и заставляет вновь ощутить бренность и мимолетность бытия. Если ты сегодня навсегда прощаешься с любимой, а завтра впервые дотрагиваешься губами до ее руки, то, дотрагиваясь, уже знаешь, что ее нет с тобой, что это тень, призрак, и в то же время перед тобой живой человек, и надо торопиться сделать ему добро. Ты оказываешься в положении маленького бога. Тебе не дано ничего изменить в этой жизни, но ты можешь воскрешать события и людей, поворачивать время вспять, и там, в прошлом, делать все на пределе своих возможностей: любить, ненавидеть, рисковать... Кино дает ощущение того, как бездумно, бездарно и лениво ты живешь в своей реальной жизни и, главное, как беспомощно...

...На руках у Анастасии Ягужинской умирает Брильи. Смерть на экране. Нам, зрителям, знакома она только с одной стороны — со стороны зрительного зала. А как это происходит на площадке? Наверное, можно «умирать» спокойно, снимая это, как все остальные сцены: пришли, отрепетировали, покурили, сняли, пошли обедать... Я не знаю, как относится к своей «экранной» смерти Боярский. Этот человек вообще любит на вопросы отвечать шуткой, а на серьезные — тем более. Когда Сергей Жигунов — Саша Белов посочувствовал Боярскому-Брильи и сказал, что лучше бы погибла Анастасия и они, два непримиримых врага, погоревали бы на ее могиле и примирились, ведь главным предметом раздора между ними была женщина, Брильи бурно воспротивился: «Не-е-ет, мне моя участь нравится — погиб из-за любви! Это отдает классикой».

Когда снимали сцену смерти Брильи, всех лишних попросили уйти с площадки. После нескольких часов съемки появились, наконец, заплаканная Лютаева и грустный Боярский. Мы как всегда попытались пошутить насчет «экранных» слез, но услышали в ответ гневную тираду насчет того, что «кое-кто продолжает преспокойно жить, в то время как настоящие люди...». Боярский был неразговорчив и не пошел обедать.

...Сейчас уже заходит разговор о продолжении. Я слышал, что в новом сценарии возможно «оживление» Брильи — ведь «никто не видел холмика над его могилой». И еще я слышал, что Боярский не хочет «оживать». Но Михаил Сергеевич (Боярский)! Какие же «Гардемарины» без Вас?

...Полезно иной раз остановиться, когда все вокруг тебя движется. Вчера, когда переставляли свет, я лежал на втором ярусе мельницы на мешках с зерном и мукой, вглядываясь в темноту над головой, где за многочисленными подвесными переходами, лебедками, проводами, металлическими тросами и прожекторами еще скрывается высоченный потолок шестого павильона «Мосфильма». Странно: как я сюда попал и что я делаю здесь, в княжеском костюме середины восемнадцатого века, перепачканном мукой и красной краской, да что там — кровью своего героя, который пять минут назад сражался там, в восемнадцатом веке, против банды разбойников, рука об руку с друзьями. Через несколько минут мне предстоит вернуться назад, в прошлое, где без меня уже не обойтись ни друзьям, ни врагам. Сознание этого и радует, и чуть-чуть пугает. Бывают моменты, когда особенно устаешь от съемок и кажется, что ботфорты срослись с ногами и что домой поедешь не на машине, а на лошади,— и тогда ловишь себя на мысли, что чаши весов — одна с твоей жизнью, а другая с твоей ролью — в равновесии. Это то новое чувство, которое подарило мне кино. Без которого я теперь вряд ли смогу...

РАМПА

М. Боярский

К. Орбакайте и М. Мамаев

Д. Харатьян и С. Жигунов

Евг. Евстигнеев

ДРУГАЯ ЖИЗНЬ

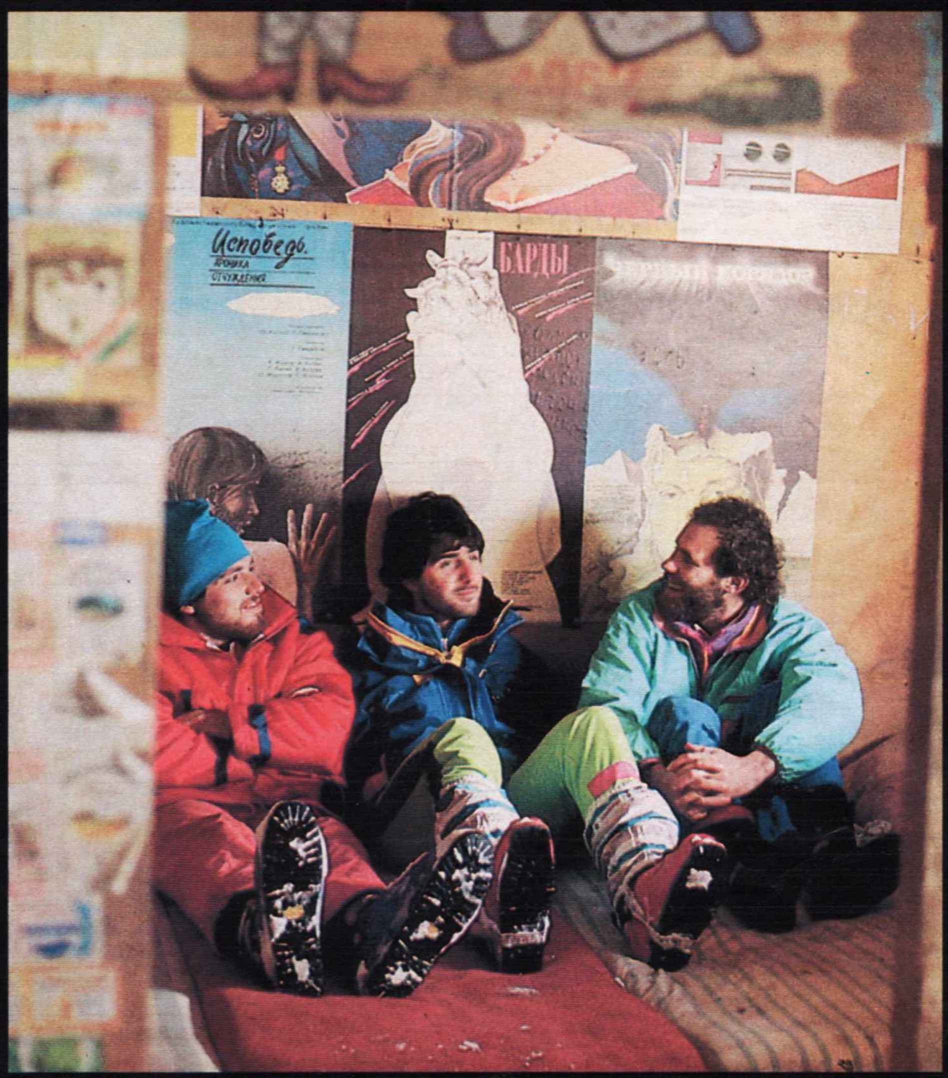
ОГОНЁК

Марк ШТЕЙНБОК
(фото автора)

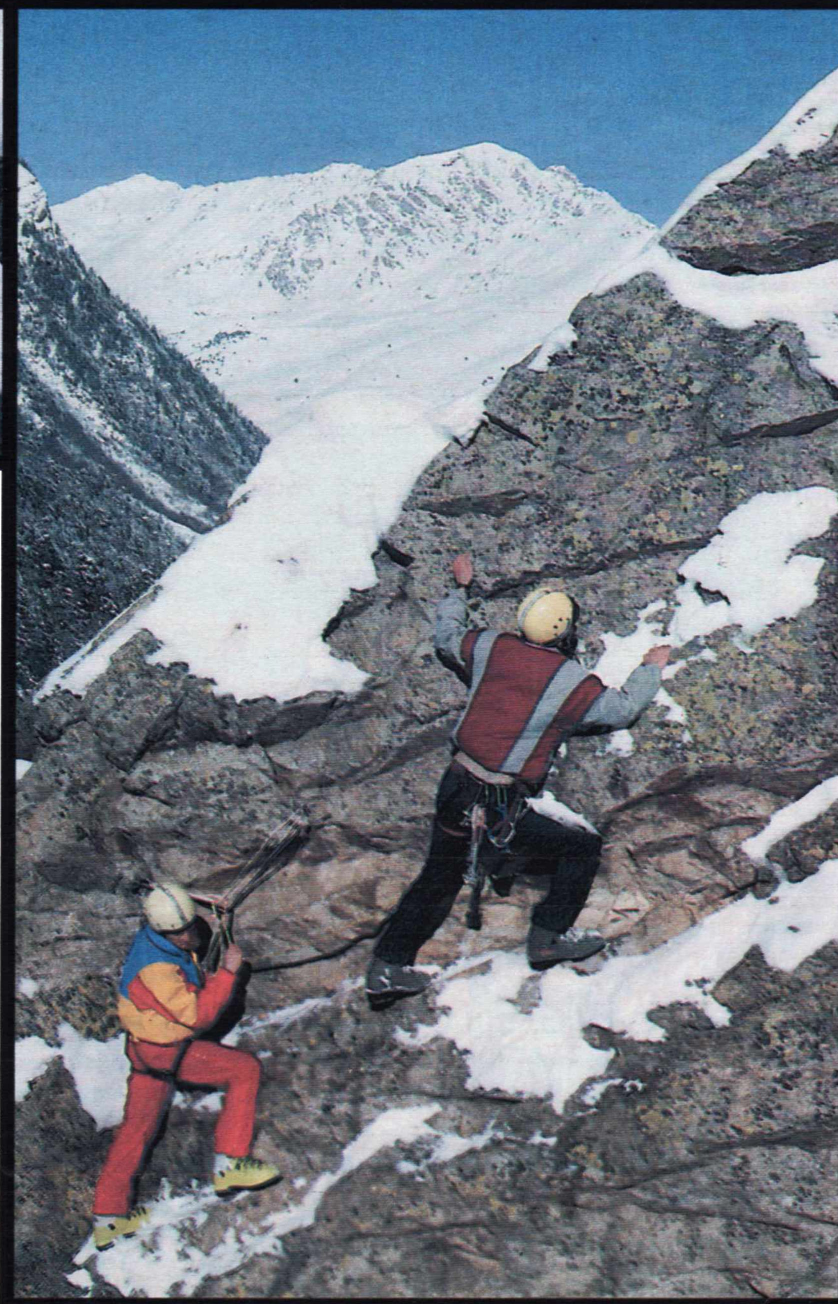

Приэльбрусье и раньше оставляло ощущение праздника. Последние годы мало что изменили. Оказалось, что и сегодня, когда ты уже не участник, а как бы соглядатай, испытываешь то же самое. Просто удивительно.

Правда, у альпинистов свои ощущения, особенно на запредельных нагрузках перед вершиной, строгие, как разговор с Богом. Это их образ жизни. Так сказал Владимир Каратаев после восхождения на Лхоцзе. Я видел тренировки нашей сборной перед восхождением. Этого достаточно.

Ну а весь этот пестрый молодящийся мир у подножия, вся эта тусовка... все эти головокружительные спуски на лыжах, полеты с Эльбруса и Чегета — все это только игра в настоящие ощущения. Но это важная игра, замешенная порой на настоящей опасности, игра в особый мир других людей, в преодоление самого себя (именно это заставляет не думать о неудобствах альплагерей, о подскочивших ценах, об отсутствии надежной спасательной службы), игра, которая позволяет приблизиться к тому, что выше. Но никогда — достичь. Игра для взрослых, игра ради отдыха, которая и создает ощущение другой жизни.

...Вертолет по-снайперски приземлился прямо на территории альплагеря «Эльбрус». На погрузку лыж и парапланов ушли минуты, и мы взяли курс на Сванетию. Володя и Сережа, профессиональные испытатели парашютов, собирались спуститься с гор на парапланах, а мы на лыжах, опробовав возможность так называемого вертолетного катания. Турагентство «Юнитур» предполагало наладить такого рода развлечение в будущем, и это был первый эксперимент. С воздуха подобрали место приземления, вернее, точку, на которую выпрыгнули из зависшей машины, тут же утонув в снегу, после чего вертолет, образовав вокруг нас снежный ураган, улетел. Ребята стали раскладывать на снегу свои купола. Не было ветра, следовательно, нужен был старт на лыжах, а места для этого в обрез — внизу, метрах в пятидесяти, был обрыв. Представляю ощущение, когда катишься в обрыв, а за спиной медленно надувается купол. На все — секунды. Смелые ребята — Володя и Сережа. Они улетели, издавая фирменные крики радости полета. А мы начали спуск по свежему пушистому снегу, оставляя шлейф и стараясь не останавливаться, чтобы не провалиться. К тому же было лавиноопасно — солнце после сильного снегопада. Был страх и восторг, шла самая настоящая другая жизнь.

Импортные компьютеры за рубли без предоплаты

ОБЪЕДИНЕНИЕ «МММ» ПРЕДЛАГАЕТ ТОЛЬКО

ЗА РУБЛИ ПО ЦЕНАМ НИЖЕ РЫНОЧНЫХ С ОПЛАТОЙ ПО ФАКТУ

широкий выбор импортных (Западная Европа, США, Южная Корея и Япония) компьютеров, совместимых с IBM PS AT/XT с любой периферией (лазерные принтеры, плоттеры, сканнеры и стриммеры), и оргтехники (автоответчики, ксероксы и телефаксы).
В течение 10 дней вам поставят продукцию известных торговых марок: Canon, Newlett-Packard, Mita и Hyundai.

Адрес для заявок: Москва, ул. Газгольдерная, 10.
Тел. 171-03-97, 173-44-15, 171-13-81, 171-06-90.
Объединение «МММ»

ХРАНИТЬ ВЕЧНО

Ведет рубрику
Виталий ШЕНТАЛИНСКИЙ

Эту рукопись — двадцать две тетради, исписанные мелким, аккуратным почерком, тысяча с лишним страниц! — привезли из Риги. Хранители рукописи, передавшие ее во Всесоюзную комиссию по литературному наследию репрессированных писателей, рассказали об авторе не много: Александра Соломоновна Берцинская была старшим другом их семьи, жила где-то на юге, потом пропала, наверно, уже нет в живых. И добавили: «Когда-то она была натуральной, самой настоящей троцкисткой...»

Кое-что о ее судьбе я узнал из самих тетрадей. Александра Берцинская родилась в Баку, в семье рабочего, в 1899 году. Училась в Мариинской женской гимназии, в девятнадцать лет вступила в партию большевиков, участвовала в гражданской войне. Важнейшее, счастливейшее событие в жизни Александры — встреча с Тиграном Аскендаряном, тоже революционером, ставшим ее мужем, вместе они прошли через все испытания жизни. Революцией жили, максималистски, со всем пылом молодости. Выполняли опасные подпольные задания. В 1919 году были посланы для установления связи с Москвой. Добрались до самого Ленина, который долго беседовал с ними и направил обратно, во все еще отрезанный от Советской России Баку. (Об этой истории вспоминал в своих мемуарах Микоян — глава «Письмо Ленину. Шура и Тигран».)

Вместе потом учились в Москве, в Горной академии, активно участвовали в разыгравшихся партийных баталиях на стороне оппозиции... И вот результат инакомыслия — в 1928 году за защиту позиций Троцкого исключение из партии и арест. Ссылка на три года в Сибирь. Там, в Сибири, Александра и Тигран, наглядевшись на действия и правоверных, и крамольных большевиков, разочаровались в политике, публично заявили о прекращении борьбы. Но в 1936 году — новый арест и пять лет северных лагерей.

Наконец, в 1948-м, — освобождение (почти одновременно — с разницей всего в девять месяцев). Берцинская и Аскендарян уезжают с Колымы и определяются на работу на уральском заводе. Но, раз зацепив, власть уже не выпускает их из-под надзора: следуют новый арест и этап — на вечное поселение в Темир-Тау (Казахстан). Причина — все тот же пресловутый «троцкизм». Только после смерти Сталина пришла амнистия и затем реабилитация.

Тигран Аскендарян умер в 1968 году, после его смерти Берцинская и начала писать свою книгу в форме посмертного разговора с ним, как памятник их общей судьбе. Рукопись без названия, но могла бы называться «История одной любви». Это рассказ о том, как Он и Она прошли все круги ада, не потеряв друг друга. Именно любовь и стала для них спасением. Вот и все, что я знал об авторе двадцати двух тетрадей, пожалел, что его уже нет. И вдруг... Звонит старый магаданский приятель: «Я в Москве. У одной колымчанки...» — «У кого?» — «Да ты ее не знаешь». — «А все-таки?» — «У Берцинской». — «У кого, у кого?» — «Да у Берцинской!..» Долгая пауза. «И ты можешь ее позвать?»

И тут же бодрый, задорный голосок: «Я слушаю!» — через минуту: «Это чудо! А я уж те свои тетради потеряла. Приезжайте!» Так я встретился с «натуральной троцкисткой». И, конечно, спросил: «А как вы теперь смотрите на Троцкого?»

— «Знаете, это была индивидуальность. Образованный, талантливый... Но его перманентная революция, казарменный социализм».— «Что?..» — «Преступление! Да, перед человечеством он преступник...»

Предлагаем вниманию читателей фрагмент из книги Александры Берцинской. Автор продолжает работать над своими воспоминаниями. Часть их вошла в книгу «Полюс лютости», которая увидит свет в этом году в издательстве «Современник».

РАССКАЗ

Александра БЕРЦИНСКАЯ

ТОСЬКА ПЕПЕЛЯЕВА

Была у нас в Сеймчане одна Тоська с исторической фамилией — Пепеляева. По всему видно, на Колыму она попала случайно. И преступление у нее было пустое — украла на базаре кусок мыла, когда пришла из деревни в уездный городок (как известно, одно время в деревнях совершенно не было мыла), и срок «младенческий» — два года. Такого не заслуживающего уважения срока — ни у кого. Появилась Тоська на нашем лагерном горизонте в 38-м году, когда обычными были срока десять — двадцать пять лет, и ее два года в богатом обществе выглядели нищенскими. Такие нищие редко удостаивались Золотой Колымы. Богатый край требовал людей с солидными сроками, возить туда таких, как Тоська, было накладно. (Дорогой проезд, а там через каких-нибудь пару лет и отпускай! Экономика! Экономика! Денежки государственные счет любят!) Наши специалисты из УРБ* утверждали, что ее «подменили». Подмена на тюремном жаргоне значила, что назначение на Колыму получил кто-то другой и за малую плату тюремной охране подсунул ее при вызове на этап. На «материке» весь тюремный люд как огня боится Колымы и потому всякими правдами и неправдами избегает оказаться в этом благословенном крае. Так уголовный люд, среди которого оказалась стащившая кусок мыла Тоська, обманным путем загнал ее на Колыму.

Своей деревенской непосредственностью Тоська вносила веселое разнообразие в нашу унылую жизнь и стала общей любимицей.

Забавна была сама внешность Тоськи. Одевалась она не как мы. Надевала на себя множество широких юбок, собранных в талии так, что казалась деревянной игрушкой, матрешкой. Такой же, как у матрешки, была одетая навыпуск кофточка, и уже полную фигуру матрешки завершал завязанный хвостиками платочек. Пестренькую свою косынку она никогда не снимала и так и спала в ней, завязав ее под подбородком. Чесала она свои волосы лишь по воскресным дням и тогда вычесывала заводившихся в голове насекомых, раскладывая на коленях свой неизменный платочек. Тогда-то и удалось обнаружить нам, что под косыночкой прячутся волосы редкой красоты — блестящие, как шелк, иссиня-черного цвета. И причесывалась она очень красиво — на прямой, тонкий как белая нитка, пробор. На наши просьбы: «Тося, не надевай платка, смотри, как красиво»,— она, тряся слегка головой, упрямо мотнув своими нескончаемыми юбками, неизменно отвечала: «А ну-ю вас! Циго пистали»,— и тут же снова подвязывалась. Говорила Тоська как-то совершенно по-особому, нам непривычному. Возможно, это был выговор той местности, откуда она родом (где-то недалеко от Перми), нас это не интересовало, но всегда смешило. Она это видела и не была на нас в обиде.

Сразу же утром Тоськой вносился в барак воздух старинной деревни. Надев свои бесконечные юбки и подвязав уголком платочек, шла она по проходу между койками, на которых все еще одевались, и, как на деревенской улице, со всеми раскланивалась. То и дело раздавалось: «Сольомоновне поцтеньеце!» (то есть мне первой, так как я у нее звеньевая), «Ивановне» — это моей приятельнице Верочке Щегловой, далее пойдут те, которые ей безразличны, но с которыми она считает необходимым быть вежливой: «Насе вам... поцтеньеце... низько кляняюсь!» — и отдаются направо и налево поклоны, причем все время она слегка трясет головой и мотает юбками. Вот она заметила, в барак вошел бригадир,— тогда очередность раздачи поклонов нарушается, она быстро направляется к нему и отвешивает особый поклон, приговаривая: «Прокофьицю поцтеньеце, низько кляняюсь»,— и так каждое утро, и так, пока не выйдет из барака. Однажды она продолжала так кланяться, когда уже вышла наружу, и проглядела, что навстречу шел стрелок,— тот остановился, оскорбленный столь необычным поклоном (она ему сказала свое безадресное — «насе вам»), и с угрозой спросил: «Ты с кем так здоровкаешься?» — «А сьовсем и не с тьобой... Ты циго пистал? Больно нюзен... Прохьоди, куда идесь»,— не растерялась наша Тоська и пошла дальше, оставив вохровца в полной растерянности. (В уставе о таких Тоськах указаний не имелось.) Необычность поведения Тоськи не раз сбивала с толку вохровцев, в поединках с ними она всегда выходила победительницей.

---

* УРБ — учетно-распределительное бюро лагеря.

Как-то летом мы шли в строю под конвоем — на обед. Дорога лесом, по бокам кусты, тяжелые от ягод, однако никто не смеет остановиться, так как на задержавшегося стрелок сейчас же наводит винтовку и угрожает, что будет стрелять. С нами в строю и Тоська шагает. Сначала, как и мы, проходит мимо ягод, но вот заметила особенно богатый куст, долго не раздумывая, вышла из строя, стоит и ест. Стрелок остановил всех.

— Куда пошла? Становись в строй!

— Рази не видись, куда посля? Ягоды ем.

Стрелок, не угрожая винтовкой, настаивает, чтобы она вернулась в строй.

— Циго пистал? Тебе сьто, ягоду зялко? Не твои ягоды,— лесные.

Стрелок не разрешает никому идти, стоит и дожидается, пока она отойдет от понравившегося ей куста.

— Ты циго народ дерзись? Им зе обедать пора! Посьол, посьол, я и без тебя дойду, вот только ягод поем...

В ответ стрелок рассмеялся и повел нас дальше, оставив ее доедать ягоды. Видимо, и на стрелков действовала необычность ее поведения.

Иногда Тоська сидела молча, внимательно прислушиваясь к разговорам, происходившим в бараке, и перенимала культуру окружавших ее образованных людей. Как-то она услышала, как больная моя подруга, Вера Щеглова, жаловалась на отсутствие аппетита и на свое отвращение к лагерной пище: «Прямо не знаю, что с собой делать, даже ложки этой скользкой каши не могу съесть, а больше же ничего нет. Так же можно с голоду помереть. Надо заставить себя... Так нельзя...»

Наслушавшись интеллигентных разговоров, подошла ко мне Тоська и, состроив жалобную рожицу, сообщила:

— Сольмоновна, сьто мне делять приказесь? Ни кьосецьки, ни кьосецьки в рот не берю, ведь так и умереть недолго.

— Тоська! Ты чего врешь? В обеде тебе повар сколько каши наложил? Чуть не банный таз? И ты все съела! Я же сама видела.

— А тебе узь и зялко! — был совершенно неожиданный ответ. (Эта Тоська была такой потешной, что ее и повар сверх нормы кормил.)

Вообще она лагерной дисциплине не подчинялась: если захочет, будет работать, а иной день и сложа руки просидит. Вот еще: приходит в барак нарядчик распределять на работу, называет Тоську:

— Пойдешь на парники убирать снег.

— И не подюмаю,— раздается непривычный в лагерном мире ответ, а еще и добавит: — Не велик барин, мьозесь и сям убрать.

Свое «и не подюмаю» она действительно выполняла.

Как-то дали ее в мое звено, работавшее на уборке снега около теплиц. Звено у меня было особое — из одних старух колхозниц, тех самых, что сидели «за колоски». Среди них выделялась одна, совсем махонькая. Похожа она была на старушонку, которые на папертях «милостыньку сбирают». Вид ее показался странным, и я решила у нее узнать, кто ж она такая. Оказалось, что она действительно нищенка.

— За что ж тебя взяли? — удивилась я.

— За Бога, родименькая, за Бога!

— А в чем все-таки дело, за что судили тебя?

И тут, как прорвало ее, и пошла она мне благостной скороговоркой рассказывать:

— Сподобил Господь-Бог милостью своею пострадать за него меня, убогую. И мыслить такого не могла, что за нашего Спасителя Господа-Бога нашего страдать доведется. Убогая же я, как есть убогая и вместе со своим старичком вместях милостыньку на папертях сбирали. И в мыслях наших того не было, что ниспошлет Господь-Бог нам благость свою — пострадать за него, кормильца и поильца нашего. Ан ему-то видней, и взяли нас всех, убогих и сирых, с той паперти и присудили нам по три годочка кажинному, и страдаем мы ноне во спасение душ своих и нашего Господа-Бога. И присудит Господь-Бог нам Царствие Небесное, и благословен тот день, что нас с папертей забрали... Сподобил меня Господь-Бог и старичка моего сподобил,— только отпусти ты меня, родименькая, в барак поранее. Больно слаба я, да вишь, холод какой, штанишки-то у меня все мокренькие. Как приду в барак, штанишки скидываю, у печки сушу, да больно дух от них плохой. Уж такой плохой, такой плохой, аж срамота. И перед Богом и перед людьми срамно. Ему бы, Богу, благолепный ладан воскурить, а вишь, дух какой идет,— не то перед Богом, перед людьми срамно. Отпусти ты меня, родименькая, в барак заране, штанишки до людей посушить, век за тебя буду Бога молить, да ниспошлет он тебе...

Так убедительно было сочетание Бога, страданий за него и мокрых штанишек, что я эту государственную преступницу своей властью отпускала в барак до того, как извещал гудок о конце рабочего дня.

В скором времени старушонку эту куда-то увезли. Видать, забросили ее к нам по ошибке. Таких, как она, не пригодных к работе, содержали на «25-м километре», на инвалидной командировке. «Командировками» звались на Колыме лагерные поселения, и тут сказывалось присущее всей советской действительности лицемерие — кто нас в командировки посылал?!

В чине звеньевой я оказалась по той причине, что со мной эти старые женщины хоть как-то работали. Забитые, полностью растерявшиеся в обстановке лагеря с его проверками, разводящими, обысками, вечно кричащими вохровцами, они не умели за себя постоять и зачастую, работая на улице, не могли найти места, где бы погреться. На них всюду кричали и гнали свои же лагерники.

Работая снаружи, убирая снег вокруг теплиц в пятидесятиградусный мороз, порой мы заходили греться в одну из отапливаемых теплиц. Теплицу использовали для стекления рам, эту легкую работу, как и всегда в лагере, выполняли сильные, здоровые молодые женщины, заслужившие свое привилегированное положение наличием тех или иных покровителей. Теплица хорошо натоплена, работают они в одних платьях, делают легкую работу — режут стекла, вставляют в лежащие на столах рамы.

Вваливаемся мы, с мороза,— кайлили замерзшие глыбы снега со льдом, впрягшись в сани, вывозили в отвал,— намерзли валенки, намокли рукавицы, хотим передохнуть, погреться у топки тепличной печи... Раздается голос миловидной, курносенькой, молодой, вовсе не злой Тани Кузнецовой:

— Кто их сюда пустил? Холод наносят, а мы тут раздетые, стекла сломать могут. Бригадир! Где бригадир? Чего он смотрит? Гнать их надо отсюда, повадились ходить, нам работать мешать.

Вот так и гнали отовсюду свои же этих старух.

В звене старух находилась и Тоська. Конечно, в моем заступничестве, погреться у печки, она не нуждалась, ее не тронь — сдачу даст и работать не пойдет.

— Тоська, пойдем немного поработаем, а потом опять греться придешь,— стараюсь я ее уговорить.

— А ню тебя, и не подюмаю. И циго ты ко мне пистала, Беретинска? Отвязись, не пойдю.

Зовет она меня то Сольмоновна, то Беретинска; по-хорошему — Сольмоновна, сердится на меня — Беретинска. А если уж вовсе рассердится, тогда скажет: «Сюлемы тьебе на три копейки»,— так она ругается. Почему сулемы, было еще кое-как понятно, но почему на три копейки,— не вполне ясно, а спросить Тоську нельзя — не знаешь, что ответит. Но, кроме «сюлемы», никакими другими словами Тоська не ругалась. Иногда мне все же удавалось уговорить ее работать, но тут нужно было задеть ее самолюбие.

— Тося! Может, поможешь нам? Попался лед, надо ломом, а мы не можем, не хватает сил.

— Ну лядно... показь где?

Когда Тоська захочет, она и сильная, и ловкая, и в такой азарт входит, что лом и кайло так и мелькают в ее руках, и тогда она начинает подгонять других:

— А ню, ребятки, севелись! («Ребятки» — относится к старухам.) — Быстрей, быстрей, а ню сьтобы зиво! Давай, давай, циго стали? Работать надо, не на пеци сидись. Ню сьто вы без меня?..— кричала она, торжествуя.

В лагере Тоська пользовалась некоторой свободой, за ней не очень следили. Стали мы замечать, что за этими юбками вроде живот у нее растет.

— Тоська! Кажется, ты беременна.

— С циго бы это? — был ответ наивным тоном.

— Ну тебе-об этом лучше знать,— смеялись мы. «С циго» да «с циго» — природу не обманешь — и в одну ночь по всему бараку раздался истошный крик Тоськи:

— Вьоды ка-льод-ной! Вь-о-ды ка-льод-ной!

Помочь ей бросилась лежавшая неподалеку от нее Циля Коган.

— Что с тобой, Тося, дать тебе воды? Что ты живот трешь, болит?

— Нет, Цилецька, не боли, я его мулю.

— Мылишь живот? Для чего? Разве это поможет?

— Да нет, Цилецька, я не мылю, а мулю. Разве ты не знаесь, Цилецька, что надо мулить зивот? У меня зе там сьто-то есть, Цилецька, а у нас в деревне, если в зивоте сьто-то есть,— надо мулить. Поняла, Цилецька?

Увы! Не только Циля, но и мы все, которых она перебудила, не понимали, что за таинственные манипуляции она проделывает с животом*.

Тоська таким спокойным тоном объясняла свои лечебные процедуры, что Циля от нее отошла. Не успела лечь у себя на койке, как снова по бараку разнесся истошный крик:

— Вьо-ды ка-льод-ной! Вьо-ды ка-льод-ной!

Циля вскочила, подбежала к Тоське:

— Дать тебе воды? Вот я принесла, попей, легче станет.

— Сьто ты ко мне пистала, Цилецька, не хоцю я вьоды.

— Так что же ты орешь и воды просишь?

— Нет, я пить сьовсем не хоцю. Это в насей деревне так делают: как в зивоте сьто-то есть, надо мулить зивот и вьоды кальодной кьичать; ты очень хоросая, Циленька, а дурная — ницего не понимаесь.

Перебудила тогда Тоська весь барак своим криком «вьоды кальодной», однако никто на нее не рассердился,— мы буквально катались от смеха, как она громогласно объявила нам, что неизвестно от чего («с циго бы это») она беременна.

Так, беременной, погнали Тоську со всеми в пеший этап, и вместе мы оказались на Эльгене. Беременности своей она стыдилась и по-прежнему старалась ее скрыть.

Как-то, встретив во дворе лагеря свою знакомую по Сеймчану Симу Вайнберг, стала она ей жаловаться:

— Знаесь, Симоцька, посля я к насему доктору,— ведь зивот у меня болит, я много каси съеля, а он мне — ты беременна... С циго бы это? — уже не прежним задорным тоном, а печально сказала Тоська свою обычную фразу. И вдруг, ни с того ни с сего:

— А по-зьор-то какой? По-зьор какой...

— Почему же позор? — делая вид, что не понимает, спросила Сима.— Ты же сама говоришь, что живот у тебя от каши болит.

— А ню тебя, Симоцька,— рассердилась Тоська.— Будто сяма не знаесь! Ты мне только скази, как я людям в гляза глядеть стяну?

Так и пыталась Тоська обмануть и себя, и других и наперекор всем своим хитростям родила. Родила без врача, не в больнице, а прямо тут же, в бараке, стоя у стола. Мы были разбужены криком ребенка, сама она не издала ни звука. Позор рождения ребенка от неизвестного отца не покидал ее. Конечно, ее взяли в больницу. Ребенка своего она не стала кормить, специально простудила, ребенок недели через две умер от воспаления легких. Все это произошло на глазах тех, кто лежал с ней в одной палате. Встретив вышедшую из больницы Тоську, начала я стыдить ее:

— Что же это, Тоська, ты сделала, выходит, своего ребенка заморила! Ведь все видели.

— Не верь, Сольмоновна, не верь. Это они со зла... никому не верь,— причем говорит она не своим обычным тоном, а скороговоркой, подобострастно. И, неожиданно переменив и тему, и тон, спрашивает:

— Ты Борисова ** знаесь?

— Ну знаю... а при чем тут Борисов?

— Вот и при том... Ты знаесь, сьто он за рюцьку со мной здоровкался? Как в палату придет, так ко мне первой и рюцьку — Тоська, здравствуй.

— Все-таки я не пойму, почему ты мне про Борисова рассказываешь, когда я тебя о ребенке спрашиваю, — все еще не могу я понять, куда Тоська гнет.

— Ты зе пьонять долзна: стал бы Борисов со мной за рюцьку здоровкаться, коли бы я заморила мово ангелоцька? Подюмать только... да рази бы я, Сольмоновна, такой грех на дусю взяла? Тозе... сказяла... Заболела кьосецька моя, баноцьки Борисов велел поставить махонькому. Лезит ангелоцик мой на падусецьки, а на спиноцьке у него баноцьки, баноцьки, ну вот сицяс улетит кьосецька моя прямо к Богу в Царьствие его Небесное. А ты залядила, — заморила, да заморила... а обо мне-то ты подюмала?

— А что мне о тебе думать? Ты жива и здорова, а ребенка — уморила, — продолжала я все обвинять ее в гибели ребенка.

Вдруг Тоська перестала оправдываться и стала наступать:

— А домой мне ехать пьидетця? Ты как об етом дюмаесь? Сьто бы я с ебьенком ня рюках людям говорить стала? Заморила... заморила... В Царствии Небесном ангелоцик мой... где з ему есцо быть, он зе махонький, гьехов на нем нет... ты то подюмай, что хоросо ему там и у меня рюки свободные, — домой поеду. Заморила... заморила... понимать надо, а тогда и гьоворить.

---

* **Объяснение отыскала в Толковом словаре Даля: мулить, муливать — жать, производя зуд и боль.**

** **Борисов — главврач лагерной больницы Эльгена.**

Так мы и расстались на Эльгене с Тоськой, которая и ребенку райскую жизнь обеспечила, и про себя не забыла.

Вот еще вспоминается Тоська, как однажды, в Сеймчане, она у нас вождем была.

Работали мы как-то вместе с мужчинами на берегу реки на рубке капусты. Берег недалеко, обедать водили в лагерь, для чего приходил за нами староста. Одним ходить было запрещено под угрозой карцера. На обед отводился один час, за который надо успеть построиться (было нас человек шестьдесят), дойти до лагеря, где постоять, пока пересчитают, ринуться всем в столовую, где и без нас полно народу, вновь построиться и через час быть на месте. Времени в обрез. Не успел — без обеда остался. Как-то раз гудок на обед прогудел, все построились, ждем, что староста поведет, а его нет. И такие уж все покорные, забитые, безответные, что никто не решается пойти без этого самого старосты, который и сам не бог весть какое начальство. Главное во всей этой механике движения на обед — чтобы пошла первая шеренга, за ней без страха пойдут последующие («Откуда мы знали, что впереди нет старосты»).

Стоим, ждем, время уходит, того и гляди без обеда останемся, пойти первыми никто не решается. Вдруг из рядов выступила наша Тоська в деревенской косыночке, стала впереди всех, подняла призывно руку, слегка обернулась назад и бодро крикнула:

— Ребята-а-а! Не тюсюйсь *! Зя мной! — И пошла своей обычной походкой, слегка наклонившись вперед, помахивая широкими юбками и потряхивая головой. И все пошли за этой смешной Тоськой, которая одна, среди всей этой массы мужчин и женщин, старых и молодых, необразованных и ученых, не испугалась и позвала всех идти за ней.

Позвала — «Ребята, не тюсюйсь, зя мной!» — да еще все время и командует, подражая старосте:

— А ню! Кьто там разговаривает? Не отстявай! Сире сяг, сире сяг! — И идет, спотыкаясь, помахивая хвостиком косынки.

По дороге мы встретили этого старосту, зная, что опоздал, он очень спешил и вдруг увидел всю процессию с Тоськой впереди.

— Ты куда их ведешь? — спросил он, давясь от смеха.

— А ты не знаесь, сьто обедать пора? Ты где пропал? Мьозесь уходить, мы и безь тебя дойдем! А ню, не месяй! Хоцесь с нами идти — становись в ряд! — И снова, призывно подняв руку, прокричала свое: «Ребята, не тюсюйсь, зя мной!» — И мы спокойно двинулись дальше. С таким командиром не пропадешь!

Любила еще Тоська песни распевать. И песни ее тоже были особенные. Излюбленным ее репертуаром были частушки. Так, она пела:

Нитки цьорны, нитки цьорны, нитицьки кьюценые.
Пишют письма кавалерам барысьни уценые.

Из песен она любила «Ковыль шумит, деревья гнутся», особо останавливалась на том месте, где поется: «А поутру она проснулась, кругом помятая трава». Часто повторяла она и присказку — «Одет, обут, сыт, пьян и нос в табаке»...

Где кончила свои дни Тося Пепеляева, столько раз веселившая нас, не знаю, но вспоминаю о ней всегда с удовольствием и благодарностью за ту радость, что она приносила нам в нашей унылой жизни.

* Не тушуйтесь.

Рисунок Олега **ВУКОЛОВА**

ОЛИМПИЙСКАЯ ДЕРЕВНЯ

Владимир РЕКШАН

Фото Анатолия БОЧИНИНА

БЕГ НА ДЛИННЫЕ ДИСТАНЦИИ

Второй раз биться лбом о Будапешт было бы глупо, и поэтому я взял с собой все: микрораскладушку, плед, простыню, банки с консервами, растворимый кофе, кипятильник, сахар и шесть двухфоринтовых монет для телефона. Со мной было не только это. Я вез тренировочный костюм, спортивные тапочки, надорванные шиповки, и все это потому, что полгода назад случайная встреча в метро дала повод к новому сумасшествию.

СУХОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Профессиональный спорт нынешнего олимпийского движения, замешенный на допинге, деньгах, политике, представляет собой полную противоположность олимпийским идеалам, провозглашенным столетие назад бароном Кубертеном. Истинный дух благожелательного олимпийского соперничества пытается возродить спорт ветеранский. Состязания атлетов старше сорока лет (речь идет о легкой атлетике) проводятся на некоммерческой основе. Это принципиально! На стадионах нет рекламы, победителей чествуют без гимнов, спортсмены оплачивают сами все расходы и делают паевый взнос за участие в каждом виде программы. Через каждые пять лет ветеран переходит в следующую возрастную группу, и у него есть шанс стать чемпионом Европы, мира хоть в шестьдесят, хоть в восемьдесят лет. Год назад на чемпионат мира в США прилетели несколько атлетов старше девяноста и даже девяноста пяти лет! У нас ассоциации ветеранов-мастеров появились в Прибалтике, Ленинграде и Москве.

...Мне надоело в сорок лет ходить в молодых писателях, и я решил попрыгать в разряде мастеров-ветеранов. Когда-то я имел результат в прыжках в высоту 2.15 и подавал надежды. Надежды оборвались вместе со связкой, в жизни начался рок-н-ролл, и, хотя через несколько лет я опять стал подтверждать мастерский уровень, поезд ушел.

Войдя в юность ветеранскую, я стал без фанатизма посещать стадион, частично изгнал из внутренностей никотин и пары алкоголя литературно-музыкальных буфетов, а ко дню сорокалетия имел за плечами несколько ветеранских побед и результат около 1.90.

Загодя я получил вежливое приглашение на чемпионат Европы, в котором, в частности, предлагалось оплатить расходы бундесмарками. Так же как и у других питерских ветеранов, марок у меня под рукой как-то не оказалось, и мы было распрощались с надеждой, но тут пришло известие, что в виде исключения от советских граждан готовы получить и в рублях. Да вот и рублей не было, поскольку в литературной жизни то пусто, то не очень густо, а шло как раз пустое время. Но я продал пишущую машинку, заплатил положенное и — радостный! — стал прикупать консервы и по блату доставать кофе.

Итак — Львов: тепло, красивые женщины, митинги, в толпе которых видны лозунги типа «Хай живе КПСС на Чернобыльской АЭС!». За Львовом поезд переваливает Карпаты, а там уже не наша земля. Перед таможней ветеранов бросало в озноб — все читали постановление об ограничении вывоза товаров (продуктов на 5 рэ, промтоваров на 30 рэ, не более), но все что-то везли, опять же по русской неизобретательности упирая на водку... И вот мы в Европе.

Вообще-то в этой Европе я уже третий раз. Недавней зимой именно в Будапеште сутки околачивался по дороге в Италию без ломаного форинта и ночевал на холодном вокзале с неграми и наркоманами в ожидании поезда... Те-

перь же лето, есть консервы и телефоны местных литераторов и опять же опыт европейского бытия.

Мы выходим из поезда. Я самый молодой среди этих серьезных мужей, директоров и доцентов, полковников и подполковников, среди этих достойных старушек с выправкой ворошиловских стрелков. «Ах, молодость, вечная моя молодость!» — думается мне, а губы разжимаются, выкатывая веселую фразу: — Здравствуй, город Будапешт!»

Я лежал на раскладушке и смеялся:

— Где же ваши хреновые спонсоры?!

Бывший Директор, свернувшись в углу по-собачьи на спальном мешке, не унывал:

— Спонсоры — народ железный. Но банк не произвел расчеты! Он просто не принял деньги!

— Все отлично! — нажимал Энергичный Работяга.— Посмотрите на Полковника! Он спать собрался по стойке «смирно».

Полковник составил две парты, лег на спину, укрылся простыней, стал похож на мертвого и пожаловался:

— А я хотел двадцать километров идти. Двадцать километров идти в таких условиях!

— Ты можешь сдавать раскладушку за форинты,— посоветовал мне Доцент, протискиваясь в дверь с каким-то мягким предметом, одолженным на соседней помойке.

— А у вас эти форинты есть?

— Будут! — сказали Директор и Энергичный Работяга, а Полковник уже спал по стойке «смирно».

Первый день в Европе кончился, и теперь, лежа, приближаясь к сновидениям, я восстанавливал его содержание.

Нас встретили на вокзале, посадили в трамвай, и мы зайцем переехали через Дунай. Затем отвели в обычную школу и сказали: «Будете жить здесь». По школе уже бродили другие сов. граждане, или «совки» (самое обидное название подданных Кремля), превращая учебные классы в лежбища. Устраивались на партах, под партами, в коридорах на сквозняке,— везде. Отсоединившиеся прибалты, но не достигшие покуда конвертируемости, обеспечивающей комфорт отелей или мотелей, вернулись временно в состав Московской империи. Особо заслуженных, типа Брумеля, все-таки поселили в студенческой общаге со спальными принадлежностями, а непробивной чемпион Мюнхена-72 Юрий Тармак решил спать на улице.

Но обещали кормить! Не имея спонсоров (какие-то грехи перестройки!), я рассчитывал на консервы, а тут в неразберихе попал еще и на довольствие.

Вернувшись по мосту в Пешт, я до сумерек бродил по знойному городу, пытливо вглядываясь в эту красивую столицу, потерявшую последние очертания подневольного социализма; города, ломящегося по законам потребления от яств и конфекциона; города с «ягуарами» и «шевроле», с картонными «драбантами» из несуществующей ГДР, с пьяными нищими в подземных переходах. Я был не пьяный, но нищий с двенадцатью форинтами в кармане шорт. Очень хотелось пить. Я пил из всякого «копытца» — фонтанов и фонтанчиков. Мочил голову, гулял и глазел. И вдруг увидел на дне фонтана монету. Воровато оглянувшись, протянул руку, ухватил денежку — пять форинтов! — и, сложив с тем, что было, рванул в ближайший буфет, где с чувством буржуазного превосходства выпил стаканчик холодной «коки».

Вечером возле школы крепкая ветеранская женщина наяривала на трехрядке, а несколько пар резвилось возле. «Нормальный сумасшедший дом,— подумалось мне.— Чувство родины не должно покидать нас!»

Самобичевание и ерничество хороши в меру. И совсем неуместны они в рассказе о празднике открытия чемпионата. Представьте себе огромную чашу «Непштадиона», по зеленому газону которого под национальными флагами идут бодрые ветераны. В пестрой, ладно сидящей форме... Под флагом СССР — всего десять человек. С формой плоховато, зато имена звучат как песня — Брумель, Брагина, Ченчик, Близнецов, Лотова, Братчиков... Демонстрируя наглядно кризис и развал империи, внушительной колонной под возрожденным флагом прошли латыши. К ним с маленькими флажками за не имением большого примкнули эстонцы. Да и в команде Израиля, как после выяснилось из разговоров, оказалась половина бывших сограждан.

Серьезные люди произнесли в микрофон короткие речи, играл венгерский гимн, балетные пары кружили вальс и чардаш, а громкий оркестр выдувал из труб что-то такое громкое и маршировал.

Невольно наворачивалась слеза, душа молодела.

Загрохали стартовые пистолеты — забегали, запрыгали зрелые, пожилые, совсем старые старики и старушки.

Мы вернулись на лежбище просветленными, с тайной надеждой на успех, а утром Энергичный Работяга сказал:

— Так что — идем мы на рынок или нет?

Ночь вернула миру привычные очертания, и утром мы опять отчетливо осознали унижающую бедность.

— Рынок тут рядом. Через мост перейти только! — согласился Доцент.

— Господа,— резюмировал сказанное Бывший Директор.— Так не загнать ли нам местным жителям каких-либо вещичек?!

— А у меня ничего нет,— буркнул Полковник и лег по стойке «смирно».

У меня же освобождались восемь банок консервов «цыпленок с рисом», кейс с наборным шифром, в котором консервы пересекли границу, водчонка и кипятильник.

За мостом возле огромного кирпичного склада раскинулся рынок, а точнее сказать — толкучка. На этом рынке торговали всем в основном люди трех национальностей: поляки, вьетнамцы и сов. граждане. Венгры были покупателями. Бродили цыгане и старались чтонибудь украсть. Поляки покупали иногда вещи у сов. граждан, поскольку сов. граждане продавали дешево и сбивали полякам цены. Сперва мы робко присматривались к толкучке, а распознав в толпе коллег с рекордсменским прошлым, осмелели, выложили товары. Скоро я уже бродил свободный, но с двумя тысячами форинтов в кармане.

ГРУСТНОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Действительно, в Восточную Европу вывозится весь дефицит с нашего внутреннего рынка и продается по низким ценам, ведь здесь в магазинах все есть и продать можно лишь дешево. До недавнего дружественного времени рубль обменивался на девятнадцать форинтов. В магазине «Русская» бутылка водки, к примеру, стоит 200—220 форинтов. На толкучке — не более 150. Выгодно привозить сигареты. Венгерские самые дешевые — 23 форинта. «Ту» на рынке отдают за 20. И венгры берут. Элементарные расчеты дают такую арифметику: «Ту» → 50 копеек → 20 форинтов → 5 жвачек «Турбо» → 5 рублей в СССР = 1000% прибыли.

Погрузившись в стихию рыночных отношений, я отдал в местную книжную скупку два альбома на немецком языке, что взял с собой для представительства. Новые впечатления и жара, многокилометровые прогулки и торговые сделки — ко дню своего выхода в прыжковый сектор я уже не помню толком, в какую сторону бежать и какой ногой отталкиваться. Зато я видел в секторе живого Валерия Брумеля. Он не преодолел начальной высоты — 160 см,— но ему рукоплескали и зрители, и соперники и просили позволения сфотографироваться вместе на память. Я видел известного в прошлом венгра Иштвана Майора, победившего с фантастическим для сорокалетних достижением — 2.07! Так у меня уже не получится никогда. Среди сорокапятилетних Марк Желнов из Одессы побил мировой рекорд — 1.96!..

Космический Прыгун был кумиром миллионов и моим, естественно, в отрочестве, а теперь я представлен ему, прошу об аудиенции. Он же, нагоняя важность, подумав, соглашается:

— Но не сейчас. Когда у меня окажется свободное время.

Его я встречаю по нескольку раз каждый день, но не подхожу.

После «Непштадиона», опустошенный недавней схваткой и жарой, возвращаясь в спецприемник нашей школы, вижу фанерную стрелку на стене. Переводчик Вольский обучил в Ленинграде двум словам: «шер» и «бор». На стрелке начертано «Бор», то есть вино. С трепетом человека, униженного первым подзаконным актом восторжествовавшего плюрализма, дохожу до подвала «Бор» и в прохладной тишине с помощью скучающего продавца прямо из бочки набираю в полиэтиленовый баллон 1,5 литра мускателя за восемьдесят форинтов. 1,5 литра для меня многовато, но сказалось вдруг дефицитное самосознание.

Возле школы на парапете газона сидит и скучает Космический Прыгун.

— Добрый день,— говорю я.

— А это у тебя что? — отвечает Космический Прыгун.

— А это у меня сухой венгерский «бор» мускатель. Венгерские же «боры» по праву считаются одними из лучших в Европе.

— Что ж, я готов дать тебе интервью. Ты же просил!

— Конечно! — восклицаю я и начинаю брать интервью, в течение которого мы, пользуясь своим местонахождением, несколько раз совершаем антилигачевские демарши.

Из общежития, где у Космического Прыгуна койко-место, виден стадион «Биац». Там также состязаются ветераны.

— Зачем вы не стали смотреть состязания? Ушли сегодня на самом интересном!

— Для меня это цирк. Шапито! Клоунада какая-то. Я же профессионал. Космический Прыгун! Видишь часы?

Космический Прыгун снимает часы. На оборотной стороне дарственная надпись по-английски.

— Может, мне этими часами торговать? Или авторучкой?

И авторучка именная, с золотым пером.

— Я — пур мен. Нищий! Меня сюда зачем звали — почетным гостем. А форинтов не дали. Вчера из шведской газеты подходит — можно интервью? Интервью мое двести долларов стоит. Не успел еще в банке обменять.

Мне становится неловко за отсутствие долларов, и мы еще раз идем в сторону «Бора», а Космический Прыгун говорит, говорит просто так, ему, я вижу, скучно со мной, но одному, похоже, еще скучней.

— Тут один пива три «спаттена» взял, а потом мне: «Кто ты такой?» Он кооператор, он двадцать тыщ в месяц клепает, а я пенсию сто двадцать, но я-то Космический Прыгун, а он в финал в Токио не попал. «Ты мне «спаттен» отдать можешь? Сейчас?» — это мне говорит. Я его в Москве залью чем попросит. Тогда я ему говорю просто: «Тебя на кол посадят, бензином обольют и подожгут рэкетиры, а меня в Америку зовут лекции читать». Лекция — пять тысяч долларов.

— Какой гад! — говорю я и плачу.— Как он смел так Космическому Прыгуну?

— А они мне все завидовали. Всегда. Даже Тер. Всегда хотели, чтоб плохо. Кому они нужны? Мне на приеме вчера: «Вы и в Финляндии будете почетным гостем». И футболки дали. Три штуки.

Мы опять в общежитии, и Космический Прыгун достает из сумки пакеты.

— Я их в договорный магазин сдам по сто рублей и месяц проживу неплохо.

— Какие гады! — У меня сердце обливается кровью.— Как они смеют!

— А ты пиши все. Я ничего не скрываю...

Сон мой крепок и обилен. В полдень я выхожу из школы. Возле школы на парапете газона сидит Космический Прыгун и приветливо улыбается.

— Привет,— говорит.— Ты же вчера хотел интервью взять.

— Да-да,— соглашаюсь я без восклицаний.— Конечно.

— Надо было вчера со шведа двести долларов взять — да не взял.

— Я понимаю, но...

— Ладно тебе, брось! Ты не швед же. Тут один дед просится поговорить. Ему капиталисты форинтов надавали на память. Все должно быть честно, вчера — ты, сегодня — я...

Дед оказался фантастический: шестидесятичетырехлетний Николай Тарелкин, демократ и радикал из Древнерусского Городка. Он взял два «серебра», промолотив 100 и 200 метров соответственно за 13,2 и 27,6 секунды! Так и двадцатилетний не сможет.

В «Боре» нас встречали как постоянных клиентов. После второго захода я стал беспокоиться за демократа и радикала Тарелкина. «Крыша» у него довольно быстро «поехала», и скоро он уже кричал на весь этаж общежития.

— Мы говорим «нет» консерваторам! Мы говорим «да» рынку и частной собственности! Мы говорим «нет» административно-командной системе! В горкоме мне говорят: «Тебя, Тарелкин, пора в сумасшедший дом». Но мы говорим: «Нет, этот номер не пройдет!» И тогда я возглавил митинг и призывал по радио...

К Космическому Прыгуну заглянул Эгидус, симпатичный журналист из Литвы.

— Мы говорим «да» Свободной Литве! Мы говорим: «Нет», они не пройдут!» — закричал радикал Тарелкин и сжал кулак возле уха, как Бертольд Брехт.

На следующее утро я выбрался из школы черным ходом и кое-как, тенечком, добрел до стадиона. Старички и старушки все бегали и все прыгали. Бодрый их вид бередил совесть, одновременно странным образом восстанавливая душевное равновесие.

Стараясь разбавить вчерашние впечатления новыми знакомствами, я разговорился на ломаном английском с семидесятидевятилетним Чико Синьоре из Палермо. Этого высоченного пианиста и дирижера как-то и неудобно называть стариком. Он победил сверстников в спортивной ходьбе на пять километров с результатом, близким к мировому достижению, и был полон планов на будущее:

— Оф кос, в следующем году, некст е, я буду в Турку бить мировой рекорд. Когда я иду, вен я вок, дистанцию, сочиняю симфонию, и мое самочувствие всегда о'кей!

Он достает программку пасхальных концертов в Сицилии, которыми дирижировал, мы обмениваемся восклицаниями, но тут выводят бегунов на одну милю, точнее, 1,5 километра, тех, кому стукнуло более семидесяти пяти лет.

Среди атлетов наш Степан Андропов, бывший кузнец, а ныне банщик из Ленинграда. Еще в забеге участвуют атлеты-старички скандинавы и, конечно же, сыновья туманного Альбиона. Дело в том, что одна миля считается в Англии дистанцией лордов, и всякий раз трибуны замирают, когда собираются дать старт на милю...

Вчера наш Степан боролся со сверстниками в толкании ядра и уступил немцам и финнам. Эх, бывшему кузнецу еще б и техники! Его же конкуренты, особенно немец с кайзеровскими усами, демонстрировали прекрасный стиль начала столетия — и победили...

Степану, в общем, не светило бежать милю, ведь за каждый вид предполагался паевый взнос в тысячу форинтов. Но советским гражданам в качестве

исключения (вспоминают, похоже, наши дешевые газ и нефть) позволили посоревноваться бесплатно, и вот Степан на старте замер в наклоне.

Выстрел! Публика всколыхнулась. Кузнец-банщик уходит вперед, и с каждым шагом его отрыв все больше! В конце круга Степан впереди почти на сто метров! Трибуны волнуются: что это за таинственный русский? Ветераны глядят на секундомеры и не верят своим глазам. Но и здесь нужны техника и расчет. На втором круге Степана догоняют, он еле переставляет ноги, но переставляет! Упорствует, не сходит с дистанции, хотя и видно, как прадедушке тяжело.

Ветеранское европейское первенство — зрелище удивительное. Мы, допустим, видим по TV, как какой-нибудь бодрый дедок делает зарядку и обливается ледяной водой. А здесь таких дедков и бабусь сотни и сотни. Это просто геронтологическо-генетическо-пассионарный заповедник!

Последний вечер в школе, последний — в Будапеште. Где-то на банкете богатые ветераны произносят трогательные речи. Мы же, по-бедняцки расположившись в обжитом как попало классе, тоже подводим заграничные итоги.

— Спонсоров нужно искать, мужики,— напирает Энергичный Работяга.— Чтоб по сорок заявочных долларов выложили в Турку. Надо же пробиваться на чемпионат мира!

— Там, коллеги, нас с рублями не примут даже в качестве исключения.— Последнее слово Бывшего Директора...

Под окном ветераны опять наяривали на гармошке и веселились...

Утром начался исход на родину. До границы ехали недолго, но муторно — в переполненном сидячем вагоне. Приметы нового времени проступили, когда в поток спекулянтов, совершающих челночные рейсы, влились семьи наших военнослужащих.

День постепенно накалялся. За окнами колыхались злаки. Перед границей — огромное поле, забитое машинами и восточноевропейскими контрабандистами. Говорят, самая большая толкучка Варшавского Договора. За ней опять поля и злаки, много каких-то злаков весело колосится до самой границы. На границе колючая проволока, а за проволокой советская земля опять же колосится теми же злаками. И вот что интересно: почва по обе стороны границы одинаковая, солнце светит одинаково, венгры живут по обе стороны границы. Я слабо разбираюсь в злаках и не скажу точно название, но скажу то, что бросается в глаза: наши злаки отчего-то раза в два-три ниже...

Зато в Чопе есть памятник! Давненько что-то я не видел памятника, а тут сразу огромная, привычная колобаха. И пара-тройка неактуальных призывов на выцветших кумачах возле таможни на площади. Да не улыбки на лицах, а тень забот, да пустота на прилавках, хоть шаром покати — наш отечественный кегельбан.

В Питер пробиваемся замысловато, выделяя адреналин: какими-то электричками, какими-то плацкартными поездами.

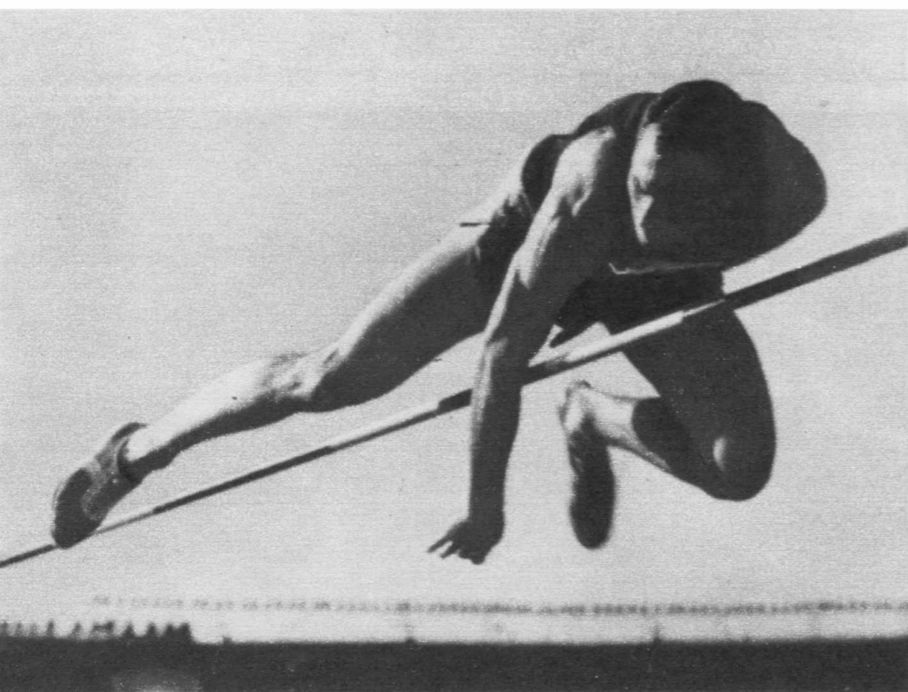
А в Питере... демократы свергают консерваторов, консерваторы саботируют, «теневая» экономика сращивается с уголовными элементами и представителями административно-командной системы. Я же опять пью кофе в писательском буфете, говорю, что далек от всего этого, что теперь ветеранство дает мне постоянный шанс, и у жизни появился точный смысл. Дней же через пять после возвращения, идя домой, вхожу в сквер, малахитовая зелень которого так красиво мерцает в ночи. Вспышка озаряет ночь — блеск! — это сзади чем-то кирпичеобразным бьют по голове, и я падаю на дорожку, а когда прихожу в себя в больнице, то недосчитываюсь двух сотен и сотрясенным мозгом представляю Нищету, в которой жить ближайший месяц.

Нина Пономарева, Галина Зыбина.

Лариса Латынина, Валерий Брумель, Елена Давыдова.

ПРОЩАЙ, КАТОК

Нина ЧУГУНОВА
Фото Марка ШТЕЙНБОКА

А расскажи мне про каток?

Как говорится, что сделал я с прекрасною судьбою, но есть острова для иной любви. Острова!

И — каток в том числе. С ним повезло всем, кроме меня. Мне на нем не бывать, меня на нем не бывало. Но я не жалуюсь. Кое-что получилось.

Не было пустячного пустяка — острова безопасности. Круглого, ясного. Над ним дышала, леденя, сама любовь, и лампочки электрические стукались друг о друга, мигая, моргая.

1

Замечаю: любой на вопрос о катке откликается как на зов. «...Пролет метро над Лужниками уже открывал тот мир, весь в электрическом огне. Я спускалась из метро вниз, оставляя за собой полумертвое сияние метро, и бежала туда, где был каток, дорожки заливали вокруг чаши стадиона. Я бежала, и мурашки озноба охватывали меня.

Много лет спустя я вдруг захотела пробежаться там, где раньше все сияло огнями, и на меня сразу выскочило несколько собак, охраняющих строительную свалку у бывшего метромоста. Я поняла, что многие вещи стали разрушаться в жизни одновременно. Лет десять нет станции метро «Ленинские горы»? Лет десять. Мне всегда страшно, когда метро проползает над Лужниками. Нет, не потому страшно, что поезд упадет. Страшно, что...»

А один ученый сообщил мне, что каток угадывает какую-то физиологическую потребность человека лететь по гладкому льду. Будто бы, говорит, даже любовь к свободному парению бедна в сравнении. Мол, говорит, в том-то все и дело, что поверхность остается горизонтальной, следовательно, есть иллюзия реальности, именно будничной. И в то же время летишь.

Вместе со сведениями о жизни за железным занавесом, то есть одновременно с тем, что к нам прорвалась музыка, до нас дошло известие — об искусственных катках.

В Нью-Йорке! Поднимите руки, кто помнит. Или — читал...

Но самое важное, говорят мне, ты обозначь, что каток был организующим началом социума. О социуме поразмышляй.

Да ладно тебе, говорю я. Каток уже вот-вот растает.

А он все не тает и не тает.

В те времена в Москве были в почете «гаги» и «канады», откуда пошло выражение «крутить канаду», теперь навсегда утраченное. «Гаги», объяснили мне, были именно нашим изобретением и отличались тем, что были низкие и плоские: их конструкция была проста, но считалось, что на «гагах» можно развить чрезвычайную скорость.

— ...а у меня была юбочка плиссированная. Юбочка плиссированная для катка! Специальная!..

Продолжаю. Ведь «канады» имели закругление спереди и сзади, что полезно и требуется для канадского хоккея. «Гаги» были пределом мечтаний тех, кто прикручивал коньки к валенкам. А прикручивались коньки к валенкам при помощи палочки, конструкция несложная, но на словах трудно объяснить. В общем, сначала веревочка закручивается сзади, потом затягивается на носке, потом укрепляется сбоку, чтоб не мешала.

— Мы приехали в Москву, когда я учился в седьмом классе, мне было трудно освоиться, адаптироваться, я это хорошо помню. Но я хорошо катался, я научился в глубокой провинции, где прежде служил отец, военврач. Мы стали жить в Колокольниковом переулке на Сретенке. Ближайший каток находился на Петровке, дом 28. Это был известный престижный каток. Туда шли те, кто понимал в коньках толк.

2

Почему ностальгия по катку? Почему нельзя прийти и покататься опять? Почему порыв смешон?

— Я тебе скажу главное. На катке нельзя было человека ударить. Там — с другой стороны, вне! На каток приходили отличники, которых лупили двоечники, и двоечники, которых ненавидели отличники,— и катались. Там катались бабушки. Папы и мамы. Дома хранились фотографии: папа с мамой на катке, когда они еще не были женаты.

— Было принято знакомиться так: «Покатаемся?»

Они оба, друзья мои, стали мне показывать, как надо браться за руки, катаясь парой. Они были очень смешными в этот момент.

— Ты знаешь, как кататься «через ножку»?

Они оба в этот момент улетают от меня по гладкому льду в их горизонтальной реальности, совместимой с чувством полета.

— Пойми! Мы жили в коммуналке. У нас был «КВН-49» с линзой. Фигурное катание было цитатой из «Серенады солнечной долины».

На каток, где катались с девушками, было неприлично прийти в «гагах».

— А паровозик, а паровозик? Помнишь?

Они напоминают мне тех, кто видел первых русских революционеров, а ведь они еще молодые.

В парке заливали аллеи. А сейчас заливают? Спрашивала, никто не знает.

А потом появился каток «Люкс». Считалось, что в «Люксе» лучший лед. Тем более что в парке было ветрено. И потом каток должен быть круглым. «Катание только в одну сторону».

Теперь скажу о своих догадках.

Каток пережил свой взлет во времена, когда начали блистать наши пары. Фигурное катание и было той линзой, через которую мы стали смотреть на мир, воображая самих себя катающимися под гром, под стон аплодисментов, весь мир воображая прилипшим к экрану.

Фигурное катание и хоккей, не считая плохо известного народу балета, были пищей нашего народа. Вместе с тем еще не кончились, по крайней мере в Москве, хорошие в продуктовом отношении времена. На Сретенке тоже продавали икру.

Фигурное катание было той почти реальностью и вместе с тем почти полетом, что необходимы человеку по природе, по роду, а не по родной, дрянной, черт знает кем накликанной ему судьбе.

И у нас были времена солнечной долины!

Из этого времени вышли девочки и мальчики удивительной породы. Теперь они прожили достаточно лет, но каток из их душ не вытравишь ничем. Это особенные люди. Сейчас о них расскажу.

Они стали кататься, как правило, несколько поздновато — как только загремели наши пары. У них была особенная одежда для катания. Они примерно знали, что никогда не добьются высот в катании (это лучше всего понимали девочки). Но они не подавали виду (лучше всего это удавалось девочкам). Они следили за тренировками «звезд» (если это была Москва, каток «Люкс»). Они повторяли движения. Они пробовали прыжки и повороты... Они имели свою походку возвращения с катка...

Они, особенно девочки, сделались впоследствии сильно устремленными вперед, к новым свершениям, людьми... хотя понимали, что не все добьются высот. Им в жизни стало постоянно не хватать чего-то. Любовь, дохнувшая на них леденящим дыханием, заморозила их, как Снегурочек, и они, румяные и хрустальные, выскочили в нашу жизнь.

Об их упрямстве можно писать научные книги!

Они не успевали быть «шестидесятниками». Они не все выстаивали перед полотнами авангардистов. Многие мало знали.

У них был каток. Это была их территория, остров безопасности и остров веры. Здесь они правили. Здесь нельзя было ударить. Здесь всегда играла музыка, здесь под Новый год устраивалась елка, лампочки электрические стукались друг о друга, мигая, моргая. «Покатаемся?» Катание только в одну сторону. Никого не обидели на катке. Ни у кого не отняли его любовь. Это было по другую сторону.

Конечно, каток не должен был растаять. Как не должны были разрушать под видом ремонта пролет метро от станции «Спортивная» до станции «Университет» через станцию «Ленинские горы» ...уже когда метро пролетало над Лужниками, а там, где-то внизу, сиял наподобие волшебного зеркальца каток, откуда уже почти слышалась музыка, мурашки начинали бегать по коже, когда, замирая от почти ужаса новой встречи, ты бежала от полумертвого сияния метро, и коньки впивались в спину тупыми зазубренными носками.

Иные остались на катке навсегда.

— Только не приплетай сюда ремонт моста! В проекте его, это я доподлинно знаю, был изначально заключен порок. Я найду тебе специалиста, он расскажет: порок был заключен в проект, как капсула воздуха бывает заключена в металл.

Значит, порок был в самом проекте, и сияние не зря казалось полумертвым?

Не может быть, чтоб так в жизни все было взаимосвязано, и остров безопасности, однажды передислоцированный от музыки и света во тьму, в беспросветную тьму вечного ремонта...

Где-то говорят о прерванном полете бумеранга. Следовательно, лгут.

Не может быть, чтоб жизнь так зависела от пустяков и так или подтверждалась, или была разоблачена.

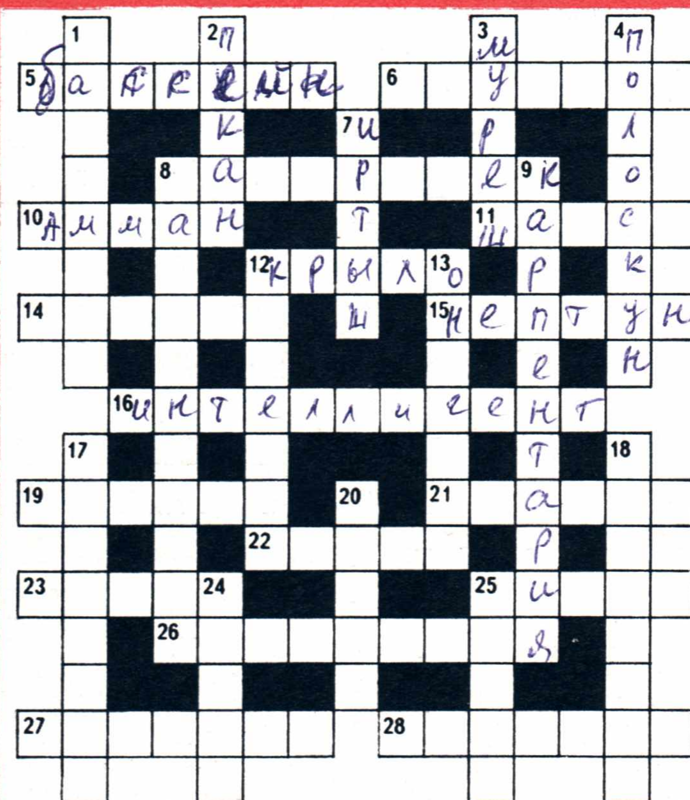

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Искусственный водоем. 6. Советский летчик-космонавт. 8. Романс М. И. Глинки. 10. Столица Иордании. 11. Основная часть автомобиля. 12. Несущая плоскость самолета. 14. Приполярное пространство. 15. Планета. 16. Культурный, образованный работник умственного труда. 19. Город в Испании. 21. Народный художник СССР. 22. Помещение в гостинице. 23. Быстрое, стремительное наступление. 25. Разноцветные бусинки для вышивания. 26. Декоративная дальневосточная лиана. 27. Птица семейства голубей. 28. Съедобный гриб.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Шутка, комическое обыгрывание сходных слов. 2. Южное дерево семейства ореховых. 3. Река в Румынии и Венгрии. 4. Обыкновенный енот. 7. Приток Оби. 8. Этажерка для комнатных цветов. 9. Залив у северных берегов Австралии. 12. Русский архитектор XVIII — XIX веков. 13. Французский композитор. 17. Сигнальное устройство на улице. 18. Короткая комическая пьеса. 20. Промежуток рабочего времени на производстве. 24. Сторона бухгалтерского баланса. 25. Рассказ И. С. Тургенева из «Записок охотника».

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 12

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 4. Боккерини. 7. Муфта. 8. Налим. 9. Фирдоуси. 10. Аттестат. 11. Чаша. 13. Асафьев. 16. Полк. 17. Малоярославец. 20. Айва. 21. Аэрарий. 24. Герб. 27. Протóкол. 28. Мерецков. 29. Ласка. 30. Рубин. 31. Кириллица.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Скорина. 2. Юрюзань. 3. «Пуритане». 4. Батон. 5. Индер. 6. Михайлов. 12. Атланта. 13. Авдотка. 14. Фасовка. 15. Виварий. 16. «Печенег». 18. Хейердал. 19. Цирконий. 22. Реляция. 23. Румпель. 25. Гопак. 26. Цедра.

ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ

СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ КООПЕРАТИВНЫХ ФИРМ

«КИСС» БЫСТРО И КАЧЕСТВЕННО ВЫПОЛНИТ СЛЕДУЮЩИЕ ВИДЫ РАБОТ:

В Москве, Московской и прилегающих областях, по государственным расценкам

В любом регионе СССР. В крупных объемах. По договорным ценам

Рассмотрит предложения о производстве указанных видов работ в развивающихся странах.

Устройство песчаных, песчано-гравийных, бетонных дорог

Устройство дорог и площадок из железобетонных дорожных плит

Монтаж сборных железобетонных конструкций, металлических ангаров (из материалов заказчика)

Устройство насыпей из песка

Справки по телефонам: 526-40-52 (в течение дня), 454-76-95 (с 9 до 18 часов)

В Москве:

ремонт фасадов зданий по государственным расценкам
капитальный ремонт жилых домов по договорным ценам

Справки по телефонам: 526-40-52 (в течение дня), 454-76-95 (с 9 до 18 часов).

Брокерское обслуживание предприятий, организаций, фирм на Российской товарно-сырьевой бирже

Телефон: 166-17-30

ПРИМЕТ НА РАБОТУ НА КОНКУРСНОЙ ОСНОВЕ:

ВОДИТЕЛЕЙ БОЛЬШЕГРУЗНЫХ АВТОМОБИЛЕЙ (автомобили новые, с правом приобретения в частную собственность)

МАШИНИСТОВ ЭКСКАВАТОРОВ, БУЛЬДОЗЕРОВ, АВТОКРАНОВ (техника новая)

Справки по телефону: 526-40-52 (в течение дня)

РАБОЧИХ ОТДЕЛОЧНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ, с перспективой работы совместно с инофирмами
Справки по телефонам: 526-40-52 (в течение дня), 467-09-51 (с 19 до 21 часа).

Адрес: 141180, Московская область, Щелковский район, пос. Загорянский, ул. Кооперативная, дом 3

Проезд: электропоездом с Ярославского вокзала до платформы Загорянская (направление на Монино).

Телефон: 526-40-52

1 руб. Индекс 70663